ISSN:2470-1262(Print)
ISSN:2831-4077(Online)

Cross-Cultural Studies:
Education and Science (CCS&ES)

Volume 7, Issue II, June 2022

The American scholarly journal Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES) ISSN-2470-1262 is both moderated and refereed
The aim of the journal CCS & ES is to present the results of interdisciplinary research in the field of social and humanitarian sciences (Linguistics, Literature, Intercultural Didactics and Smart-Technologies, Intercultural Communication, Migrantology).
The journal supports interdisciplinary studies in the humanities and social sciences.

Editor-in-Chief: Prof. Thomas R. Beyer, Middlebury College, USA
Managing Editor: Prof. Svetlana M. Minasyan, Ijevan Branch of Yerevan State University, Yerevan, Armenia

International Scientific Board:

Prof. Mitsuchi Kitajo, Kyoto Sangyo University, **Kyoto, Japan**
Prof.Tamara Kuprina, Ural Federal University, **Yekaterinburg, Russia**
Prof. Svetlana Minasyan, Ijevan Branch of Yerevan State University, **Yerevan, Armenia**
Prof. Turkan Olcay, Istanbul University, **Istanbul, Turkey**
Prof. Anna Petrikova, Prešov University, **Prešov, Slovakia**
Prof. Monica Perotto, Bologna University, **Bologna, Italy**
Prof. Nina Romanova, Moscow State Technical University after N. Bauman, **Moscow, Russia**
Prof. Wang Liye., Beijing Foreign Studies University, **Beijing, China**
Malebo Matshane, South African Embassy: Moscow, First Secretary: Immigration and Civic Affairs, **South Africa**

Editorial Board:

Rafaela Božić, Associate Professor, Ph.D., University of Zadar, **Zadar, Croatia**
Simona Berardi, PhD, Bologna University**, Forli, Italy**
Elena Ciprianová, Associate Professor, Ph.D., Constantine the Philosopher University,
Nitra, Slovakia
Simona Koryčánková, Assoc. Prof. Ph.Dr. Mgr. Ph.D., Masaryk University,
Brno, Czech Republic
Olha Ruda, Associate Professor, Ph.D., Constantine the Philosopher University,
Nitra, Slovakia
Ludmila Szypielewicz, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw,
Warsaw, Poland
Rafael Guzman Tirado, Doctor of Philology, Professor of Slavic Department of Granada University, **Granada, Spain**
Koichi Toyokawa, Doctor of Philosophy in the field of History and Area Studies, Professor at Meiji University, **Tokyo, Japan**
Kuralai Urazaeva, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Eurasian National University after Gumilyov (ENU)**, Astana, Kazakhstan**
Armen Tsaturyan, Doctor of Pedagogics, Professor, H. Tumanyan Vanadzor State University, "Vanadzor Special School of Deep Teaching Mathematics and Natural Sciences" SNPO, **Vanadzor, Armenia**
Natalia Ushakova, Doctor of Pedagogics, Professor at V.N. Karazin Kharkiv National University, **Kharkiv, Ukraine**
Neeraja Jaiswal, Doctor of Philology, Professor, Head, Dept. of Russian Studies and Dean, School of European Languages, the English and Foreign Languages University, **Hyderabad, India**
Marine Aroshidze, Doctor of Philology, Professor, Head of the doctoral and master's program "Linguistics"Batumi Shota Rustaveli State University, Department of European Studies, **Batumi, Georgia**
Ham Young Jun. Department of Russian language. Professor, Ph.D.Dankook University, **Seule, South Korea**

Address for correspondence and submissions:

Prof. Thomas R. Beyer
e-mail:beyer@middlebury.edu
infoccs.edu@gmail.com
***Tel:* +001-802-233-9447**

Web: http://sites.middlebury.edu/ccses/

WorldCat (OCLC) - ***Logos of some of our partners in the WorldCat knowledge base: ProQuest, EBSCO, Elsevier, Springer, Taylor and Francis, McGraw Hill Education, Wiley, Ingram, Cambridge University Press, Gale Cengage Learning, ebrary, Oxford University Press.***

The scientific journal is registered with Library of Congress, International center 227/07, Section ISSN Publisher liaison
The Library of Congress
101 Independence Avenue SE
Washington, D.C. 20540-4284

Scientific Index- RISC (РИНЦ)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont 05753, USA

The journal is issued three times a year. Articles are accepted from 1 February to 1 November in the preliminary application. Authors' opinions do not necessarily correspond with those of the editors.

Copyright © CCS&ES

Thematic Orientation

1. Literature and Culture: Historic and Contemporary
2. Contemporary Philology
3. Contemporary Issues of Linguistics and Translation
4. Theory and Methodology of Bilingual and Multilingual Education
5. Cross-Cultural Communication and Management
6. Intercultural Pedagogy: Theory and Practice.
7. Informational and Smart Technologies for Education
8. Socio-cultural Studies and Migration
9. Mathematical modeling of socio-cultural processes

Reviews and Notes
News

CONTENTS

LITERATURE AND CULTURE: HISTORIC AND CONTEMPORARY

EXISTENTIAL CONCEPTS SPACE, TIME AND NATURE IN ANDREI PLATONOV'S PROSE: AUTHOR'S SPECIAL INTERPRETATION OF THEM - ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ «ПРОСТРАНСТВО», «ВРЕМЯ» И «ПРИРОДА» В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ИХ ОСОБАЯ АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ - *Vassili V. Bouilov, University of Eastern Finland, Joensuu, Finland 6-14*

BULAT OKUDZHAVA AND BELLA AKHMADULINA: «CROSSINGOF FATES» - БУЛАТ ОКУДЖАВА И БЕЛЛА АХМАДУЛИНА: «СУДЕБ СКРЕЩЕНИЕ» - *Mayya M. Polekhina, MGIMO (Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia 15-23*

COMPARISON OF FORMS OF DIALOGUE IN RUSSIAN AND JAPANESE LITERARY WORKS - СОПОСТАВЛЕНИЕ ФОРМ ДИАЛОГА В РУССКИХ И ЯПОНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ - *Mitsushi Kitajo, Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan 24-35*

CONTEMPORARY PHILOLOGY

INTERACTION OF SUBJECTIVE AND OBJECTIVE LANGUAGE SYSTEMS IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION AND DEGLOBALIZATION OF LANGUAGES - ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ И ОБЪЕКТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВ - *Nekipelova Irina, M.T. Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia 36-45*

CONTEMPORARY ISSUES OF LINGUISTICS AND TRANSLATION

TRAINING OF LITERARY TRANSLATORS AND DEVELOPMENT OF EDUCATION PROGRAM - ПОДГОТОВКА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ И РАЗРАБОТКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ - *Kuralay Urazayeva, The L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan, Zhanargul Beisembayeva,The L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan, Karlygash Abylkhassova,Quantum Stem School, Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan 46-66*

ANALYSING THE IMAGE OF A GREEK IN RUSSIA LITERATURE DURING THE XIX-XX CENTURIES AND TRANSLATION IN CLASSES IN GREEK UNIVERSITIES: EXAMPLES FROM A. I. KUPRIN'S ESSA «LAESTRYGONIANS» - АНАЛИЗ ОБРАЗА ГРЕКА В РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В ПЕРИОД XIX-XX ВЕКИ И ПЕРЕВОД НА ЗАНЯТИЯХ В ГРЕЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ: ПРИМЕРЫ ИЗ ОЧЕРКА А.И. КУПРИНА «ЛЕСТРИГОНЫ» - *Oxana Kalita, Black Sea Countries Democritus University of Greece, Athens, Greece 67-73*

INTERCULTURAL PEDAGOGY: THEORY AND PRACTICE

INNOVATIVE MANAGEMENT IN MODERN SCHOOL - ИННОВАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ - *Anna A.Hakopyan, Northern University, Yerevan, Armenia 74-81*

THE ROLE OF MORAL EDUCATION IN THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS - РОЛЬ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В РАЗВИТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ - ***Asanbek T. Akmataliev, International Uzgen Institute of Technology and Education by academician B. Murzubraimov OshTU, Uzgen, Kyrgyz Republic, Mira K. Seidalieva, Osh State University, Osh, Kyrgyz Republic 82-86***

THE EFFICIENCY OF KOLB'S MODEL IN ONLINE LEARNING - ЭФФЕКТИВНОСТЬ МОДЕЛИ КОЛБА В ОНЛАЙН ОБУЧЕНИИ - ***Zaruhi Vardanyan, Vanadzor State University named after Hovhannes Tumanyan, Vanadzor, Armenia, Anush Gevorgyan, Vanadzor State University named after Hovhannes Tumanyan, Vanadzor, Armenia, Hasmik Mkhitayan, Vanadzor State University named after Hovhannes Tumanyan, Vanadzor, Armenia 87-94***

SCIENTIFIC AND TECHNICAL TERMS AND PROBLEMS OF THEIR CODIFICATION IN THE STUDY OF THE SPECIALTY LANGUAGE AT THE UNIVERSITY - НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ КОДИФИКАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА СПЕЦИАЛЬНОСТИ В ВУЗЕ - ***Tolganay S. Kurmanbayeva, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty University of Power Engineering and Telecommunications (AUPET) named after G.Daukeyev, Almaty, Kazakhstan 95-100***

DESIGN - A NEW SOLUTION IN EDUCATION - ПРОЕКТИРОВАНИЕ - НОВОЕ РЕШЕНИЕ В ОБРАЗОВАНИИ- Svetlana M. ***Minasyan, Ijevan Branch of Yerevan State University, Russian State Professional Pedagogical University, Yerevan, Armenia, Mariam R. Gevorgyan, French University in Armenia, Yerevan, Armenia, Institute for Physical Research, NAS of Armenia 101-110***

DEIXIS IN ELIZABETH II'S CHRISTMAS MESSAGES - ДЕЙКСИС В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ПОСЛАНИЯХ ЕЛИЗАВЕТЫ II - ***Sayadyan Nadya, Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University, Yerevan, Armenia 111-118***

CULTURAL ASPECTS OF THE POST-SOVIET REGIONAL PRINT MEDIA - КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТНОЙ СМИ - Inga Shamilishvili, Batumi Shota Rustaveli State University, Batumi, Georgia, Irma Gabinashvili, Batumi Shota Rustaveli State University, Batumi, Georgia 119-125

INFORMATIONAL AND SMART TECHNOLOGIES FOR EDUCATION

APPLICATION OF THE AUGMENTED AND VIRTUAL REALITY IN EDUCATION - ПРИМЕНЕНИЕ ДОПОЛНЕННОЙ И ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ - ***Irina V. McGuinn, Teacher of Russian language as a foreign and second native, at British International School of Houston, USA 126-132***

REVIEWS AND NOTES

Russian-Slovak Interlingual Homonymy / L. Gajarský. Brno: Tribun EU, 2021. 124 p. ISBN 978-80-2633-1648-0 - Русско-словацкая межъязыковая омонимия / Л. Гаярский. Брно: Трибун ЕУ, 2021. 124 с. ISBN 978-80-2633-1648-0. Jan Gallo, Associate Professor of Russian Department at Faculty of Arts of Constantine the Philosopher University in Nitra (Slovak republic). 133-135

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-6-14
УДК (UDC) 82-311.4

Vassili V. Bouilov
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland
Буйлов В.В.,
Университет Восточной Финляндии / UEF,
Йоэнсуу, Финляндия

For citation: Bouilov Vassili V., (2022).
Existential Concepts Space, Time and Nature in Andrei Platonov's Prose: Author's Special Interpretation of Them.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 6-14 (in USA)

Manuscript received 07/05/2022
Accepted for publication: 31/05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ «ПРОСТРАНСТВО», «ВРЕМЯ» И «ПРИРОДА» В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ИХ ОСОБАЯ АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

EXISTENTIAL CONCEPTS SPACE, TIME AND NATURE IN ANDREI PLATONOV'S PROSE: AUTHOR'S SPECIAL INTERPRETATION OF THEM

Abstract:

In the key prose texts of Andrei Platonov, just as it happens in a poetic text, the compositional structure is based on a detailed system of interacting philosophical concepts. Thus, Platonov came to his own understanding of nature as a philosophical-existential category which symbolizes the connection between space, time and the philosophy of human existence. Speaking of the violent destruction of nature, Platonov in an allegorical form also raises the question of the destruction of "human nature". Platonov's spatial category is characterized by cosmism of attitude and temporal volume. His spatial characteristics have a conceptual content that is boundless in scope. Platonov's space is endless. Platonov time materializes, acquires physically tangible three-dimensional forms, specific spatial and material characteristics. All these eternal categories merge in Platonov's narrative into Platonov's polyphonic chronotope, reflecting the infinite multidimensionality of Platonov's world and emotionally unfolding into immeasurable Platonov's cosmism.

Keywords: Andrei Platonov's concepts of "Space", "Time" and "Nature", philosophy of Russian cosmism, existentialism, temporality, spatiality, corporality, eventfulness, existentials, Platonov's polyphonic chronotope, Platonov's literary collision of Utopia and Dystopia.

Аннотация:

В ключевых прозаических текстах Андрея Платонова подобно тому, как это происходит в поэтическом тексте, основу композиционной структуры составляет развёрнутая система взаимодействующих между собой философских концептов. Так, Платонов пришёл к собственному пониманию природы как философско-экзистенциальной категории, символизирующей собой связь между пространством, временем и философией человеческого существования. Говоря о насильственном разрушении природы, Платонов в аллегорической форме поднимает вопрос также и о разрушении «человеческой природы». Пространственной категории у Платонова присущи космизм мироощущения и временная объёмность. Пространственные характеристики у него имеют концептуальное, беспредельное по охвату наполнение. Пространство у Платонова бесконечно. Время материализуется, обретает у Платонова физически ощутимые объёмные формы, конкретные пространственные и вещественные характеристики. Все эти вечные категории сливаются в платоновском повествовании в платоновский полифонический хронотоп, отражающий бесконечную многомерность платоновского мира и эмоционально разворачивающийся в безмерный платоновский космизм.

Ключевые слова: Платоновские концепты «Пространство», «Время» и «Природа», философия русского космизма, экзистенциализм, темпоральность, пространственность, телесность, событийность, экзистенциалы, платоновский полифонический хронотоп, платоновское литературное столкновение Утопии и Антиутопии.

Введение

Авторское восприятие и интертекстуальная интерпретация Андреем Платоновым концептов **ПРОСТРАНСТВО**, **ВРЕМЯ** и **ПРИРОДА** в значительной степени сформировались под влиянием поэзия Пролеткульта. При этом на саму поэзию Пролеткульта, а, следовательно, и на развитие экзистенциально-философских взглядов Платонова непосредственное воздействие оказала имевшая широкое распространение в российском культурном сообществе начала XX-го века **теория русского космизма**. Увлечение Платонова уже с юности концепцией космизма и трудами таких известных русских космистов, как Н.Ф. Фёдоров [3, 4], В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский [10, Русский космизм], нашло свое смысловое отражение во многих платоновских художественных трансформациях.

Отмечаемая нами приверженность платоновского художественного мировосприятия мышлению категориями «русского космизма» подтверждается, например, исследователем этого течения философии Н.М. Ефимовой, которая ссылается на мнения многих учёных, подчёркивающих присутствие идей космизма, в частности идей Н. Федорова, в творчестве таких писателей, как В. Брюсов, М. Горький, Н. Заболоцкий, В. Маяковский, Б. Пастернак, А. Платонов, В. Хлебников [2, с. 4]. Представляя более развёрнутый список таких известных своей принадлежностью к данному течению философской мысли философов и учёных, как Н.Ф. Фёдоров, А.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, В.Н. Муравьёв, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, Н.Г. Холодный, Ф.И. Купревич, А.К. Манеев и др. [2, с. 4], Ефимова трактует феномен этого научно-философского движения таким образом:

> *«<…> русский космизм – это совокупность идей, направленных на объединение человечества на основе равноценности людей независимо от расы и других биологических особенностей, социального положения; на выработку новых форм общественных отношений, основанных на гармонии, а не на противопоставлении людей друг другу или природе. Человек, его разум выступают как продукт космической эволюции, и эта эволюция продолжается и в наше время. В связи с этим разрабатываются идеи о преобразовании*

человека, в том числе его физического облика, совершенствование его интеллекта, исследуются возможности и способы достижения человеком бессмертия.» [2, с. 4]

Рассуждения

В тексте одного из концептуально ключевых произведений Андрея Платонова повести «Котлован» [9] основу композиционной структуры составляет развёрнутая система взаимодействующих между собой философских концептов. В то время как основными понятиями и мотивами платоновской онтологии являются такие философские категории, как существование, бытье во всех их реалистичных и художественно мифологизированных материальных и экзистенциальных формах, такие вечные категории, как **ПРОСТРАНСТВО** и **ВРЕМЯ**, сливаются в ограниченном вымышленном пространстве «Котлована» в платоновский полифонический хронотоп, отражающий бесконечную многомерность платоновского мира, ставший в «Котловане» центральной точкой отсчёта для всей образной и повествовательной композиции повести и эмоционально разворачивающийся в безмерный платоновский космизм. Обусловленное платоновским хронотопом слияние **ВРЕМЕНИ** и **ПРОСТРАНСТВА** рождает ощущение космичности, высокой одухотворённости, вселенской эволюционной предопределенности и исторически-философской осмысленности природы человеческого существования:

Прушевский <...> смотрел в поздний вечер мира. [9, с. 47]
Вощев захватил свой мешок и отправился в ночь. [9, с. 16]
Кузница была открыта в лунную ночь на всю светлую поверхность <...> [9, с. 86]
До самой глубины лунной ночи он шёл вдаль. [9, с. 57]

У Платонова **ПРОСТРАНСТВО** бесконечно. Его пространственные характеристики «имеют концептуальное, понятийное, беспредельное по объёму и охвату наполнение. Земной горизонт в «Котловане» перестаёт существовать. Пространство Земли у Платонова наравне со своей обычной земной горизонтальной протяжённостью беспредельно расширяется в высоту и обретает свою новую вертикальную объёмность, органично сливаясь с Космосом:

Он осмотрелся вокруг – всюду над пространством стоял пар живого дыханья, создавая сонную, душную незримость; устало длилось терпенье на свете, точно всё живущее находилось где-то посредине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление. [9, с. 59]
<...> – точно грусть – стояла мёртвая высота над землёй <...> ни на что не отлучаясь взглядом <...> [9, с. 27]
<...> на всю лунную окрестность <...> (82) [9, с. 82]
<...> воздух большой, а ты маленькая <...> [9, с. 82]

Пространственной категории у Платонова присущи космизм мироощущения и временная объёмность. Персонажи «Котлована» живут не в каком-то определённом, имеющем конкретное название поселении, населённом пункте – они живут ***на равнине страны***, ***в пространстве***, *живут* ***вдаль,*** *отправляются, уходят не по дороге, а* ***в открытую дорогу***:

– тогда бы вы увидели, какой это погибший город стоит среди равнины нашей страны <...> [9, с. 23]
Вощев ушёл в одну открытую дорогу. [9, с. 55]

М.А. Дмитровская отмечает, что эволюция значения слова *пространство* шла от конкретного к абстрактному и ещё в начале XVIII в. слово *пространство* имело много

значений, связанных с конкретикой. Оно могло иметь значение ’большие размеры чего-либо’ или употребляться в значении ‘простор, громадность, великость’. Слово *пространство* могло употребляться в генетивных конструкциях с зависимым пространственным обозначением более конкретной семантики, например, все пространство мира, *небес пространство*, *великое пространство воздуха и неба*, *пространство вихря* [1, с. 51].

При рассмотрении взаимодействия и соотношения концептов **МЕСТО** и **ПРОСТРАНСТВО** именно в прозе Платонова Дмитровская увязывает такое соотношение с особым, платоновским употреблением слов *место* и *пространство*, делая акцент на стремлении Платонова при их использовании в тексте уйти из конкретного в абстрактное при сохранении между ними баланса, который диктуется конкретными художественными задачами платоновского повествования:

> *«Сопряженность понятий пространства и места проявляется также в часто встречающихся у Платонова генетивных конструкциях со словом* ***место*** *в качестве ключевого и словами с размытыми представлениями о пространственных границах в качестве зависимых. Особенно показательно словосочетание* ***место пространства*** *<...> Обращает на себя внимание избыточность здесь слова* ***место****:* ***«в тёмном месте пространства»*** *= ’в тёмном пространстве’. Столь же избыточно слово* ***место*** *и в других примерах, где в качестве зависимых употребляются слова более конкретной семантики (****земля, родина, окрестности, поля, равнина, овраг, деревня*** *и т.д.) <...> Употребление слова* ***место*** *в подобных случаях служит средством организации и ограничения пространства. Действительно, словосочетания* ***места земли, место пространства****, и под. обозначают сущности более конкретные и ограниченные, чем слова* ***земля*** *и* ***пространство****, семантика которых связана с открытостью, разомкнутостью пространства.»* [жирный шрифт – наш; В.Б.] [1, с. 52-53]

Слово *место* несёт в себе конкретизирующую семантику ограничения и организации, а слово *пространство* содержит в себе семантические компоненты масштаба, простора, протяжённости, наполненности, распахнутости и открытости. Постоянное писательское стремление к абстрагированию конкретного позволяет нам наблюдать в «Котловане» платоновских героев, которые живут не в городе или деревне, губернии или республике, а в раскрытом, распахнутом в Космос безграничном пространстве. Из домов они выходят не на двор или улицу, а ***в пространство***, ***в природу***, ***в окрестность***, ***в погоду***, ***в лето***, ***в пустоту*** и т.д.:

> *Вощев <...> тронул лошадь, чтобы ехать обратно в то пространство, где он был.* [9, с. 57]
>
> *<...> Вощев очутился в пространстве <...>* [9, с. 17]
>
> *Вощев отворил дверь Оргдома в пространство и узнал желанье жить в эту разгороженную даль, где сердце может биться не только от одного холодного воздуха, но и от истинной радости одоления всего смутного вещества земли.* [9, с. 94]

Говоря о взаимодействии платоновских концептов **ПРОСТРАНСТВО** и **ВРЕМЯ**, В.В. Летуновский ссылается на базовые положения экзистенциальной теории швейцарского психолога Медарда Босса и отмечает доминирующие в нашей жизни функции **«темпоральности»** и **«пространственности»**. Летуновский помещает «пространственность» и «темпоральность» в начало списка наиболее важных экзистенциалов, содержащего в себе, например, такие экзистенциалы, как **«телесность», «событийность»**, которые в своем универсальном единстве составляют «необходимые черты человеческого существования, данности, без которых оно не может рассматриваться как таковое» [7: 3.2.1.]

Летуновский подчеркивает в учении Босса мысль о равной истинности экзистенциалов, что исключает их понимание и расположение в какой-либо иерархии, но предполагает именно их единство, благодаря которому «человеческое существо может быть охарактеризовано как собственно человеческое» и благодаря которому «мы способны постигать значение того, что встречается на нашем пути, как оно есть на самом деле» [7: 3.2.1.]. Резюмируя теорию Босса, Летуновский указывает на эту совокупность ведущих экзистенциалов как на «суть человечности человека»:

> *«Присутствие человека в мире всегда характеризуется присутствием в конкретный момент времени в конкретном месте. <…> Поэтому первые экзистенциалы, с которых Босс начинает исследование самых существенных черт человеческой экзистенции, это пространственность и темпоральность <…> Причём пространство обычно представляется нам в виде большого «космического контейнера». <…> Человек также представляется как одна из вещей в пространстве. <…> Однако согласно концепции Босса, перенесение подобного понятия пространства на человеческую действительность неправомерно, поскольку при сведении пространства к обычному интервалу между объектами происходит его неоправданная редукция или, по словам самого Босса, «тотальное опустошение». При этом речь идет, о том, что за скобками оказывается значение и смысл вещей, находящихся в пространстве.»* [7: 3.2.1.]

ВРЕМЯ у Платонова материализуется, обретает физически ощутимые объёмные формы, конкретные пространственные и вещественные характеристики: ***Текущее время тихо шло в*** *полночном мраке колхоза <...>* [9, с. 59]. Платонов допускает возможность осуществления в художественном пространстве «Котлована» «условно-обратного» движения во времени: *<...> собираясь отправляться в них* ***обратно в старину*** [9, с. 44].

Затрагивая тему концепта **ПРОСТРАНСТВА**, Дмитровская напрямую увязывает его с концептом **ВРЕМЕНИ**. Она говорит о двух моделях времени – циклической и линейной, которые соответствуют двум пространственным моделям, присутствующим в прозе Платонова – мифопоэтической и ньютоновской, что подтверждает мысли М.М. Бахтина о хронотопе как единстве времени и пространства, выражающим их неразрывность. [1, с. 56]. Цикличностью времени определяется специфика авторского исчисления хронологии платоновского повествования:

> *«Писатель в соответствии с архаической моделью восприятия времени часто указывает на время того или иного события, просто отмечая часть суток и освещённость <...>. Кроме обычных обстоятельств* ***утром***, ***до утра***, ***под утро***, ***на рассвете***, ***наутро***, *писателем могут использоваться и более развёрнутые описания, ср.: «****Поближе к утренней заре*** *гостевые вчерашние мужики стали расходиться в окрестность* [9, с. 86] *<...> Придерживаясь архаической временной модели, писатель овеществляет представление о движении времени, его ходе. <...> Этой цели служит, в частности, буквальное прочтение метафор* ***время течёт / течение времени / текущее время***; ***время идёт / ход времени***; ***время вышло***, ***время уходит***.»* [жирный шрифт – наш; В.Б.] [1, с. 59, 67]

Концепты не только **ВРЕМЕНИ**, но и **ПРИРОДЫ**, климатические и сезонные погодные условия, времена года обретают в «Котловане» пространственные и качественные характеристики и пространственное измерение, и наделены в платоновском мироустройстве особыми свойствами:

Прушевский осмотрел пустой район ближайшей природы <...> [9, с. 40]
<...> Его пеший путь лежал среди лета <...> [9, с. 17]
<...> старое дерево росло на нем одно среди светлой погоды. [9, с. 15]
<...> однообразная, несбывающаяся музыка уносилась ветром в природу через приовражную пустошь <...> [9, с. 15]

Ю.И. Левин так определяет место **ПРИРОДЫ** и всех форм её духовно-экзистенциального и сугубо материального проявления в платоновской системе ценностей и в онтологии Платонова:

«Платоновский «стихийный» (или «наивный», или «народный») экзистенциализм касается не только человеческого бытия, но и бытия предметного. Это своего рода панэкзистенциализм. Одушевленность узуально неодушевлённых предметов, от палых листьев до звёзд или паровозов, не говоря уже о животных и птицах, – инвариант платоновского мира; но одушевляет их Платонов именно для того, чтобы сообщить их существованию экзистенциальную тоску, безысходность и сиротство, – и в результате весь Космос оказывается проникнут ими. При этом человек и природа экзистенциально связаны, и отношения между ними регулируются своеобразным законом сохранения <...>» [8, с. 410]

Платоновское видение **ПРИРОДЫ** в различные периоды творческой жизни Платонова было неоднозначным. От отношения к природе как к враждебной человеку и неуправляемой стихии, которую можно только или завоевать, или уничтожить, унаследованному от Н.Ф. Фёдорова [3, 4], он пришёл к собственному пониманию природы как философско-экзистенциальной категории, символизирующей собой связь между пространством, временем и философией человеческого существования:

<...> солнце, как слепота, находилось равнодушно над низовою бедностью земли; но другого места для жизни не было дано. [9, с. 39]

С.А. Кузнецова определяет степень художественного отражения темы природы в прозаических произведениях Платонова и трактует отношение писателя к природе таким образом:

«А. Платонов, говоря о природе и общении с ней человека, противопоставляет своё видение преобладающим в литературе установкам на её поэтизирующее возвышение. Мир природы в его произведениях – будничный, прозаический, приближённый к однообразной повседневности.» [6, с. 297]

Мы считаем, что даже если гипотетически допускать возможность такого неромантического и эмоционально отстранённого видения природы Платоновым, это не мешает ему как писателю достигать в «Котловане» высокого уровня художественного обобщения при описании природы. Хотя писатель и создаёт на страницах своей прозы иногда довольно печальные по настроению и степени философской сосредоточенности природные зарисовки, они при всём этом отличаются особой платоновской поэтической метафоричностью, «выписанностью» и экспрессивностью:

<...> с высоты крыльца он видел лунную чистоту далёкого масштаба, печальность замёршего света и покорный сон всего мира, на устройство которого пошло столько труда и мученья, что всеми забыто, чтобы не знать страха жить дальше. [9, с. 81]

Более того, по нашему ощущению, в цитируемых здесь отрывках из «Котлована», как и в большей части прозы Платонова, описание природы, не являясь буквально романтическим, по своему стилистическому оформлению и насыщенности приближается к высокой поэзии. Тема природы дает Платонову мощный импульс в его вдохновенном познавании мира и является ведущим мотивом в платоновском поэтически образном выражении философии человеческих отношений:

> *<...> неясная луна выявилась на дальнем небе, опорожненном от вихрей и туч, на небе, которое было так пустынно, что допускало вечную свободу, и так жутко, что для свободы нужна была дружба.* [9, с. 81]
> *Чиклин прислушался к начавшемуся дождю на дворе, к его долгому скорбящему звуку, поющему в листве, в плетнях и в мирной кровле деревни; безучастно, как в пустоте, проливалась свежая влага, и только тоска хотя бы одного человека, слушающего дождь, могла бы вознаградить это истощение природы.* [9, с. 59]

В «Котловане» **ПРИРОДУ** не обходит идеология. Всё, что мешает доминированию утопической идеи, по представлению идеологов, начальствующих где-то **«там, наверху»**, должно быть подвергнуто казённому администрированию и насильственному регулированию, даже если это природа:

> *Вощев, опершись о гробы спиной, глядел с телеги вверх – на звёздное собрание и в мёртвую массовую муть Млечного Пути. Он ожидал, когда же там будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни.* [9, с. 57]
> *– Дезорганизация! – с унылостью сказал активист про этот остужающий вечер природы.* [9, с. 64]

Говоря о насильственном разрушении **ПРИРОДЫ**, Платонов в аллегорической форме поднимает вопрос и о разрушении «человеческой природы». Для животных и для человека наступают необратимые изменения в привычном для них течении жизни. Птицы, вопреки законам природы (всё в мире перевернулось), не желая подчиняться новым законам людей, улетают отсюда. Человек тоже хотел бы уподобиться птицам, чтобы вместе с этими птицами тоже бежать, лететь, исчезнуть отсюда навсегда:

> *На том месте собрались грачи для отлёта в тёплую даль, хотя время их расставания со здешней землёй ещё не наступило. Ещё ранее отлёта грачей Елисей видел исчезновение ласточек, и тогда он хотел было стать лёгким, малосознательным телом птицы <...>* [9, с. 59]

Разрушительная деятельность носителей новой идеологии и «переустроителей мира» вызывает в природе необратимые изменения. Это не рассматривается ими как нанесение невосполнимого ущерба природе или катастрофа. Напротив, они усматривают в этом символическое проявление непобедимости власти, воспринимая это как манифестацию победы государства господствующей идеологии над «диалектически враждебной» для него силой **ПРИРОДЫ**:

> *<...> Настя <...> думала, почему в колхозе зимой тепло и нету четырёх времён года, про какие ей рассказывал Прушевский на котловане, когда на пустых осенних полях прекратилось пение птиц.* [9, с. 78]

Заключение

Платонов по роду своей первоначальной профессиональной деятельности проведший значительную часть жизни близко к природе и прошедший путь от успешного ведущего мелиоратора-энтузиаста до писателя мирового значения, не только хорошо успел познать, духовно отвергнуть и художественно разоблачить экзистенциальные нестыковки между реальными потребностями жизни и утопией, жёстко воплощённой идеологией в советский жизненный обиход, но и сумел предвидеть и предречь в своем творчестве многое из того, что случилось с **ПРИРОДОЙ** и всё ещё ведомым этой утопией обществом уже в будущем, далёком по времени от жизни писателя. Так, безграничная власть номенклатуры, проповедующей исторический материализм, была готова переломить проявление любого инакомыслия и «инакосуществования», даже если они исходили от самой **ПРИРОДЫ**. И вплоть до наших дней борьба авторитарной системы со стихией **ПРИРОДЫ** может протекать в форме реализованного в жизни гротеска. Вспомним уже в 70-е годы принятый к исполнению в СССР проект по повороту северных рек, в силу своей абсурдности и разрушительности для глобальной экологии, к счастью, остановленный отдельными честными учеными, мужественно преодолевшими большие личные трудности и активное сопротивление власти, чтобы добиться этого. Как в своё время писатель Платонов в своём откровенно протестном литературном творчестве (по удивительному совпадению, когда-то служивший мелиоратором по своей второй профессии), эти отчаянные инакомыслящие учёные-одиночки не побоялись выступить против бездумного, а точнее, реально безумного утопического проекта партии, который, по сути, мог стать **современным вселенским прообразом КОТЛОВАНА**.

Незначительный в масштабе всей истории период времени между нашей современностью и эпохой, в которую писал Платонов, успел ознаменоваться таким историческим опытом, когда **ПРИРОДА** рассматривалась идеологами государственной утопии как плацдарм для геополитического завоевания альтернативного этой утопии окружающего мира. По их «глобальной задумке»», населяющие это природное пространство многообразные человеческие популяции, цивилизации и этнически сложившиеся общности людей, этногенезы [термин Л.Н. Гумилева; 5], должны были быть «осчастливлены» утопической философией, отголоски которой можно ещё постоянно слышать и в жизни нашего современного общества. Утопией, сводящей к общему катастрофическому знаменателю все формы геополитической, культурной, экологической и природно-антропогенной среды существования человечества. Утопией, к бескомпромиссной борьбе с которой через свою Антиутопию сознательно пришёл в своём литературном творчестве Андрей Платонов.

References:

1. Dmitrovskaja M.A. (1999). Jazyk i mirosozercanie A. Platonova. Dissert. na soiskanie uchen. step. dok. filol. nauk. Moskva: RUDN.
2. Efimova N.M. (1996). Russkij kosmizm o prirode zhizni i smerti: N. Fedorov, K. Ciolkovskij, A. Platonov. Avtoreferat. Internet-resurs 12.08.2014: http://www. dissercat.com/content/usskii-kosmizm-o-prirode-zhizni-i-smerti-n-fedorov-k-tsiolkovskii-platonov.
3. Fedorov N.F. (1982). Sochinenija. Iz 2 toma «Filosofii obshhego dela». Stat'i o reguljacii. Moskva: Mysl'.
4. Fedorov N.F. (1993). N.F. Fedorov. V knige: Russkij kosmizm: Antologija filosofskoj mysli. Sost. S.G. Semenova, A.G. Gacheva. Moskva: Pedagogika-Press, 64-84
5. Gumilev L.N. (1989). Jetnogenez i biosfera zemli. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.

6. Kuznecova S.A. (1999). Priroda i chelovek v rasskazah Platonova 1930-h gg. «Strana filosofov» Andreja Platonova: Problemy tvorchestva. Vyp. 3. Moskva: IMLI RAN, 297-302.
7. Letunovskij V.V. (2001). 3.2.1 Bazovye jekzistencialy. Jekzistencial'nyj analiz. Istorija, teorija i metodologija praktiki. Dissert. na soisk. uch. st. kand. psihol. nauk. Nauchn. ruk. dok. psihol. nauk Leont'ev D.A. Na pravah rukopisi. Moskva: MGU, f-t psihologii. Internet-resurs: zpsy.ru Smysl zhizni, razdel sajta hpsy.ru: http://hpsy.ru/public/x1425.htm.
8. Levin Ju.I. (1998). Ot sintaksisa k smyslu i dalee («Kotlovan» A. Platonova) Levin Ju.I. Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika. Moskva: «Jazyki russkoj kul'tury», 392-419.
9. Platonov A.P. (1988a). Kotlovan. Moskva: Knizhnaja palata.
10. Russkij kosmizm (1993). Russkij kosmizm: Antologija filosofskoj mysli. Sost. S.G. Semenova, A.G. Gacheva. Moskva: Pedagogika-Press.

Information about the author:

Vassili Bouilov (Helsinki, Finland) *– Doctor of Philosophy (FT/PhD) Senior lecturer of Russian Language and Translation, University of Eastern Finland (UEF), Faculty of Philosophy, School of Humanities, Foreign Languages and Translation Studies,*
Василий В. Буйлов, Университет Восточной Финляндии, Йоэнсуу, Финляндия.
E-mail: vassili.bouilov@uef.fi, Mob. +358414539704
Post address: Vassili Bouilov, Eerikinkatu 23 A11, 00180 Helsinki, Finland
Vassili Bouilov's 16-digit ORCID identifier: 0000-0003-2326-1513
ORCID iD and the link to public record: https://orcid.org/0000-0003-2326-1513

Published scientific works – about 80 items (lingua-Stylistic, Lingua-Cultural, Literary, Semiotic and Translation Studies, Cross-Cultural Communication, Specialization in research of Andrei Platonov's Idiostyle (Platonovovedenie), i.e. Lingua-Stylistic and Translatological Research of his Language, Ontology, Semiotics, Conceptology, etc.

Acknowledgments: *The author would like to sincerely thank Prof. Liye Wang, Beijing Foreign Studies University, Beijing, for her feedback and assistance on this paper.*

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-15-23
УДК(UDC)82.09

Mayya M. Polekhina,
MGIMO (Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia
Полехина Майя М.,
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД, Москва, Россия

For citation: Polekhina Vayya M., (2022). Bulat Okudzhava and Bella Akhmadulina: «Crossingof Fates». Cross-Cultural Studies: Education and Science, Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 15-23 (in USA)

Manuscript received 27/04/2022
Accepted for publication: 31/05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

БУЛАТ ОКУДЖАВА И БЕЛЛА АХМАДУЛИНА: «СУДЕБ СКРЕЩЕНИЕ»

BULAT OKUDZHAVA AND BELLA AKHMADULINA: «CROSSINGOF FATES»

Abstract:

The article deals with the creative fate of Bulat Okudzhava and Bella Akhmadulina, the history of the relationship of poets in the aspect of the philosophical and aesthetic searches of the era. The spiritual affinity of artists was initially determined by the social environment, attitude, affections and predilections. The war became a starting point in the formation of the moral and ethical values of poets, their ideas of honor, conscience and dignity, and largely determined the nature of artistic consciousness. The war left a monstrous aftertaste: a sense of the fragility of human life, fear of death and alienation. The poems embodied the impressions of the participants and eyewitnesses of the events, which enhanced the emotional possibilities of the narrative, giving rise to a new character of artistry.

Keywords: Okudzhava, Akhmadulina, comparative studies, axiological values, lyrics, fate, war, song genre.

Аннотация:

В статье рассматриваются творческие судьбы Булата Окуджавы и Беллы Ахмадулиной, история взаимоотношений поэтов в аспекте философско-эстетических поисков эпохи. Духовная близость художников изначально определялась социальной средой, мироощущением, привязанностями и пристрастиями. Война стала точкой отсчета в

формировании морально-этических ценностей поэтов, их представлений о чести, совести и достоинстве, во многом определила характер художественного сознания. Война оставила чудовищное послевкусие: ощущение хрупкости человеческой жизни, страх смерти и отчуждение. Стихи поэтов воплотили впечатления участников и очевидцев событий, что усиливало эмоциональные возможности повествования, обусловив новый характер художественности.

Ключевые слова: Окуджава, Ахмадулина, компаративистика, аксиологические ценности, лирика, судьба, война, песенный жанр.

Предметом исследования нашей статьи о творческих судьбах Булата Окуджавы и Беллы Ахмадулиной стала история взаимоотношений поэтов XX века, их исповедальные рассказы «о времени и о себе». Духовная близость поэтов изначально определялась социальной средой, общими взглядами на мир, привязанностями, кругом общения, образованием, близостью поэтических школ. Каждый нес в себе искренний, проникновенный поэтический дар, дар художника и человека. Для каждого был характерен особенный аристократизм души, изящество и благородство, которые ощущались во всем: в манере говорить, слушать, выражать волеизъявление. При всей своей душевности и отзывчивости Окуджава почти ни перед кем не открывался до конца, в нем всегда оставалось нечто такое, что было недоступно для окружающих, сокрыто от чужих глаз. Несколько отстраненной от всех была и Ахмадулина, такой она вошла в жизнь современников. Прекрасная незнакомка… «Она ошеломляла, словно случайно залетевшая райская птица» [6], - писал о ней Евгений Евтушенко. Потрясала ее необычная внешность, ее азиатские раскосые глаза, в которых было что-то «инопланетное», взгляд ее обычно был устремлен поверх человека, сквозь него на нечто никому неведомое. Голос околдовывал, волшебно переливался и, как замечали современники, «не только при чтении стихов, но и в простеньком бытовом разговоре, придавая кружевную высокопарность даже прозаическим пустякам» [14]. Микаэл Таривердиев в своей книге воспоминаний «Я просто живу», с нежностью писал о Белле: «…странная, бесконечно красивая, утонченно-жеманная, но абсолютно естественная… Такой вот редкостный необычный цветок. Какая-то странная смесь татарской княжны и русской царевны. В ней не было простоты, в ней никогда не было панибратства. Мы знакомы так много лет и всегда были на “вы”. И мне всегда было странно, когда к ней обращались на “ты”. Она как-то всегда от всего дистанцировалась, при полной симпатии, расположении, нежности. Поразительной красоты и совершенства женщина. И такой она осталась…» [15].

И в Булате, и в Белле покоряло достоинство, с которым они справлялись со всеми превратностями судьбы. В них была чистота и незамутненность помыслов, присущая немногим, но покоряющая навсегда своим постоянством. Они были из когорты людей, наделенных, как утверждала Ахматова применительно к Пастернаку, «каким-то вечным детством…». Детство – ключ к пониманию личности. И если для взрослого человека детство – утраченное самозабвение, то для ребенка – это приобретаемое самосознание.

Первое серьезное соприкосновение с миром для Беллы Ахмадулиной было отягощено опытом войны и одиночества, которые она познала маленькой девочкой, оставленной матерью на руках бабушки и тетки. Ее родители ушли на фронт, мать, переводчица, до войны учившаяся в Институте иностранных языков, в военное время, ощутив себя «героической комсомолкой», ушла с медсанбатом на фронт и до конца Отечественной войны санитаркой спасала солдат от смерти. И это было в то время, когда собственное дитя, оказавшись на чужих руках, едва не умирало от голода. Это были первые встречи будущего поэта с болью нелюбви, обреченности и одиночества, ощущением раздробленности и оставленности, «скитальческой тоски» и быстрой смены привязанностей. Отсюда проистекали ее величайшая растерянность, разрыв природных и не обретение общественно-условных связей с миром и ни с чем не сравнимое отчуждение.

Но какие-то промельки нежности, доброты она сумела ощутить в этом одиноком и сиротливом мире. Она вспоминает, как направлялись с бабушкой в Казань, и возле их поезда на параллельных путях остановился другой состав. И ясноглазый молодой солдат с русыми кудрями попросил у бабушки подержать на руках ее девочку: «И в этой нежности, с которой он взял чужого ребенка, прижал и держал его какую-то одну минуту, было такое страдание, потому что детей, может быть, ему никогда не предстояло и не было, небось, совсем – как мне помнится, совсем мальчик был молодой. И вот он подержал, вот так кратко насладился этим соучастием в живом детском тепле, отдал, сказал: «Да бери ты, бери, не бойся ты» [8].

И было еще счастье творческого вдохновения, когда она в школе нарисовала День Победы. Шел 1945 год, и учитель, худой, измученный, хромой, с глубоким, трагическим взглядом, предложил детям нарисовать День Победы. Рисовали танки, самолеты, а она в семь цветов радуги написала *тот самый день* и получила пять с плюсом.

Для Окуджавы – опыт войны - трагический опыт «сына врагов народа» (при всем классе его понуждали отречься от отца), а в 1937 году отец был расстрелян по обвинению в троцкизме, в 1938 году была арестована и отправлена в сталинские лагеря его мать, где провела почти десять долгих лет.

С достоинством и уважением к памяти предков Окуджава нес по жизни свой тяжелый крест. Он ушел на войну, потому что так должно, так сложилось традицией - защищать своих близких, свою семью, свою любовь. Потому что, то унижение человеческого достоинства, которое он когда-то испытал перед своими одноклассниками, навсегда осталось в его сердце кровоточащей раной.

Убили моего отца
ни за понюшку табака.
Всего лишь капелька свинца —
зато как рана глубока!

Он не успел, не закричал,
лишь выстрел треснул в тишине.
Давно тот выстрел отзвучал,
но рана та еще во мне
[10, с. 367]

Сегодня много пишут и говорят о пацифизме Окуджавы: сам он не считал себя пацифистом, полагая, что пацифизм помимо неприятия насилия предусматривает и определенную долю компромиссов, он же не был способен на компромиссы. Окуджава всегда выступал за силу, порядок, жесткую власть, но против всякого рода жестокости и насилия, отстаивая свободное право каждого решать свою судьбу самостоятельно. Поэт пропустил эту войну через себя и рассказал, как разбиваются о страх и ненависть иллюзии, и что-то исчезает в человеке навсегда: «Я ранен ею на всю жизнь и до сих пор еще часто вижу во сне погибших товарищей, пепелища домов, развороченную воронками землю. Я ненавижу войну» [3].

В повести «Будь здоров, школяр» он напишет о взрослении и мужании характера, о любви и непреодолимом желании жить, просто жить, потому что для чего-то дана человеку эта жизнь, и он должен познать все ее радости. Но от войны осталось чудовищное послевкусие: ощущение хрупкости человеческой жизни и страх смерти. Картины, воссозданные Окуджавой, во многом созвучны фрагментам книг В. Некрасова «В окопах Сталинграда», М. Абдулина «160 страниц солдатского дневника», В. Астафьева «Прокляты и убиты», Д. Гранина «Мой лейтенант».

Страх смерти, ощущение раздавленности, покинутости и предельного одиночества, все это было предощущением чудовищных страданий героя и экзистенциального страха *исчезновения* из этого мира. «Я был раздавлен страхом. Сколько во мне было этого страха! Бомбежка извлекала все новые и новые волны страха, подлого, постыдного, всесильного, я не мог унять его» [5, с. 9]. Так описывал свои первые встречи с войной герой Даниила Гранина. И эти ощущения близки герою Булата Окуджавы. «Никакая фантазия, никакая книга, никакая кинолента, никакое полотно не передадут того ужаса, какой испытывают брошенные в реку, под огонь, в смерчь, в дым, в смрад, в гибельное безумие, по сравнению с которым библейская геенна огненная выглядит детской сказкой со сказочной жутью, от которой можно закрыться тулупом, залезть за печную трубу, зажмуриться, зажать уши» [1, с. 396]. С таким видением страшных военных картин повседневности вышел к читателю Виктор Астафьев. Школяр Булата Окуджавы в отличие от героев Некрасова, Астафьева, Гранина, Абдулина жил в томительном ожидании боя, он был морально раздавлен изнурительными перемещениями с одной позиции на другую и отсутствием понимания происходящего. Мир казался ему чужим, враждебным и абсурдным… Здесь можно говорить о ярчайшем эффекте достоверности в описании чувствований героя, сопряженных с ощущениями автора. Историки литературы усматривают в этом «эффект присутствия», характерный для литературы данного направления, воплотивший впечатления участника и очевидца событий, что усиливает эмоциональные возможности повествования, обусловив новый характер художественности [17, с. 78].

Война станет точкой отсчета для формирования морально-этических ценностей Окуджавы, его представлений о чести, совести, достоинстве, отношении к женщине. «Первые мои стихи были на военную тему. Из некоторых ... получились песни. Это были, в основном, грустные песни. Потому что, я вам скажу, ничего веселого в войне нет. Я считаю ее совершенно ненормальным явлением во взаимоотношениях людей и не средством решать наболевшие вопросы. Войну может воспевать либо человек неумный, либо тот, кто делает ее предметом спекуляции» [3]. Позднее он напишет свое потрясающее стихотворение «Первый день на передовой», где будет много музыки, упоения жизнью, природой, восторг от всего сущего, и все это внезапно прерывается какофонией боя, когда все смешалось: жизнь - смерть, и герой оказывается на перепутье: он не хочет участвовать в этой безумной бойне, он хочет просто жить… «Жить хочется!/ Жить хочется!/ Когда же это кончится?..// Мне немного лет... /гибнуть толку нет.../ я ночных дозоров не выстоял.../ я еще ни разу не выстрелил...//» [10, с. 135]. В поэтическом преломлении Окуджавы это был всего лишь сон, но этот сон обнажил самую сущность молодой жизни, ее экзистенцию. И как заметит Дмитрий Быков в книге о Булате Окуджаве «мальчик с арбатского двора никак не может примириться с тем, что он смертен, и более того, обречен…» [4, с. 111]. Около двухсот песен было написано Окуджавой о войне, более, чем в восьмидесяти кинофильмах они звучат и делают картины особенно запоминающимися и узнаваемыми.

Через опыт предвоенных репрессий затянувшейся травмой станет для Булата трагическая судьба его матери. В рассказе «Девушка моей мечты» (1985) он напишет о встрече с матерью после многих лет разлуки и о постижении трагедии ложных идеалов, которым была отдана целая жизнь: «Я усадил ее и заглянул ей в глаза. Эти большие, карие, миндалевидные глаза были теперь совсем рядом. Я заглянул в них… Готовясь к встрече, я думал, что будет много слез и горьких причитаний, и я приготовил такую фразу, чтобы утешить ее: «Мамочка, ты же видишь – я здоров, все хорошо у меня, и ты здоровая и такая же красивая, и все теперь будет хорошо, ты вернулась, и мы снова вместе…». Я повторял про себя эти слова многократно, готовясь к первым объятиям, к первым слезам, к тому, что бывает после десятилетней разлуки… И вот я заглянул в ее глаза. Они были сухими и отрешенными, она смотрела на меня, но меня не видела, лицо застыло, окаменело, губы слегка приоткрылись, сильные загорелые руки безвольно лежали на коленях. Она ничего не говорила, лишь изредка

поддакивала моей утешительной болтовне, пустым разглагольствованиям о чем угодно, лишь бы не о том, что было написано на ее лице… «Уж лучше бы она рыдала», – подумал я. Она закурила дешевую папиросу. Провела ладонью по моей голове…» [12].

Он навсегда запомнил легкий жест материнской ладони, ее волшебное прикосновение когда-то давно, в детстве. В повести «Будь здоров, школяр» ему увидится что-то очень знакомое, почти родное в чертах незнакомой сельской женщины, в доме которой солдаты остались на ночлег. Мне хотелось крикнуть: «Мама, я жив – здоров. Скоро вернусь… С победой…» [13]. Ему важно было сказать о своем присутствии в этом мире. Все его прекрасные Незнакомки, портреты возлюбленных были выписаны с портрета матери, и, вероятно, именно такой, страдающей и вечно ускользающей, но неизменно сохраняющей свое достоинство, он будет воспринимать и своего незабвенного друга – Беллу. Безусловно, обращаясь к исследованию женских образов в произведениях поэта, мы не исключаем и блоковского влияния, которое станет мощным импульсом для рождения образов прекрасных подруг в лирических произведениях поэта.

И еще об одном пристрастии поэтов следует специально сказать, привязанности, которой сами они придавали исключительное значение: и Булат, и Белла бесконечно любили Грузию, грузинский язык, грузинскую культуру и литературу. С большим увлечением и страстью Белла работала над переводами Галактиона Табидзе, мужа сестры матери Булата Окуджавы - Ольги Окуджавы, безвестно пропавшей в сталинских лагерях. Белла находила мистический смысл в этом родстве и придавала ему особую окраску. Булат никогда не забывал о судьбе своих близких родственников. Памяти Табидзе посвящено стихотворение Окуджавы «Свадебное фото», где в незамысловатом рисунке стиха запечатлена трагическая судьба возлюбленных: *«А на фото свадебном, на тусклом, / ты еще не знаешь ничего: /ни про пулю меж Орлом и Курском,/ ни про слезы тайные его»//* [10, с. 517].

Судьба Галактиона Табидзе – одна из болевых точек и для Беллы, она всегда восхищалась его талантом и со свойственной ей страстью переводила стихи грузинского поэта. В 1987 году, поздравляя Беллу со страниц журнала «Литературная Грузия», Окуджава признается: *«Я пишу тебе из города, из страны, кровь которой, я знаю, с давних времен перемешалась с твоей кровью… Мой давний друг, я очень люблю тебя, хотя, наверное, слишком неумело, коряво и эгоистично, но тем больше дорожу твоей благосклонностью, трепетной и верной. Будем жить по заветам этой земли, принимая сегодняшний день и ничего не забывая из минувшего… Я знаю, что жизнь бесконечна. Я знаю, что все преходящее отлетит и забудется, но русского языка река и водопад грузинской речи будут клокотать в нашем горле, покуда Земля и Небо не возвратят нас в свое лоно»* [8].

Внутренний голос совести неукоснительно руководил всеми их поступками. *«Нерасторжимы словесность и совесть*», – писала Белла, а Булат в стихах, ей посвященных, как бы отвечая на эти слова, утверждал: *«Совесть, благородство и достоинство – вот оно, святое наше воинство…»* [10, с. 430]. Глубокая внутренняя отзывчивость, готовность в любой момент откликнуться на боль другого персонифицированы в признании-исповеди Беллы Ахмадулиной: *«Булат, о смерти жизнь хлопочет./Забудем вместе про беду/ всеобщую. Вот – колокольчик!/ Ты позвони – я прибегу!»* [9]. Резонирующее художественное пространство Булата Окуджавы откликалось пронзительными стихами: *«Чем дольше живем мы, тем годы короче,/ тем слаще друзей голоса./ Ах, только б не смолк под дугой колокольчик,/ Глаза бы глядели в глаза»* [10, с. 389].

Оба они, пройдя войну и получив филологическое образование и воспитание классической литературой, освоив ее профессионально, очень рано составили о ней собственное мнение, которое не всегда совпадало с общепринятым: *«Я вас обманывать не буду./ Мне вас обманывать нельзя: /обман и так лежит повсюду,/ мы по нему идем, скользя.// Давно погашены улыбки,/ вокруг болотная вода,/ и в том – ни тайны, ни ошибки,/*

а просто горе да беда// [10, с. 329], — с горечью признавался Окуджава. Они всегда были в гуще самой жизни, в центре событий своей страны, но они не были диссидентами, поскольку политика, в сущности, их мало интересовала. Но когда требовалось защитить честь и достоинство близких по убеждению людей, они вступали на этот путь без каких бы то ни было сомнений. Так сложилась ситуация с Пастернаком, когда Ахмадулина отказалась подписывать обвинительное письмо против поэта и была исключена из литературного института, позднее она выступила в защиту диссидента Леонида Бородина, оказавшись единственной из либерального сообщества, кто принял его позицию на суде.

В жизни поэтов была дорогая сердцу Таруса, литературный мир Переделкино, московские переулки Арбата. Здесь в кругу близких и дорогих сердцу людей крепли их убеждения и пристрастия. Ключевое место в художественной концептосфере поэтов занимали «московские стихи», стихи об Арбате. Старинная московская улица и для Окуджавы, и для Ахмадулиной была нечто неизмеримо большим, чем одна из центральных улиц столицы: *«Ах, Арбат, мой Арбат, ты – мое отечество, / никогда до конца не пройти тебя!»* [10, с. 177]. Целый ряд ученых сходятся на том, что Арбат стал художественной моделью мира Булата Окуджавы, к образу Арбата стянуты все его эмоциональные и этические представления [7, с. 189].

Арбат был малой родиной поэта, здесь он впервые признался в любви своей однокласснице, отсюда он уходит на войну. В ассоциативных образах концепта Арбат актуализированы мотивы верности, любви, духовного родства, братства. В тихих двориках Арбата когда-то прогуливались Пушкин, Андрей Белый, Куприн, Бунин, Зайцев, здесь располагался центр театральной и культурной жизни столицы.

До конца жизни Арбат оставался неизменной любовью поэта, его единственным отечеством, религией, любовью, судьбой: *«Я - дворянин арбатского двора,/ своим двором введенный во дворянство»* [10, 393]. Арбат оставался местом, с которого начиналось все: «Моя родина – это Арбат... Я родился на Большой Молчановке, воспитывался в арбатском дворе, в детстве у меня была русская няня, из деревни, все это я впитывал, жадно воспринимал и рос истинным арбатцем» [8, с. 3]. И в юности, в период длительных пребываний на родине предков в Грузии главное место в его сердце занимал московский Арбат, и как напишет он позже, «*тот гордый, сиротливый,/ Извилистый, короткий коридор от ресторана Праги до Смоляги/ и рай, замаскированный под двор, где все равны: и дети и бродяги…»* [10, с. 336].

Это было пространство, населенное «своими» людьми, маленький «рай», страна уходящего детства: *«Кликну мальчиков с Арбата, что живые. / Все они свои ребята, золотые», «За праведность и преданность двору/ Пожалован я кровью голубою», // «Упрямо я твержу с давнишних пор: / меня воспитывал арбатский двор,/ все в нем, от подлого до золотого»* [10, с. 384], *«Ни почестей или богатства для дальних дорог не прошу,/ но маленький дворик арбатский с собой уношу, уношу»* [10, с. 177].

С Арбатом связаны драматические эпизоды в жизни страны и целого поколения, в конце 1980-х годов – разрушение дорогого сердцу мира, когда прежних жителей Арбата стали переселять на окраины столицы. Это стало гибелью мечты, юношеских грез и амбиций. Арбат, который был целым миром, страной, Отечеством, как шагреневая кожа сжался до ….микрогорода, дома. В стихах Окуджавы «Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант...» [10, с. 392] описывается разрушение Арбата, когда его прежние жители оказывались на периферии столицы, а на арбатской улице обосновывались чиновники, которые «выстраивали» Арбат по своему усмотрению. Этот процесс до конца жизни оставался неизбывной болью Булата Окуджавы, «арбатство, растворенное в крови» [10, с. 391] можно было изжить с самой жизнью.

Вселенский опыт говорит,
что погибают царства
не оттого, что тяжек быт
или страшны мытарства.

А погибают оттого
(и тем больней, чем дольше),
что люди царства своего
не уважают больше
[10, с. 315]

Окуджава откровенно выражал позицию свободной, независимой личности, позицию человека, настаивающего на своем праве быть счастливым, преданным обыкновенным вещам – друзьям, семье, дому. В начале восьмидесятых состояние общества было удручающим: благородная идея, вдруг обнажила свой «зловещий оскал» и стала предлогом для безграничного произвола; это было одной из причин скепсиса, с которым поэты встретили общественные перемены. С одной стороны, все свидетельствовало о народной жажде свободы, с другой стороны, о почти поголовном отсутствии принципов. В поэтическом признании Ахмадулиной эта боль и горечь звучали открыто и определенно: *«Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх/ вас, беззащитных, среди этой ночи./ К предательству таинственная страсть,/ друзья мои, туманит ваши очи… // О одиночество, как твой характер крут!/ Посверкивая циркулем железным,/как холодно ты замыкаешь круг,/ не внемля увереньям бесполезным» //* [2, с. 33-34].

Величайшей ценностью на земле поэты воспринимали человека, они ценили жизнь такой, какая она есть, и презирали великие абстракции, с помощью которых прикрывались самые заурядные человеческие пороки. Великая тайна умолчания и большая боль за человека звучали в их стихах. Дмитрий Быков определил место Окуджавы в нашем обществе как персонажа «упраздненного театра»: «Булат Окуджава был голосом и оправданием своей страны, той страны, которой больше нет; он был лучшим, что в ней было, райской птицей, поющей в аду и немыслимой вне этого ада. Этот ад был декорацией его упраздненного театра, фоном его песни, антиподом и условием существования его художественной вселенной» [4, с. 218]. В последние годы у поэта все чаще появлялось желание поиронизировать над своими прежними романтическими идеалами: *«Арбата больше нет: растаял словно свеченька, / Весь вытек, будто реченька; осталась только Сретенка.// Ах, Сретенка, Сретенка, ты хоть не спеши: /надо, чтоб хоть что-нибудь осталось/ для души!»* [10, с. 482]. Неслучайно обращение поэта к известной улице: одна из центральных улиц в Москве получила свое название в честь Сретенского монастыря, знаменитого храмового сооружения XIV века. Казалось бы, ничего общего нет между названием улицы и названием религиозного праздника — Сретения Господня. И вместе с тем, какую-то глубинную связь мы здесь невольно усматриваем: согласно традиционным представлениям, Сретение Господне символизировало встречу младенца Иисуса, которого родители впервые принесли в храм, со старцем Симеоном, предсказавшим Христу высокую миссию — «служение и спасение людей». Вместе со «вселенской» болью и острым чувством одиночества в Окуджаве в последние годы его жизни возрождалась надежда: ему казалось, что душевность того прежнего мира, где остались его детство и юность, еще вернется на Арбат, в «тот двор с человечьей душой», и вечные, непреходящие ценности возродятся в сердцах и поступках людей через преображение в новом качестве.

References:
1. Astaf'ev V.P. Proklyaty i ubity. Roman. Moskva: Eksmo, 2002. 798 s.
2. Ahmadulina Bella. Sochineniya. Tom 1. Stihotvoreniya. 1954-1979. Perevody iz gruzinskoj poezii. Rasskazy. – M.: KORONA-PRINT, 1997.
3. Bulat Okudzhava o vojne. Kolokol. [Elektronnyj resurs]: https://poembook.ru/diary/57899-bulat-okudzhava-o-vojne (Data obrashcheniya: 14 fevralya 2021 g.).
4. Bykov Dmitrij. Bulat Okudzhava. M.: Molodaya gvardiya, 2020. 777 s.
5. Granin D.A. Moj lejtenant. Moskva: OLMA Media Grupp, 2013. 320 s.
6. Evgenij Evtushenko o Belle Ahmadulinoj: Po-nastoyashchemu ona lyubila tol'ko menya i Bulata Okudzhavu… [Elektronnyj resurs]: http://www.kp.ru/daily/26666.3/3686671/(Data obrashcheniya: 12 fevralya 2021 g.).
7. Kofanova V.A. YAzykovye osobennosti geopoetiki avtorskoĭ pesni: na materiale tekstov proizvedeniĭ B.SH. Okudzhavy, A.A. Galicha, A.M. Gorodnickogo, YU.I. Vizbora: Dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2006.
8. Messerer Boris. Promel'k Belly. [Elektronnyj resurs]: https://www.rulit.me/books/promelk-belly-fragmenty-knigi-read-333719-6.html (Data obrashcheniya: 14 fevralya 2021 g.).
9. Messerer Boris. Promel'k Belly. Bulat Okudzhava. Glava iz knigi. // «Oktyabr'», 2013. № 5 [Elektronnyj resurs]: https://magazines.gorky.media/october/2013/5/promelk-belly-bulat-okudzhava.html (Data obrashcheniya: 12 fevralya 2021 g.).
10. Okudzhava Bulat. Stihotvoreniya / Vstup. stat'i A. S. Dubshana i V. N. Sazhina. Sost. V. N. Sazhina i D. V. Sazhina. Primech. V. N. Sazhina. - SPb.: Akademicheskiĭ proekt, 2001. - 712 s.
11. Okudzhava Bulat: «Eto byli grustnye pesni, potomu chto nichego veselogo v vojne net». Izvestiya, 4 maya 2004. [Elektronnyj resurs]: https://iz.ru/news/289749 (Data obrashcheniya: 11 fevralya 2021 g.).
12. Okudzhava Bulat. Devushka moej mechty. [Elektronnyj resurs]: https://e-bazarov.livejournal.com/2946.html (Data obrashcheniya: 14 fevralya 2021 g.).
13. Okudzhava Bulat. Bud' zdorov, shkolyar! [Elektronnyj resurs]: www.mnogobook.ru/proza main/sovetskaya_klassicheskaya_proza/40621/fulltext.htm (Data obrashcheniya: 12 fevralya 2021 g.).
14. Sanaeva Tamara. Proshchanie Belly Ahmadulinoj. [Elektronnyj resurs]: https://proza.ru/2015/12/05/1684 (Data obrashcheniya: 10 fevralya 2021 g.).
15. Tariverdiev Mikael. «YA prosto zhivu. [Elektronnyj resurs]: https://bookscafe.net/book/tariverdiev_mikael-ya_prosto_zhivu-248065.html (Data obrashcheniya: 11 fevralya 2021 g.).
16. Tolstoj Ivan. 1995-j god. Bulat Okudzhava [Elektronnyj resurs] https://www.svoboda.org/a/1730213.html (Data obrashcheniya: 12 fevralya 2021 g.).
17. SHCHelokova L.I. K voprosu o poetike «Nevymyshlennoj prozy» v povestyah K.D. Vorob'eva //Pravda o vojne v hudozhestvennyh interpretaciyah. K yubileyu Pobedy: materialy HKHV SHeshukovskih chtenij/ Pod obshch. Red. L.A. Trubinoj. – Moskva: MPGU, 2021. - S. 75-83.

Information about the author:
Polekhina Mayya Mudarrisovna(Moscow, Russia) *– doctor of philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation studies MGIMO (Moscow State Institute of International Relations (University), 3, Novo-Sportivnaya, Odintsovo, 143007, Russia). Spheres of research and professional interest: history of Russian literature, mythopoetics, conceptology, hermeneutics, methodology of scientific research, philological analysis of the text, rhetoric, speech culture, business communication, Russian as a foreign language and methods of teaching.* **E-mail: illusio2008@yandex.ru**
ORCID 0000-0002-1225-8194 - Publications:
Polekhina M.M., Avtorskie konnotacii M. Tsvetaevoj v konceptualnoj kartine mira cheshskogo

perioda [v]: Literatura russkoj emigracii, Olomouc 2016, c. 143-154;
Polekhina M.M., Poetic thanatology in the discourse of art creativity of M. Tsvetaeva and V. Mayakovsky [v]: «Cross - Cultural Studies: Education and Science» 2018, No 2, c. 50-63;
Polekhina M.M., Teffi [v]: Russkie pisateli. 1800-1917. Biograficheskij slovar. Moscow; Sankt-Peterburg 2019, c. 346 – 350;
Polekhina M.M., Russian emigration in search of identity: «Modern Notes» (1920-1940) in the context of the dialogue of cultures [v]: Polilog: Studia Neofilologiczne 2020, No 10, c. 19-32;
Polekhina M.M., «Cafe conduct» by Boris Pasternak: the formation of an artist, influence and interaction [v]: «Cross - Cultural Studies: Education and Science» 2020. T.5. No 3, c. 44-55;
Polekhina M.M., Nadezhda Taffy and Marina Tsvetaeva: the story of one «never meeting» [v]: Other shores of Russian literature and culture: ideas, poetics, and contexts. Collective monograph. Wroclaw – Krakow, 2021, c. 39-56.

Acknowledgements:
I express my deep gratitude to the team of editors for providing full support in editing and publishing my article. The special thanks to Middlebury University, in person, C.V. Starr Professor Thomas Bayer.
Contribution of the author: *the author contributed a lot to the research.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-24-35
УДК(UDC)80.09

Mitsushi Kitajo,
Kyoto Sangyo University,
Kyoto, Japan
Мицуси Китадзё,
Киото Сангё Университет,
Киото, Япония

For citation: Mitsushi Kitajo, (2022).
Comparison of Forms of Dialogue in Russian and Japanese Literary Works.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 24-35 (in USA)

Manuscript received 07/05/2022
Accepted for publication: 31/05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФОРМ ДИАЛОГА В РУССКИХ И ЯПОНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

COMPARISON OF FORMS OF DIALOGUE IN RUSSIAN AND JAPANESE LITERARY WORKS

Abstract:

Previous studies focus on the textual characteristics of dialogues, but do not pay attention to the forms of dialogue in individual languages. The aim of the present paper is to investigate the formal differences between Russian and Japanese dialogues in literary works. We took the material from Russian literary works of the second half of the 19th - second half of the 20th centuries (15 works) and Japanese literary works of the second half of the 19th - second half of the 20th centuries (17 works). In literary works the dialogue is expressed by the construction of direct speech. The construction of direct speech consists of the words of the characters (SP) and the words of the author (SA). Our study identified four possible positions of SA in relation to SP: Type A: SA is in preposition to SP; Type B: SA is in postposition to SP; Type C: SA is in interposition to SP; Type D: SA includes SP. The results of the research on the frequency of use of 7227 Russian forms of dialogue and 4006 Japanese forms of dialogue show that in Japanese works type D is often used in Japanese, but not in Russian. The reason for this is due to the historical relations between the novel and the drama in both languages.

Keywords: the form of dialogue, the direct speech construction, the words of the author, the words of the characters, the type D, the drama, Joruri

Аннотация:

Прежние исследователи сосредотачиваются на текстовых характеристиках диалогов, но не обращают внимания на формы диалога в отдельных языках. Наша цель состоит в

том, чтобы выяснить формальные различия между русскими и японскими диалогами в литературных произведениях. Материал взят нами из русских литературных произведений второй половины XIX - второй половины XX веков (15 произведений) и японских литературных произведений второй половины XIX - второй половины XX веков (17 произведений). В литературных произведениях диалог выражен конструкцией прямой речи. Конструкция прямой речи состоит из слов персонажей (далее СП) и слов автора (далее СА). Наше исследование выявило четыре возможных позиций СА по отношению к СП: Тип А: СА находится в препозиции к СП; Тип Б: СА находится в постпозиции к СП; Тип В: СА находится в интерпозиции к СП; Тип Г: СА включает в себя СП. Наши результаты анализа частотность употребления 7227 русских форм диалога и 4006 японских форм диалога показывают, что большая разница между расположениями СА и СП в русских и японских произведениях заключается в типе Г (диалоговый формат, в котором слова автора включает в себя слова персонажей). В японских литературных произведениях часто используется тип Г, не употребляемая в русских. Это связано с историческим отношением прозы и пьесы в обоих языках.

Ключевые слова:

форма диалога, конструкция прямой речи, слова автора, слова персонажей, тип Г, пьеса, Дзёрури

Введение

В литературном тексте произведений часто встречается диалог — беседа. Автор в произведении использует этот вид диалога в целях составления и раскрытия образа героя. Посредством диалога литературного текста создается образ, положительные и отрицательные черты героев, философия, мышление, раскрывается взгляд на мир. Автор через беседы героев складывает образ их отношений друг к другу. При этом, учитываются стилистические особенности. Через беседу раскрывается идея и содержание произведения. В контактах персонажей диалог порождает разновидные речевые акты, в которых отражаются отношения персонажей: требование, побуждение, просьба, вопрос, соглашение и др. Диалог может способствовать развитию сюжета, создавать и раскрывать тайны и сложности отношений героев. По мнению А.Н. Баранова и Г.Е. Крейдлина [1: с.89] «инвариантной особеностью всех типов диалогов является динамический характер речевого взаимодействия». Многие исследователи изучали текстовые функции диалога в литературных произведениях, определяя его как: «театральность» (A.Wierzbicka [12]), «кульминационный пункт повествования» (N.Waltz [11], P.Witte [13]), «субъективирование повествования» (И.Б.Голуб [3]), «экспансивность» (H.H.Clark, R.J.Gerring [2]) и «фигура» (М.Китадзё [5] [6]). Прежние исследователи сосредотачиваются на текстовых характеристиках диалогов, но не обращают внимания на формы диалогов в отдельных языках. Наша цель состоит в том, чтобы выяснить формальные различия между русскими и японскими диалогами в литературных произведениях.

1. Формы диалога в русских и японских литературных произведениях

Материал взят нами из русских литературных произведений второй половины XIX - второй половины XX веков (15 произведений, см. табл.1) и японских литературных произведений второй половины XIX - второй половины XX веков (17 произведений, см. табл.2)

Таблица 1. Русские литературные произведения второй половины XIX - второй половины XX вв.

Преступление и наказание (Ф.М. Достоевский, 1866)
Новь (часть 1) (И. С. Тургенев, 1877)
Чёрный монах (А.П. Чехов, 1894)
Воскресение (Л.Н. Толстой, 1899)
Мать (М. Горький, 1906)
Хождение по мукам (книга 1) (А.Н. Толстой, 1920)
Мастер и Маргарита (М. А. Булгаков, 1928)
Поднятая целина (книга 1) (М. А. Шолохова, 1932)
Первые радости (К.А. Федин, 1945)
Доктор Живаго (книга 1) (Б. Пастернак, 1957)
Любавины (В. Шукшин, 1965)
Последний срок (В.Г. Распутин, 1970)
Дети Арбата (часть 1) (А.Н. Рыбаков, 1987)
Шестьсот лет после битвы (А.А. Проханов, 1990)
Украденный сон (А.Б. Маринина, 1994)

Таблица 2. Японские литературные произведения второй половины XIX - второй половины XX вв.

Ukigumo (часть 1) (Плывущее облако) (S. Futaba, 1889)
Goju no to (Пятиярусная пагода) (R. Koda, 1892)
Koyahijiri (Мудрец из Коя) (K. Izumi, 1900)
Kokoro (часть 1) (Сердце) (S. Natsume, 1914)
Aruonna (Женщина) (T. Arishima, 1919)
Anyakoro (Путь во тьме ночи) (N. Shiga, 1921)
Jigokuhen (Муки ада) (R. Akutagawa, 1918)
Toshisyun (Тосисюн) (R. Akutagawa, 1920)
Kappa (В стране водяных) (R. Akutagawa, 1927)
Sasameyuki (часть 1) (Мелкий снег) (J. Tanizaki, 1936)
Shayo (Закатное солнце) (O. Dazai, 1947)
Kinkakuji (Золотой храм) (Y. Mishima, 1956)
Koto (Старая столица) (Y. Kawabata, 1962)
Kokotsu no hito (Сумеречные годы) (S. Ariyoshi, 1972)
Oroshiakokusuimutan (Сны о России) (Y. Inoue1974)
Nami no koyomi (Волновой календарь) (T. Minakami, 1985)
Norwe no mori «Норвежский лес» (H. Murakami, 1987)

В литературных произведениях используются экспрессивные формы передачи чужой речи (прямая речь, несобственно-прямая речь, косвенная речь и др.). В отличие от других прямая речь, как наиболее близкая к живой речи форма передачи чужого высказывания, выделяется особой эмоциональностью. В литературных произведениях диалог выражен конструкцией прямой речи. Конструкция прямой речи состоит из слов персонажей (далее СП) и слов автора (далее СА). СА комментируют СП, устанавливают связь между репликами диалога. Наше исследование выявило четыре возможных позиций СА по отношению к СП. Ниже по каждой позиции мы приводим примеры на русском и на японском. СП выделены графически (тире, кавычками).

А) СА находится в препозиции к СП

(1) Однажды мать спросила его:
– Ну что, весело тебе было вчера? (Мать)

(2) Расстегивая в прихожей мокрую шубу, Даша спросила у горничной:
– Дома никого нет, конечно? (Хождение по мукам)

(3) *Waraigoe-ni* *iki-o* *tsumarasenagara,* *Yoshihidesama-ga* *osshai-masuniwa*
смех-DAT дыхание-ACC давя Ёсихидэсама-NOM сказал-SFP
"Banji sonoho-ga *mosu* *torini* *itashitehakarau.* *Dekiru* *dekinu-no*
всё ты-NOM просишь как сделаю возможность невозможность-GEN
sengi-wa *muekino* *sata-ja."* (Jigokuhen)
обусужление-TOP бессмысленный поступок-PTC
[Ёсихидэсама, давясь от смеха, изволил проговорить:
– Я сделаю всё, как ты просишь. А можно или нельзя – об этом рассуждать ни к чему.]

(4) *Chieko-wa,* *haha-no* *hiza-no* *uede,* *tiisai* *atama-o* *furi,*
Тиэко-TOP мать-GEN колени-GEN над маленькая голова-ACC помотав
"Kiishima-hen. *Watashinokoto-o,* *ojo-san* *te* *yondarisite..."* (Koto)
прийти-NEG я-ACC барышня QUOT называла
[Пряча лицо в коленях у матери, Тиэко помотала головой:
– Она не придёт. Она называет меня барышней...]

Б) СА находится в постпозиции к СП

(5) – Что, Стасенька, тошно тебе? – сочувственно спросил он.
(Украденный сон)

(6) – Да я думаю, отравление, – как будто равнодушно сказал секретарь.
(Воскресение)

(7) *"Okinoshima-wa* *ii* *tokoro-desu-ka"* *to,* *Setsuko-wa* *kiita.*
Окиносима-TOP хорошее место-PTC-Q QUOT Сэцуко-TOP спросила
[– Острова Оки – хорошее место? – спросила Сэцуко.] (Nami no koyomi)

(8) *"Kyo-wa* *dame-desu"* *to* *itte* *sennsei-wa* *kusyosita.*
сегодня-TOP нехорошо-PTC QUOT сказав учитель-TOP хмуро усмехнулся
[– Сегодня ничего не выходит, – сказал учитель и хмуро усмехнулся.] (Kokoro)

В) СА находится в интерпозиции к СП

(9) – Ну, вот видите ли... – пробормотал Коврин. – Значит, в легенде правда.
(Чёрный монах)

(10) – Секи до смерти! – кричит Миколка, – на то пошло. Засеку!
(Преступление и наказание)

(11) *“Nanimo tsuite-inai-si, okasiku-nai-yo” to boku-wa*
ничего прилипать-NEG-PTC странный- NEG-PTC QUOT я-TOP

hyojo-o osaete itta. “Demo yoi seta-dane, sore”
выражение лица-ACC сдерживая сказал но хороший свитер-PTC тот

(Noruwe no mori)

[– Ничего там нет. Всё в порядке, – ответил я, еле сдерживаясь. – И свитер хороший. У тебя.]

(12) *“Nanya iroiro kikahatta kedo” to, Yukiko-wa kuchigomorinagara,*
так многое спросил но QUOT Юкико-TOP бормоча

“betsuni doiute, matomatta Hanashishi-hare-henanda”.
как сказать определённо рассказывал-SFP-NEG

(Sasameyuki)

[– Так, о всякой всячине, – уклончиво ответила Юкико. – Ни о чём определённом речи не было.]

Г) СА включает в себя СП

(13) *Okasama-wa waratte, “Soreja, Kazuko-wa hayajininoho*
матушка-TOP усмехнувшись ну Кадзуко-TOP безвременная кончина

kana” to watashi-o karakatta. (Shayo)
PTC QUOT я-ACC поддразила

[Матушка усмехнулась:
– Ну тогда безвременная кончина грозит в первую очередь тебе, – сказала она, поддразнивая.]

(14) *Sono oto-o kiite, “Anta, mizunomi-yane” to Mariko-wa*
to бульканье-ACC услышав ты водохлёб-PTC QUOT Марико-TOP

mukoo muitamama waratta. (Kinkakuji)
туда обращаясь засмеялась

[Услышав бульканье, Мирико, не оборачиваясь, засмеялась:
– Ишь, водохлёб какой!]

Русские примеры не найдны.

Наше исследование: частотность расположения СА и СП в русских и японских литературных произведениях подводит нас к следующему результату (см. табл.3 и табл.4).

Все данные о расположении СА и СП в русских литературных произведениях второй половины XIX - второй половины XX веков сведены в Таблицу 3. Таблица 3 устроена следующим образом: в строках обозначены названия произведений, в столбцах «А» – СА находится в препозиции к СП, «Б» – СА находится в постпозиции к СП, «В» – СА находится в интерпозиции к СП, «Г» – СА включает в себя СП.

Таблица 3. Частотность расположения СА и СП в русских произведениях

	А	Б	В	Г	Итоги
Преступление и наказание	14 (2.7%)	**267 (52.6%)**	227 (44.7%)	0 (0%)	508
Новь (часть 1)	14 (4.2%)	119 (36.2%)	**196 (59.6%)**	0 (0%)	329
Чёрный монах	14 (15.2%)	16 (17.4%)	**62 (67.4%)**	0 (0%)	92
Воскресение	28 (4.2%)	**411 (62.2%)**	222 (33.6%)	0 (0%)	661
Мать	**298 (42.5%)**	257 (36.7%)	146 (20.8%)	0 (0%)	701
Хождение по мукам (книга 1)	**502 (49.3%)**	259 (25.4%)	258 (25.3%)	0 (0%)	1019
Мастер и Маргарита	88 (20.9%)	133 (31.6%)	**200 (47.5%)**	0 (0%)	421
Поднятая целина (книга 1)	72 (20.0%)	**194 (53.9%)**	94 (26.1%)	0 (0%)	360
Первые радости	132 (21.5%)	**276 (45.0%)**	206 (33.5%)	0 (0%)	614
Доктор Живаго (книга 1)	115 (30.3%)	108 (28.5%)	**156 (41.2%)**	0 (0%)	379
Любавины	255 (28.8%)	**372 (42.0%)**	259 (29.2%)	0 (0%)	886
Последний срок	114 (22.4%)	121 (23.8%)	**274 (53.8%)**	0 (0%)	509
Дети Арбата (часть 1)	62 (26.5%)	45 (19.2%)	**127 (54.3%)**	0 (0%)	234
Шестьсот лет после битвы	49 (14.9%)	70 (21.3%)	**209 (63.7%)**	0 (0%)	328
Украденный сон	9 (4.8%)	**93 (50.0%)**	84 (45.2%)	0 (0%)	186

χ^2=1277.3705. ν=28. p<0.005

Высокая частотность обозначена жирным. Например, в произведениях «Преступление и наказание» тип А употребляется тип 14 раз, тип Б – 267 раз, тип В – 227 раз, а тип Г не употребляется. Здесь тип Б показывает высокую частотность.

Как видно из таблицы 3, в русских произведениях преимущественно употребляется тип А в 2 роизведениях («Мать» и «Хождение по мукам»), тип Б в 6 произведениях («Преступление и наказание», «Воскресение», «Поднятая целина», «Первые радости», «Любавины», «Украденный сон») и тип В в 7 произведениях («Новь», «Чёрный монах», «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго», «Последний срок», «Дети Арбата», «Шестьсот лет после битвы»). А все писатели не используют типа Г. Таким образом, в русских произведениях сосредоточенно употреблены тип Б и тип В.

Дальше будем рассматривать японские литературные произведения второй половины XIX – второй половины XX веков. Все данные о расположении СА и СП сведены в Таблицу 4.

Таблица 4 устроена таким же образом, как и предыдущая: в строках обозначены названия произведений, в столбцах «А» – СА находится в препозиции к СП, «Б» – СА находится в постпозиции к СП, «В» – СА находится в интерпозиции к СП, «Г» – СА включает в себя СП.

Таблица 4. Частотность расположения СА и СП в японских произведениях

	А	Б	В	Г	Итоги
Ukigumo (часть 1)	96 (23.0%)	130 (31.1%)	56 (13.4%)	**136 (32.5%)**	418
Goju no to	2 (1.6%)	6 (4.8%)	0 (0%)	**116 (93.5%)**	124
Koyahijiri	21 (20.8%)	**47 (46.5%)**	4 (4.0%)	29 (28.7%)	101
Kokoro (часть 1)	0 (0%)	**46 (46.0%)**	10 (10.0%)	44 (44.0%)	100
Aruonna	18 (7.7%)	44 (18.8%)	8 (3.4%)	**164 (70.1%)**	234
Anyakoro	0 (0%)	**252 (56.2%)**	42 (9.4%)	154 (34.4%)	448
Jigokuhen	6 (17.6%)	4 (11.8%)	3 (8.8%)	**21 (61.8%)**	34
Toshisyun	1 (6.7%)	2 (13.3%)	0 (0%)	**12 (80.0%)**	15
Kappa	1 (4.8%)	1 (4.8%)	0 (0%)	**19 (90.4%)**	21

Sasameyuki (часть 1)	14 (5.0%)	90 (32.4%)	40 (14.4%)	**134 (48.2%)**	278
Shayo	20 (9.1%)	74 (33.8%)	28 (12.8%)	**97 (44.3%)**	219
Kinkakuji	0 (0%)	28 (29.2%)	30 (31.2%)	**38 (39.6%)**	96
Koto	17 (6.4%)	**135 (50.9%)**	89 (33.6%)	24 (9.1%)	265
Kokotsu no hito	38 (24.7%)	12 (7.8%)	2 (1.3%)	**102 (66.2%)**	154
Oroshiakokusuimutan	68 (33.0%)	10 (4.9%)	10 (4.9%)	**118 (57.3%)**	206
Nami no koyomi	58 (7.2%)	**587 (73.1%)**	29 (3.6%)	129 (16.1%)	803
Norwe no mori	20 (4.1%)	**276 (56.3%)**	160 (32.7%)	34 (6.9%)	490

χ^2=1808.0850. ν=42. p<0.005

Высокая частотность обозначена жирным. Например, в произведениях «Ukigumo» тип А употребляется 96 раз, тип Б – 130 раз, тип В – 56 раз и Г– 136 раз. Здесь тип Г показывает высокую частотность.

Как видно из таблицы 4, в японских произведениях тип А и тип В не показывают высокую частотность. В то время как чаще всего употребляются тип Б в 6 произведениях («Koyahijiri», «Kokoro», «Anyakoro», «Koto», «Nami no koyomi», «Norwe no mori») и тип Г в 11 произведениях («Ukigumo», «Goju no to», «Aruonna», «Jigokuhen», «Toshisyun», «Kappa», «Sasameyuki», «Shayo», «Kinkakuji», «Kokotsu no hito», «Oroshiakokusuimutan»). Исходя из этого, в японских произведениях предпочитаются тип Б и тип Г.

Резюмируя результаты исследования частотности употребления расположения СА и СП в русских и японских произведениях, можно сказать следующее:

1) В русских произведениях сосредоточенно употреблены тип Б и тип В, тогда как в японских произведениях предпочитается тип Б и тип Г.

2) Большая разница между расположениями СА и СП в русских и японских произведениях заключается в типе В и типе Г. Особо следует отметить разницу частотности типа Г между русскими и японскими произведениями. В японских произведениях часто используется тип Г, не употребляемый в русских произведениях. Из-за этого переводчики с трудом переводят произведения по типу Г на русский язык. Приведём типичные примеры:

А. Замилова (2006) превратила тип Г в тип А.

(15) *Kaerimiti* *de* *“kimino heya-ga* *mitai”* *to* *watashi-wa* *itta.*
обратный путь на твоя комната-NOM хочу посмотреть QUOT я-TOP сказал

(дословный перевод на русскии язык)
На обратном пути – Хочу посмотреть твою комнату – я сказал.

(на русском языке)
На обратном пути я сказал:
– Хочу посмотреть твою комнату.

(«Т. Ямада, Лето с чужими», А. Замилова, 2006)

Л. Ермакова (1974) превратила тип Г в тип Б.

(16) *Kikuko-wa* *chiratto* *Shuichi-o* *mite,* *“Otosan-wa*
Кикуко-TOP мельком Сюити-ACC увидев отец-TOP

meshiagatte-irasshara-nai” *to* *itta.*
есть-SFP-NEG QUOT сказала

(дословный перевод на русскии язык)
Кикуко, скользнув взглядом по Сюити, – Отец действительно ничего не ест – сказала.

(на русском языке)
– Отец действительно ничего не ест, – сказала Кикуко, скользнув взглядом по Сюити.
(«Я. Кавабата, Стон горы», Л. Ермакова, 1974)

Н.И. Конрад (1935) опустил СП *"Oi, Oi"* в типе Г.

(17) *Watashi-wa* *sumashite* *sassato* *arukidasita.* *Sensei- wa* *sukosi*
я-TOP равнодушно быстро зашагал учитель-TOP немного

okuregatininatta. *Sennsei-wa* *atokara* *"Oi, Oi"* *to* *koeokaketa.*
отставал учитель-TOP сзади Эй Эй QUOT позвал

(дословный перевод на русскии язык)
Учитель сзади – Эй, Эй – позвал.

(на русском языке)
С мрачным видом я зашагал дальше. Учитель немного отставал. Вдруг он сзади позвал меня.
(«С. Нацумэ, Сердце», Н.И. Конрад, 1935)

Далее подробно рассмотрим тип Г русского и японского языков в сравнении с другим литературным жанром.

2. Тип Г в русских и японских литературных произведениях

Все литературные произведения более или менее схожи в силу единства человеческих переживаний. Различаются главным образом структуры, обусловленные разными взглядами на мир. Как отмечено выше, японские прозы тесно связаны с типом Г, но русские не интересуются типом Г. Рассмотрим эту причину с точки зрения исторического соотношения прозы и пьесы в русском и японском языках.

2-1. Русский тип Г

Диалоги часто встречаются в драмах. Как известно пьеса – драматическое произведение, созданное для постановки какого-либо действия в театре. Структура пьесы включает в себя текст действующих лиц (диалоги и монологи) и функциональные авторские ремарки (примечания, содержащие обозначение места действия, особенностей интерьера, внешности персонажей, их манеры поведения и т.д.).

Пьеса и проза соотносятся друг с другом. В связи с этим приведём примеры из «Ревизор» и «Вишнёвый сад».

Пример (18) и пример (19) в пьесе «Ревизор» можно перефразировать в тип А и в тип В.

(18) **Добчинский** (*бежит и кричит в дверь*). Мишка! Мишка! Мишка!
→ Добчинский бежит и кричит в дверь:
– Мишка! Мишка! Мишка!

(19) **Марья Антоновна.** Да, право, маменька, чрез минуты две всё узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. (*Всматривается в окно и вскрикивает.*) Ах, маменька, маменька! кто-то идет, вон в конце улицы.

→ – Да, право, маменька, чрез минуты две всё узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти, – Марья Антоновна всматривается в окно и вскрикивает. – Ах, маменька, маменька! кто-то идет, вон в конце улицы.

Пример (20) и пример (21) в пьесе «Вишнёвый сад» можно перефразировать в тип Б и в тип В.

(20) **Дуняша.** Сию минуточку. (Уходит.)
→ – Сию минуточку, – уходит Дуняша.

(21) **Аня**. Ты все об одном... (Поправляет волосы.) Я растеряла все шпильки...
→ – Ты все об одном... – Аня поправляет волосы, – Я растеряла все шпильки...

Согласно «Литературному энциклопедическому словарю» [8][9] в истории русской литературы драма имеет более длительную историю, чем проза. Учитывая соотношение между пьесой и прозой, можно сказать, что пьеса влияет на прозаические формы диалога. Пьеса целиком состоит из диалогов и монологов, которые ведут действующие лица. Их слова сопровождаются авторскими ремарками, указывающими на место действия, манеры поведения действующих лиц и т. д. Иначе говоря, в драме важны слова персонажей, и слова автора не субъективно соответствуют словам персонажей, а объективно связаны между собой. Слова персонажей не входят в слова автора. Поскольку формат диалога в прозе отражает особенности пьесы, тип Г, включающий слова персонажей в слова автора, не используется в русских прозах.

2-2. Японский тип Г

У нас в Японии есть «*дзёрури*». Согласно «Heibonsha's world encyclopedia» [7], происхождение *дзёрури* восходит к 14 веку. *Дзёрури* – особый жанр драматической ритмованной прозы, предназначенной специально для речитативного пения. Форма *дзёрури* была заимствована театром *Кабуки*, который представляет собой синтез пения, музыки, танца и драмы. В *дзёрури* сохраняется повествовательная форма; певец-сказитель гидаю читает нараспев под аккомпанемент сямисэна (струнный инструмент) текст, сопровождающий действие. Авторская речь дополняет и комментирует происходящее; в тексте *дзёрури* часто трудно отделить речь рассказчика и реплики персонажей.

Крупнейший японский драматург Тикамацу Мондзаэмон (1653-1724) большинство своих пьес написал в форме *дзёрури*. Приведём текст из «Shinju Ten no Amijima» (Самоубиство влюблённых на острове небесных сетей, 1720). В примере (22) разговаривают хазяйка, Кохару и самурай.

(22) *Soreyueno okyaku-no ginmi, onozuto Koharu sama mo*
поэтому гость-GEN расследование естественно Кохару госпожа тоже
okinoukanuwa doori. Okyaku mo doori, doori-no nakatotte,
плохое настроение права гость тоже прав правильность-GEN уладив
aruji-no minareba gokigen yokare-ga doori-no
хозяйка-GEN сословие будучи настроение хорошее-GEN правильность-GEN
kanjin kammon. Sa hatto nomikake wasa wasa wassari
самая правильная правота ну быстро выпейте веселее веселее веселее
tanomimasu, Koharu sama, Koharu sama to, iedomo nanno

прошу Кохару госпожа Кохару госпожа QUOT но никакого

hentomo naku hororigao, furiage, anou Osamurai sama,
ответа нет плачущее лицо подняв извините самурай господин

Onaji sinumichi nimo, juuyano uchini shindamono-wa
одинаковая дорога смерти в тоже десяти святых ночей во время мёртвые-TOP

hotokeni naru to iimasu ga jou-kaina. Sore-o mi-ga
святые становятся QUOT говорят но правда-Q то-ACC я-NOM

shirukoto-ka
знаю-Q

[Как бы гость украдкой не пробрался! Госпожа Кохару, пожалуй, права, станешь тут угрюмой и грустной! Но и гость по-своему прав. Вот и выходит, что каждый прав! Но как хозяйка, я так скажу: самая правильная правота – не портить себе настроенья. Ну-ка скорей выпейте чарочку! Прошу, госпожа Кохару! госпожа Кохару! Веселее, веселее, веселее! Так болтает хозяйка, желая умаслить гостя, но Кохару молчит. Вот она подняла лицо, по которому катятся слёзы. Извините, господин Самурай, смерть никого, конечно, не минует. Но говорят, что тот, кто умирает во время десяти святых ночей, становится святым. Что, это правда? Мне откуда знать?]

(Перевод В.Н. Марковой, 1989)

Выпишем слова персонажей и автора по отдельности.
слова хазяйки:
Soreyueno okyakuno ginmi, onozuto Koharu sama mo okinoukanuwa doori. Okyaku mo doori, doorino nakatotte, arujino minareba gokigen yokarega doorino kanjin kammon. Sa hatto nomikake wasa wasa wassari tanomimasu, Koharu sama, Koharu sama (Как бы гость украдкой не пробрался! Госпожа Кохару, пожалуй, права, станешь тут угрюмой и грустной! Но и гость по-своему прав. Вот и выходит, что каждый прав! Как хозяйка, я так скажу: самая правильная правота – не портить себе настроенья. Ну-ка скорей выпейте чарочку! Прошу, госпожа Кохару! госпожа Кохару! Веселее, веселее, веселее!)
слова Кохару:
anou Osamurai sama. Onaji shinumichi nimo, juuyano uchini sindamonowa hotokeni naru to iimasu ga joukaina. (Извините, господин Самурай, смерть никого, конечно, не минует. Но говорят, что тот, кто умирает во время десяти святых ночей, становится святым. Что, это правда?)
слова самурая:
Soreo miga shirukotoka. (Мне откуда знать?)
слова автора:
to, iedomo nanno hentomo naku hororigao, furiage (так болтает хозяйка, желая умаслить гостя, но Кохару молчит. Вот она подняла лицо, по которому катятся слёзы)

В примере (22) слова трёх персонажей и слова автора расположены в смешанном порядке. В *дзёрури* слова персонажей и слова автора четко не различаются, но подчеркивается общая гармония, создаваемая этими словами. В отличие от русских пьесов, в *дзёрури* слова персонажей и слова автора объективно не противопоставляются друг другу. Сохраняя ритм, созданный персонажами и авторскими словами, авторские слова продвигают сюжет. По словам Д. Киина [4], всемирно известного японского

литератора, *дзёрури* достиг своего наивысшего расцвета в период Эдо (1603-1867) и внёс большой вклад в японскую культуру. Считается, что *дзёрури* повлиял на использование типа Г в японских прозах.

Заключение

В данной работе исследована частотность употребления диалога в русских и японских литературных произведениях второй половины XIX – второй половины 20 вв. В результате выяснилось, что тип Г (диалоговый формат, в котором слова автора включают в себя слова персонажей) используется в японском языке, но не в русском. Причина заключается в историческом соотношении пьесы и прозы в России и в Японии.

Создавая и воспринимая произведения искуства, человек передаёт, получает и хранит особую художественную информфацию, которая неотделима от традиционной культуры. В истории Японии 1868 год – начало новой эры, ознаменовавшейся свержением феодальной государственной системы сёгуната Токугава, продолжавшейся больше 260 лет, и реформы всей системы государства по моделям европейских стран, в том числе России, под реставрированной властью императора. Тогда в японской литературе жажда реформ и стремление сравняться с европейской культурой выразились прежде всего в многочисленных переводных и оригинальных произведениях, знакомивших с европейской наукой и жизнью. По словам С. Цубоути [10], знаменитого японского литератора, одного из создателей современного японского театра, в конце XIX века под влиянием западной культуры был установлен формат современной японской прозы, а значит, якобы японская художественая традиция попадает под влияние совершенно иных воздействий и теряет связь с собственным прошлым. Но наше исследование форм диалога в прозах свидетельствует, о том, что после 1868 года изменился лишь поверхностный слой сознания, а его глубинные пласты не были затронуты.

ГЛОССИРОВАНИЕ

ACC	аккузатив	PTC	частица
DAT	датив	Q	вопросительный суффикс
GEN	генитив	QUOT	цитационный союз
NEG	отрицание	SFP	суффикс, выражающий вежливость
NOM	номинатив	TOP	маркер топика

References:

1. Baranov A.N., Klejdlin G.E. (1992) Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskie pokazateli minimal'nykh dialogov [Structure of the dialogical text: lexical parameters of the minimal dialogues] Voprosy jazykoznanija 3, 84-93
2. Clark, H.H., Gerring, R.J. (1990) Quotations as demonstrations. Language 66-4, 764-805.
3. Golub I.B. (1989) Grammaticheskaja stilistika sovremennogo russkogo jazyka [Grammatical stylistics of modern Russian language] Moskva.
4. Keene D. (1978) A history of Japanese culture. Kodansha International. Tokyo.
5. Kitajo M. (2014) Vidovye sinonimichnye formy russkikh deeprichactij i prichastij v khudozhestvennom tekste [Certain aspectually synonymous forms of Russian converbs and participles in literary texts] V kn.: Tipologija vida / aspekta: problemy, poiski,

reshenija. Simferopol'. 30-48.
6. Kitajo M. (2019) Analiz vidov glagola i deeprichastija v russkikh literaturnykh tekstakh s diakhronicheskoj tochki zrenija [Analysis of aspects of verb and converb in the Russian literary works from the diachronic point of view]. Acta Linguistica Petropolitana. Vol. 15.3, 320–342
7. Machida Y. (1981) Joruri. In Heibonsha's world Encyclopedia. Heibonsha. Tokyo. 299-300.
8. Pul'khritudova E.M. (1987) Poezija i proza [poetry and prose]. V Literaturnyj entsiklopedicheskij slovar' [In Literary Encyclopedic Dictionary]. Sovetskaja entsiklopedija. Moskva. 293-294.
9. Rodina T.M. (1987) Drama. V Literaturnyj entsiklopedicheskij slovar' [In Literary Encyclopedic Dictionary]. Sovetskaja entsiklopedija. Moskva.100-102.
10. Tsubouchi S. (1885) Shosetsu Shinzui [The Essence of the Novel]. Shogetsudo. Tokyo.
11. Waltz, N. (1976) Discourse functions of Guanano sentence and paragraph. Discourse grammar 1, 21-145.
12. Wierzbicka, A. (1974) The semantics of direct and indirect discourse. Papers in linguistics 7, 3-4, 267-307.
13. Witte, P. (1976) Function of the Andoke copulative in discourse and sentence structure. Discourse grammar 1, 253-288

Information about the author:

Kitajo Mitsushi (Kyoto, Japan) - *Ph.D. The owner of the Medal of Pushkin (Russian Federation National Award), professor, Head of the department of Russian language, Faculty of foreign studies, Kyoto Sangyo University.*
e-mail: kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp

Acknowledgements:
I express my deep gratitude to the team of editors for providing full support in editing and publishing my article. The special thanks to Middlebury University, in person, C.V. Starr Professor Thomas Bayer.

Contribution of the author: *the author contributed a lot to the research.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-36-45
УДК (UDC) УДК 81'23(045)

Irina M.Nekipelova,
M.T. Kalashnikov Izhevsk State Technical University
Izhevsk, Russia
Некипелова Ирина М.,
Ижевский государственный технический
Университет имени М.Т.Калашникова

For citation: Nekipelova Irina M., (2022).
Interaction of Subjective and Objective Language Systems
in the Process of Globalization and Deglobalization of Languages.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 36-45 (in USA)

Manuscript received 27/04/2022
Accepted for publication: 31/05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

INTERACTION OF SUBJECTIVE AND OBJECTIVE LANGUAGE SYSTEMS IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION AND DEGLOBALIZATION OF LANGUAGES

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ И ОБЪЕКТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВ

Abstract:

The article is devoted to the problem of researching the ways and dangers of linguistic globalization as a possibility of creating and forming a single globalized language, capable of ousting the rest of the world's languages from the socio-anthropological space. The presented research is a continuation of the study of the interaction of an objective language – a metalanguage, recognized by all its speakers, and a multitude of subjective languages – individual subjective linguistic ideas about the world, into which the language breaks up, functioning in the socio-anthropological space. The study showed that the interaction of the universal metaphor of the language system and its many unique variants gives rise, on one hand, to centrism, caused by the desire of the language to be understood by all its speakers, and on the other hand, polycentrism - the formation of many centers within one system (subsystems of the system), which due to the behavior of the language as a dissipative system. It is centrism in the interaction of these processes that realizes the tendency of the language to globalize it. In the course of the study, it was revealed that the use of uniform, integrated by society, standardized language stereotypes and patterns threaten the programming of people for depersonalization and is fraught with "the dangers of cultural and linguistic unification." However, according to the author, the process of centrism as a method of globalization of one language cannot

be fully realized, since simultaneously with centrism, the processes of polycentrism, conditioned by the manifestation of the author's principle, operate in the language. The opposition of centrism and polycentrism brings an objective language and a diverse set of subjective languages into collision, giving rise to adaptive diversity within one globalized language. In conclusion, the study concluded that the processes of globalization are inevitably accompanied by the processes of de-globalization, when one has to talk about the mechanisms that prevent the emergence of a common, maximally globalized language as a universal supranational semiotic code. Apparently, the final result of globalization is impossible, since the globalization of a language is an endless process: an objective language is forced to constantly absorb many subjective languages, while simultaneously disintegrating into these languages. In general, linguistic globalization and deglobalization are natural processes in the development of a particular language system, since they are conditioned by the specifics of human thinking arising from its contradictions.

Keywords: globalization and deglobalization of language; mechanisms of linguistic centrism and polycentrism, interaction between objective and subjective languages.

Аннотация:

Статья посвящена проблеме исследования путей и опасностей языковой глобализации как возможности создания и формирования единого глобализованного языка, способного вытеснить остальные языки мира из социально-антропологического пространства. Представленное исследование является продолжением изучения взаимодействия объективного языка – метаязыка, узнаваемого всеми его носителями, и множества субъективных языков – индивидуальных субъектных языковых представлений о мире, на которые язык распадается, функционируя в социально-антропологическом пространстве. Исследование показало, что взаимодействие универсальной метаформы языковой системы и множества его уникальных вариантов порождает, с одной стороны центризм, вызванный стремлением языка быть понятным всем его носителям, а с другой стороны, полицентризм – формирование множества центров в рамках одной системы (подсистем системы), что обусловлено поведением языка как диссипативной системы. Именно центризм во взаимодействии этих процессов реализует тенденцию языка к его глобализации. В ходе исследования было выявлено, что использование единых интегрированных обществом стандартизированных языковых стереотипов и шаблонов грозит программированием людей на обезличивание и чревато «опасностями культурной и языковой унификации». Однако, по мнению автора, в полной степени процесс центризма как способа глобализации одного языка осуществиться не может, поскольку одновременно с центризмом в языке действуют процессы полицентризма, обусловленные проявлением авторского начала. Противостояние центризма и полицентризма приводит в столкновение объективный язык и разнообразное множество субъективных языков, порождая адаптивное разнообразие в пределах одного глобализованного языка. В заключение исследования был сделан вывод, что процессы глобализации неизбежно сопровождаются процессами деглобализации, когда приходится говорить о механизмах, которые препятствуют появлению общего, максимально глобализованного языка как универсального наднационального семиотического кода. По всей видимости, конечный результат глобализации невозможен, поскольку глобализация языка – процесс бесконечный: объективный язык вынужден постоянно впитывать множество субъективных языков, одновременно распадаясь на эти языки. В целом языковая глобализация и деглобализация являются естественными процессами в развитии той или иной языковой системы, поскольку обусловлены спецификой человеческого мышления, вытекающей из его противоречия.

Ключевые слова: глобализация и деглобализация языка; механизмы языкового центризма и полицентризма, взаимодействие объективного и субъективного языков.

Introduction. Globalization is one of the most actively discussed by sociologists, historians and philosophers of modern problems of mankind - the problem of culture and civilization. Being connected with the life of society, it is one of the fundamental problems of society. The problem of globalization has an anthropological character, and its study reaches an interdisciplinary level [1-3].

One of the aspects of the life of society is linguistic activity carried out through the use of the means of language, which in its own nature has become an unprecedented means of communication. But language is much more than a means of communication, language is a way of expressing the thinking of each individual person, a way of knowing the world and presenting knowledge about the world. Linguistic activity is a very important sphere of human activity, since "all thinking, the entire culture of a particular linguistic community is transmitted through language" [4]. That is why research and preservation of languages should not be neglected: to research and preserve languages is to explore and preserve communities, their history and culture, their diversity.

Formulation of the problem. The leading process of modernity is globalization, within which the architecture of the new world is being created. A significant part of the world's population is involved in a new information reality that has united and held together individual regions of the planet. As a result of the emerging global information environment, the world is becoming unprecedentedly close, transparent and accessible. Scientists talk about the communication convergence of people and the information openness of the world. Modern informatization processes, the spread of telecommunications and computer technologies in all areas of human life, integration processes in the political and economic sphere make it possible to talk about the creation of a collective intelligence of mankind to manage world processes and solve world problems based on the common interests of survival and development of civilization. This inevitably leads to the accumulation of prerequisites for content-value changes within cultures and, possibly, to a reassessment of such established concepts.

In the current conditions of linguistic globalization, it is necessary to identify the mechanisms of language development. The study of evolutionary changes in the field of language in the history of mankind will make it possible to predict the prospects for the further development of languages and, to a certain extent, stabilize the world linguistic situation. To solve such a complex issue, a comprehensive analysis of the linguistic situation and the search for adequate answers and solutions to the question of the activities of a person and society in relation to language are required.

"The problems of communication, and in particular international ones, are among the permanent objects of research in the humanities, and at the present stage, the problems of studying communication processes and transcultural contacts in a single cultural and pragmatic space belong to the list of urgent global problems of mankind" [5], according to many scientists, that is why studies of the processes and mechanisms of the globalization of languages should be associated not only with determining the possibility or impossibility of forming a single common global language that can displace other languages of the world from the socio-anthropological space, but also the threats accompanying possible linguistic globalization, based on the spread in international communication, primarily of the English language [6-11].

The purpose of this article is to consider the interaction of an objective supra-individual language and subjective individual languages in terms of the likelihood of the formation of a single globalized language in the future, capable of covering the entire socio-anthropological space, as well as identifying the dangers associated with linguistic globalization.

The problem of globalization in the linguistic space. Language is a product of a person, and therefore the problem of globalization that has engulfed humanity could not but affect the linguistic space, in which both individual person and society as a whole exist. Modern researchers note the desire to occupy the leading positions of several languages in the world. Among the leaders are English, Spanish, German and some other languages. However, the globalization of some languages

leads to the fact that many other languages are beginning to lose ground and disappear from the face of the planet. Scientists constantly keep statistics of the number of speakers of the world's languages and the spread of languages in the world. Thus, in the UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger, 2473 languages are noted as endangered [12]. The area of distribution of languages is also uneven: the share of African and Asian languages accounts for almost 32%, the languages of South and North America make up 15%, and the languages of the Pacific basin - 18%. The European continent represents only 3% of all languages in the world [13]. Languages are now dying in large numbers, and many of them are practically in front of linguists. Out of more than seven thousand languages of the planet in a hundred years, according to scientists, according to different forecasts, two hundred to six hundred languages will remain, and in general, “at the level of national languages, one can note a frightening rate of reduction in their number” [14]. The historical reasons for this process, undoubtedly, at different times were different, but, if in the early stages of human existence, materially expressed factors played a huge role (the death of the language as a result of the destruction of the nation during military conquest, cataclysms, epidemics, etc.) , then now in the first place would be the intangible factor - the general trend of globalization: “The growth of the information society makes possible such methods of global communication, which were unimaginable only a decade ago” [15]. And, according to many scientists, the English language is currently the main threat to the existence of other languages in the world - "the world moves into English" [16]. The updating of English is due to the fact that «English is not simply distributed, but distributed by satisfying the interests of non-speakers of the language» [17, p. 19] and personal contacts «are made between non-speakers of the language, who thereby participate in its development, adjusting it to their socio-cultural needs» [18, p. 202].

The opinions of linguistic scientists on the issues of linguistic globalization differ. However, scientists rather condemn this tendency: “I myself tend to paint a gloomy picture - a triumph of stupidity when everyone speaks only English. But this, of course, is still a rhetorical exaggeration” [19]. As a result, scientists paint terrible pictures in which society is monolingual and nationless. True, not all scientists agree that the loss of language is a tragedy: “Solch eine Analogie zu ziehen, hält Ammon dagegen für falsch. Anders als Stolz, Mosel und Paulwitz betrachtet der Germanist das Sprachensterben nicht als eine Tragödie. Er versteht es, wenn Sprachen außer Gebrauch kommen, weil andere Sprachen sich etwa zum Beispiel wegen ihrer Sprecherzahl für die Kommunikation besser eignen” [20]. However, this provision is questionable, as “diversity has the potential for adaptation. Uniformity, on the other hand, can pose a threat to a given species, characterized by a lack of flexibility and adaptability. Linguistic and biological diversity ... are inseparable. The disappearance of languages and cultures preserves the possibility of their mutual enrichment and the emergence of human intellectual achievements. From the point of view of ecology, the most powerful are those ecosystems that are distinguished by the greatest diversity. In other words, their sustainability is directly related to diversity, which is of great importance for long-term survival, "and also" linguistic and cultural diversity maximizes the chances for successful performance and human adaptability " [21]. This means that the consolidation of some languages and the disappearance of others are natural processes. However, the artificial tendency to give preference to one language and the rejection of other languages creates a situation of lack of linguistic diversity and, as a consequence, linguistic choice. Consequently, "... we must definitely strive to preserve disappearing languages, because their structures and grammatical structure - often bizarre - show how diverse human thinking can be" [22].

But globalization manifests itself not only in terms of crowding out other languages by some languages, it also manifests itself in the global consolidation of a language, the formation of a globalized language that absorbs the linguistic space. And, as in the case of a multicomponent linguistic situation, within one linguistic system, an important factor in its globalization is the diversity of its elements and capabilities.

Indeed, the richness of a language is determined by its diversity. In turn, the richness of the language determines its use in various fields and ensures its poly-functionality. Language must constantly evolve, producing new forms of its realization. Lack of development of the language system leads to its death. The death of language does not occur through degradation and involution, language dies as a result of stagnation and obliviousness. The language that dies, is the one that does not have time to develop together with a person and ceases to realize the constant needs of a person in a new way and in more detail to cognize and describe the world.

Scientists are puzzled by the processes of globalization facing humanity. However, few scholars dealing with the issues of globalization in the field of linguistics think that the idea itself, as well as the process of the formation of the literary language and the state language as a social order, is the first step towards linguistic globalization, which can have a natural and artificial path of deployment.

From individualization to globalization. Language "represents an unreal but conceivable unity", and in general "in the thinking of each person, language is presented as a specific structure, a model consisting of separate elements interconnected by different relationships" [23, p. 198]. Consequently, every person - a native speaker of the language, due to the individuality of his thinking, has unique ideas about the world and the correspondence of the phenomena and objects of the world to the oral and written signs that make up the language. The realization of the possibilities of the language system, caused by individual linguistic activity and fixed for individual speech behavior, forms the recognition of the linguistic personality and expresses the author's principle. Individual ideas about the world are conditioned by the subjective and, therefore, subjective vision of the world, which, of course, is reflected on the language that a person uses to convey his feelings and thoughts. As a result, an individual form of the language (private language) is formed - a subjective language.

However, the difference between subjective languages inevitably leads to the fact that in the process of communication there is a misunderstanding between people as a result of the mismatch of the language codes of the subjects of speech. Exactly in this moment, the need for the coincidence of subjective languages is actualized. The coincidence is achieved due to conventionalization - that is, the agreement of people with each other. Conventionalization is a natural process that presupposes the adoption of a linguistic unit by other people as a result of its recognition and use in speech. The "exchange" of linguistic units leads to an escalation, which leads to the formation of such a circle of units that become recognizable by all native speakers. In this case, we can talk about the formation of an objective language: "A lot of subjective linguistic pictures of the world and subjective languages form an objective linguistic picture of the world and an objective language, which is mainly national" [24, p. 215]. An increasing number of its participants are involved in the new linguistic situation - native speakers of the language, using it as their native language, and speaking this language.

Artificial globalization. In the future, the convenience of using universal units leads to the realization that it is very important for society to have a universal form of language (universal language). The first attempts to codify and standardize the language are being made: "The codified and conventional model is an objective language, and many individual ideas about the language are subjective languages" [25, p. 198].

As a result, koine is formed - a form of language that is understandable to everyone. It is the basis of the literary language. The literary language is a standardized, normalized and codified form of the national language, enshrined as a result of conventionalization in regulations and approved by scientists and the state. National identification, along with genetic affiliation, etc., is also associated with linguistic identification. The creation of a literary language is always associated with a national idea, within the framework of which attempts are made to consolidate the nation. And if the formation of koine is a natural process, then the formation of a literary language is an artificial process.

It is here that the growth of the globalization process should be noted. The desire to unite the nation with the help of language is increasing. To the speech of all people speaking this language, overestimated and even, perhaps, high requirements are imposed, since the literary form of the language took shape in the subjective languages of writers, distinguished by their precedent proficiency in the language. All people using the language cannot reach this level, and, quite naturally, most native speakers remain at an intermediate level of proficiency, which makes it possible not to fully master literary works.

The creation of a literary and state form of a language requires the standardization of its units, and in this respect, artificial globalization of the language is always associated with standardization. At the same time, natural standardization reflects the needs of the entire society, and artificial standardization reflects the needs of the scientific community and the state. In the case when the artificial standardization of the language begins to restrain the natural development of the language system, there is a confrontation between the artificial and natural processes of standardization and, as a result, scientists record the contamination of the language and the low language culture of the population. But this is only a result of the divergence of standards, the divergence of the needs of society and the requirements for language proficiency.

Centrism and polycentrism. The literary language as the highest form of the national language claims to be the state language, the function of which is to consolidate society. The desire to unify all existing forms of the language system launches the process of centering the language, forming a single language center, a core consisting of a set of language elements that will be understandable to all native speakers. Centripetal processes are being carried out, which lead to the formation of the center of the language system - that layer of vocabulary that is commonly called the core in modern science. Centrism is caused by the desire of a language to be understood by all its speakers. However, this process cannot be fully realized, since simultaneously with centrism, polycentrism processes are operating in the language, due to the manifestation of the author's principle. The formation of many centers within one system (subsystems of the system) determines the behavior of the language as a dissipative system.

In essence, it turns out that only small groups of people can reach indisputable agreements, and the larger the composition of the group, the more likely that someone will disagree, thereby violating the agreements reached. The greater the spread of the language, the more speakers it unites, but at the same time the more diverse and numerous will be its territorial and social dialects. Language is contradictory in nature, since language is a product of thinking. And a huge linguistic system, on the one hand, consists of many forms of language, and on the other, it breaks up into separate languages. It all depends solely on the point of view of the object under study.

Globalization and deglobalization. And yet, the question remains: why do people violate language norms? Of course, this largely stems from the low quality of education, personal ignorance, primitivizing needs, ignorance of the correct use of words, etc. This is due to the linguistic orientation towards the values of the poorly educated stratum of society in order to be understood. Most of the population is automatically guided by this, these native speakers constitute the average language proficiency. And only a small part of society deviates from the established norms in order to more fully express their thoughts, they bring new things into the language, something that can eventually be accepted in society and fixed in the language. Thus, changes in the language are associated with opposing and multidirectional tendencies: “to be like everyone else” and “to be more than everyone else”. The majority uses the language, but the minority develops it.

Each language system has enormous potential, but only those people who are creative with the language are able to use this potential. “Language is not only what is implemented by the system, what is actual, but also what exists potentially” [26]. Revealing potential is a creative phenomenon, on which W. von Humboldt wrote about. The capabilities of the language constitute its potential, which can be realized at any period of the development of the language. Consequently, the national

form of language should be understood as the internal diversity of the language, oriented not to the fullest possible expression of people's thoughts. And in this respect, globalization, focused not on universal subordination, but on universal inclusion, can become not an obstacle, but an opportunity.

Humanity is inspired by the idea of creating a universal means of communication - a language that will be understood by all people on the planet. The idea is delightful, but utopian. The creation of a normalized form of language is an attempt to stabilize the language, which in many ways slows down the natural course of its development. Deprived of creativity, it will lose its vitality. The survival of the language is in the variety of its forms, from which you can choose the optimal path of development.

Thus, linguistic globalization is undoubtedly an inevitability in the fate of a language. The enlargement of the language leads it to the path of expansion, while the localization of the language can lead to stagnation of the language system and, as a result, to its destruction. On the other hand, the absolutely complete recognition of the language and its absolutely precise application will have the same effect, since the absolute stability of the language will inevitably lead to the stagnation of the language system. The destabilization of the language system keeps the language in good shape, forcing it to constantly overcome the state of entropy that occurs in the language system.

Anthropological crisis and perspectives of language. Language globalization is a process during which all forms of the language system are transformed into a single global language system. A language that is developing along the path of globalization certainly has a number of advantages over other languages. It is multifunctional and serves various spheres of human activity, national and state borders are open to it, it is mobile and is rapidly developing due to the inclusion of an increasing number of native speakers and their subjective languages. Globalization is accompanied by an increase in the use of the language, a decrease in barriers to learning and even appropriation, an increase in interaction and interdependence with other languages. All this determines the vitality of the language. However, as Joseph Stiglitz said, “globalization is not only income, but also taxes” [27]. And this means that globalization, like all other processes, along with undoubted advantages, also has a number of significant disadvantages.

Firstly, the globalization of language brings humanity closer to an anthropological language crisis. This is due to the uncontrolled expansion of the volume of globalized languages. Globalized linguistic systems practically without restrictions include new linguistic units, that is due to the desire to maximize the coverage of the spheres of human activity. Currently, scientists find it difficult to name the exact number of words, for example, in English or in Russian. This is partly due to the fact that no one person is able to learn such a huge number of words that make up the system of any developed language. Within this aspect, the entire language system is divided for any native speaker into words that he understands and perceives, and words that he does not perceive – agnonyms (words of the native language that are not known to the native speaker) [28]. The presented situation is aggravated by the huge flow of information overwhelming a modern person. A modern person is not able to process the amount of information that is currently available to him. And in this case, the undoubted advantages of the availability of various information turn out to be significant disadvantages, since a person has limited mental resources, which in certain situations are depleted. Psychologists call the lack of work of human consciousness a global problem of our time, which can lead to an "anthropological catastrophe" [29, p. 16]. In the conditions of the expansion of the information field, replenished by humanity on an alarming scale, human thinking should work more and more productively, but at present this is impossible, since the information development of humanity is happening faster than the psychobiological development of a person.

Secondly, the use of standardized linguistic stereotypes and patterns by a single integrated society threatens the programming of people for depersonalization, fraught with "the dangers of cultural and linguistic unification" [30]. However, this will never happen, since globalization and de-globalization are conditioned by the specifics of human thinking, which, according to I. Kant,

follows from his contradiction. And the desire, on one hand, to unify communication - to create rules and norms, as well as to create linguistic stereotypes and speech stamps and follow them, is accompanied, on the other hand, by a reverse-directed process – the individualization of communication, accompanied by a violation of the prevailing stereotypes, going beyond the boundaries of a formalized language, using the means of language creatively and realizing its potential. Thus, the natural process of the so-called "globalization with a human face" is carried out [31]. But the artificially generated globalization is also ambiguous: the state, so zealously protecting the codified form of the state language, uses the works of classic writers and modern writers who continue the classical traditions as its support. However, classical literature shows a variety of language and goes far beyond the modern standardized form. In addition, literary works are written by writers who speak the language at a precedent level, not fully accessible to the average native speaker. And if the second problem has natural solutions, then scientists should seriously think about solving the first problem.

Conclusion. The globalization of language, on one hand, is inevitable, since a person living in a society, in one way or another, to be understandable, will be guided in linguistic expression by this society. On the other hand, the globalization of the language is a necessity, since it accompanies socio-political and economical processes. However, humanity is unlikely to ever see the final result of globalization, since the globalization of language and languages is an endless process: an objective language is forced to constantly absorb a multitude of subjective languages, simultaneously disintegrating into these languages. All this must also be considered from the standpoint of the existence of not only regular, but also random factors in the development of language systems, leading them both to the emergence or extinction [32, pp. 297-333], and to globalization and deglobalization.

It should also be said that, despite the existence of a need for a common language as a universal adaptive-adaptive mechanism, we see its emergence as a very distant prospect for the linguistic development of mankind. Apparently, it should be argued that there are intralinguistic mechanisms, as well as various social, biological, psychological, cultural and ethnic factors that prevent the emergence of a common, maximally globalized language as a universal supranational semiotic code. These mechanisms are based on the formation of critical thinking, which is developed in the process of creative and authentic use of a native or non-native globalized language [33], which leads it to the path of a unique existence within the thinking of a single subject - the native speaker of this language as native or non-native.

References:

1. Nazaretyan A. P. Nelineynoe budushchee. Megaistoricheskie, sinergeticheskie i kul'turno-psikhologicheskie predposylki global'nogo prognozirovaniya [Non-linear Feature. Mega historical, synergy and cultural-psychological prerequisites for global prediction]. Volgograd: Uchitel', 2013. 440 p.

2. Nekipelova I. M. Yazykovaya sistema kak ob"ekt issledovaniya postneklassicheskoj nauki [Language system as an object of study of post-classical science] // Filologicheskie nauki. Teoriya i praktika [Philological Sciences. Theory and Practice], no. 1(19) (2013). Pp. 116-121.

3. Grinin L., Korotayev A. Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? Globalization: Yesterday. Today, and Tomorrow / Ed. by J. Sheffield, A. Korotayev, L. Grinin. Litchfield Park: Emergent Publications. 2013. Pp. 366-410.

4. Trabant Yu. *S yazykom umiraet kul'tura* [Culture Dies with Language]. URL: http://www.goethe.de/ins/ru/lp/prj/drj/ser/spr/rul/ru9108115.htm (accessed December 21, 2021).

5. Schcennikova N. V. Yazykovoj faktor globalizacii [Linguistic factor of globalization] // Vek globalizacii [Age of globalization]. Vypusk № 2 (16). 2015. Pp. 119-129.

6. Sardar Z., Davis M. W. Why do people hate America? Moscow: Prospectus, 2003. 240 p.

7. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.
8. Crystal D. English as a global language. Moscow: Ves' mir, 2001. 238 p.
9. Leontovich O. American English as a Medium of Intercultural Communication // World Englishes. 2005. No. 24 (4). Pp. 523–532.
10. Jenkins J. The Phonology of English as an International Language. Oxford: Oxford University Press, 2000. 266 p.
11. James A. R. English as a European Lingua Franca. Current Realities and Existing Dichotomies // English in Europe: The Acquisition of a Third Language. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2000. Pp. 22–38.
12. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. URL: http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/ (accessed December 28, 2021).
13. Dan'el Dzh. Nash obshchiy mnogolikiy mir: Yazykovoe, kul'turnoe i biologicheskoe raznoobrazie planety [Our common many-sided world: linguistic, cultural and biological variety of the planet]. URL: http://www.terralingua.org/wp-content/uploads/downloads/2011/01/RussianWOD.pdf (accessed December 22, 2021).
14. Trabant Yu. S yazykom umiraet kul'tura [Culture Dies with Language]. URL: http://www.goethe.de/ins/ru/lp/prj/drj/ser/spr/rul/ru9108115.htm (accessed December 21, 2021).
15. Dan'el Dzh. Nash obshchiy mnogolikiy mir: Yazykovoe, kul'turnoe i biologicheskoe raznoobrazie planety [Our common many-sided world: linguistic, cultural and biological variety of the planet]. URL: http://www.terralingua.org/wp-content/uploads/downloads/2011/01/RussianWOD.pdf (accessed December 22, 2021).
16. Trabant J. Umzug ins Englische. Über die Globalisierung des Englischen in den Wissenschaften. URL: http://web.fu-berlin.de/phin/phin13/p13t5.htm (accessed December 19, 2021).
17. Fishman J. Sociology of English as an additional language // The Other Tongue: English across Cultures. 2d ed. / Ed. by B. B. Kachru. Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1992. Pp. 19-26.
18. Lazaretnaya O. English as a Lingua Franca in Russia: A Sociolinguistic Profile of Three Generations of Russian Users (PhD theses). Lisboa: University of Lisbon. 2012.
19. Trabant Yu. S yazykom umiraet kul'tura [Culture Dies with Language]. URL: http://www.goethe.de/ins/ru/lp/prj/drj/ser/spr/rul/ru9108115.htm (accessed December 21, 2021).
20. Degener J. Wenn Sprachen sterben URL: http://www.goethe.de/ges/spa/sui/ de5589701.htm (accessed December 19, 2021).
21. Dan'el Dzh. Nash obshchiy mnogolikiy mir: Yazykovoe, kul'turnoe i biologicheskoe raznoobrazie planety [Our common many-sided world: linguistic, cultural and biological variety of the planet]. URL: http://www.terralingua.org/wp-content/uploads/downloads/2011/01/RussianWOD.pdf (accessed December 22, 2021).
22. Trabant Yu. S yazykom umiraet kul'tura [Culture Dies with Language]. URL: http://www.goethe.de/ins/ru/lp/prj/drj/ser/spr/rul/ru9108115.htm (accessed December 21, 2021).
23. Nekipelova I. M. Yazykovoj opyt, yazykovaya orientaciya, yazykovoe prostranstvo [Language experience, language orientation, language space] // V mire nauchnykh otkrytiy [In the World of Scientific Discoveries], no. 3.2(39) (2013): 185-206.
24. Nekipelova I. M. Policentrizm yazykovoj sistemy [Polycentrism of the language system] // V mire nauchnykh otkrytiy [In the World of Scientific Discoveries], no. 9.3(33) (2012): 210-219.
25. Nekipelova I. M. Yazykovoj opyt, yazykovaya orientaciya, yazykovoe prostranstvo [Language experience, language orientation, language space] // V mire nauchnykh otkrytiy [In the World of Scientific Discoveries], no. 3.2(39) (2013): 185-206.
26. Nekipelova I. M. Dejstvie algoritma ravnomernogo poiska pri otbore yazykovyh sredstv v processe optimizacii rechi [Action of uniform search algorithm when selecting language tools during speech optimization] // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem [Modern Research of

Social Problems], no. 4(24) (2013). DOI: http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-4-50 (accessed December 11, 2021).
27. inoSMI.ru. URL: http://inosmi.ru/world/ 20130529/209474075.html (accessed December 21, 2021).
28. Morkovkin V. V., Morkovkina A. V. Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem) [Russian agnonims (words, what we know)]. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute, 1997. 414 p.
29. Zinchenko V. P. Voprosy psikhologii [Approaches to Psychology], no. 2 (1991). Pp. 15-36.
30. Dan'el Dzh. Nash obshchiy mnogolikiy mir: Yazykovoe, kul'turnoe i biologicheskoe raznoobrazie planety [Our common many-sided world: linguistic, cultural and biological variety of the planet]. URL: http://www.terralingua.org/wp-content/uploads/downloads/2011/01/RussianWOD.pdf (accessed December 22, 2021).
31. Globalizatsiya [Globalization] // Kompas [Kompas].
URL: http://eycb.coe.int/compass/ru/chapter_5/5_8.html (accessed December 24, 2021).
32. Nekipelova I. M. Sud'ba yazyka: mekhanizmy zarozhdeniya, razvitiya, stabilizacii i ugasaniya [The destiny of the language: mechanisms of birth, development, stabilization and extinction] // V mire nauchnykh otkrytiy [In the World of Scientific Discoveries]. 2012. № 11-3 (35). Pp. 297-333.
33. Kalafato R Hudozhestvennaya literatura v obuchenii anglijskomu yazyku v Rossii [Fiction in teaching English in Russia] // Voprosy obrazovaniya [Education issues]. 2018. № 2. Pp. 91-116.

Information about the author:

Nekipelova Irina (Izhevsk, Russia) *– PhD, Head of the Department «Russian as a Foreign Language», Director of Testing center, M.T. Kalashnikov Izhevsk state technical university. Winner of the "Scientist of the Year 2020" in the category "Humanities: languages and literature" (International Achievements Research Center) (Chicago, USA). Research fields: history of Russian language, language philosophy, teaching Russian as a foreign language; author of over 150 publications, 5 monographs and textbook «Russian as a foreign language: Step by step».*
E-mail: irina.m.nekipelova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8448-3000
SCOPUS ID: 57191414786
Web of Science ResearcherID: AAS-9439-2021
SPIN-код: 8968-4493
AuthorID: 394021

Acknowledgments: *The author would like to sincerely thank Prof. Svetlana M.Minasyan, Yerevan State University Ijevan Branch, for her feedback and assistance on this paper.*

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-46-66
УДК (UDC) 801.732

Kuralay* B.*Urazayeva,
The L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan
Zhanargul Beisembayeva,
The L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan
Karlygash Abylkhassova,
Quantum Stem School,
Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan

Уразаева К.Б.,
Евразийский национальный университет
им Л. Н. Гумилева,
Нур-Султан (Астана), Казахстан
Жанаргуль Бейсембаева,
Евразийский национальный университет
им Л. Н. Гумилева,
Нур-Султан (Астана), Казахстан
Карлыгаш Абылхасова,
Quantum Stem School,
Нур-Султан (Астана), Казахстан

For citation: Urazayeva Kuralay B., Beisembayeva Zhanargul, Abulkhassova Karlygash, (2022). Training of Literary Ttranslators and Development of Education Program. Cross-Cultural Studies: Education and Science, Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 46- 66 (in USA)

Manuscript received: 23/02/2022
Accepted for publication: 28 /03/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

ПОДГОТОВКА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ И РАЗРАБОТКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

TRAINING OF LITERARY TRANSLATORS AND DEVELOPMENT OF EDUCATION PROGRAM

Abstract:

The article is devoted to the training of literary translators and development of an education program. This approach required a description of the scientific and methodological foundations, formulation of the educational concept of teaching and didactic principles. The subject of consideration are the concepts *translation reading* and *translation understanding*. They characterize the translator's reading literacy and the student's meta-skills – future literary translator. The article substantiates the role of theoretical courses, analyzes the role of translations of *another* culture into

the Russian and native languages, ways of forming academic and educational metaknowledge and metacompetences of a translator as a linguocultural, rhetorical, and linguistic personality.

The use of taxonomic, textological, comparative- typological methods, discursive (neo-rhetorical) approach has shown the importance of theoretical courses for developing basic and professional student competencies, designing the learning situation as an effective communication, the content and methods of forming translation reading and translation understanding of the text. The communicative approach is used to form the student's idio-speech behavior, designing speech actions in receptive and productive terms. The use of a neo-rhetorical approach is justified from the standpoint of the formation of students' skills in interpreting, updating and arguing the text.

The disclosure of the concepts of *translation reading* and *translation understanding* is carried out on the example of the integration of literary criticism, translation studies, communication theory and rhetoric into the educational process. The fruitfulness of the educational process as inculturation is shown here.

The scientific novelty of the article is determined by the development of an education program for training literary translators, development of the concepts of *translation reading* and *translation understanding*. The didactic foundations of the program are aimed at the synthesis of metacognition and metaskills of the student. The practical significance lies in the approbation of the described syllabus in training literary translators.

Keywords: *literary translators, educational program, translation reading, translation understanding*

Аннотация:

Статья посвящена подготовке литературных переводчиков и разработке образовательной программы. Такой подход потребовал описания научно-методологических основ, формулировки учебной концепции обучения и дидактических принципов. Предметом рассмотрения являются понятия *переводческое чтение* и *переводческое понимание*. Они характеризуют читательскую грамотность переводчика и метанавыки студента – будущего литературного переводчика. В статье обоснована роль теоретических курсов, анализируется роль переводов *другой* культуры на русский и родной языки, пути формирования академических и учебных метазнаний и метакомпетенций переводчика как лингвокультурной, риторической, языковой личности.

Применение таксономического, текстологического, сравнительно-типологического методов, дискурсного (неориторического) подхода показало значимость теоретических предметов для выработки базовых и профессиональных компетенций студента, проектирования учебной ситуации как эффективной коммуникации, содержание и способы формирования переводческого чтения и переводческого понимания текста. Коммуникативный подход используется для формирования идиоречевого поведения студента, проектирования речевых действий в рецептивном и продуктивном планах. Использование неориторического подхода обосновано с позиций формирования у студентов навыков интерпретации, актуализации и аргументации текста.

Раскрытие понятий *переводческого чтения* и *переводческого понимания* осуществлено на примере интеграции литературоведения, переводоведения, теории коммуникации и риторики в учебный процесс. Показана плодотворность учебного процесса как инкультурации.

Научная новизна статьи определяется разработкой образовательной программы подготовки литературного переводчика, ролью понятий *переводческое чтение* и *переводческое понимание.* Дидактические основы программы направлены на синтез метапознания и метанавыков студента. Практическая значимость состоит в апробации описанного силлабуса при подготовке литературных переводчиков.

Ключевые слова: *литературные переводчики, образовательная программа, переводческое чтение, переводческое понимание*

Introduction

The training of literary translators in terms of multicultural and multilingual education, the anthropological nature of translation didactics requires updating education programs. First of all, this concerns literary training as the main way to update the education program in terms of metaknowledge. Mastering the discourse techniques for analyzing a work of literature is the core of the literary content of the education program. The study of literary translation as part of the literary process draws attention to comparative literary criticism. The formation of metalinguistic competencies is conditioned by the formation of the translator's linguistic personality. Hence the renewal of the content of the education program by courses is related to the history and theory of literature, such as descriptive translation studies. Teaching subjects that are at the intersection of integrated scientific knowledge – communication theory, rhetoric, linguistic conceptology and linguistic pragmatics – expands the educationl paradigm of the literary translator model. The field of study includes textual research in order to create new translations and prepare critically verified editions. Accordingly, the support of learning and the analysis of translations of *another* culture into the native language also becomes a paradigm-forming component of the educational process.

Updating the education program of translators with new theoretical courses and the development of translation competencies is also due to the state of book publishing in terms of translations of foreign literature, including Russian, into the Kazakh language. The presence and condition of critically verified works of Russian classics in the Kazakh language is an indicator of the educational and cultural policy of the state, multiculturalism, and the solution of issues of preserving national identity. Issues still unresolved in Kazakh translation studies from the field of Kazakh translations of Russian classics, the inconsistency of the state of Kazakh translations with the level of modern science and reader needs and expectations require training of literary translators, the development of their professional basic and specialized competencies, the formation of which is aimed at updating the curricula of the studied items. The area of debatable issues that contribute to the motivation of students can be attributed to the theory and practice of translation, which are grouped around the problems of sociology, including the sociology of translation, culture studies in the aspect of their connection with the history of modern Kazakhstani society. For example, this is the study of the literary reforms of the XVIII century in the field of translation and introduction of trilingualism into the educational process of Kazakhstan. These are questions of Bakhtinology for understanding and translating the *Other* as a factor of national identity. The role of literary translation in society and the transcultural mission of translators implies the acquisition of knowledge from the history of translation. It is important to realize the place of the Soviet period as the heyday of literary translation, but at the same time its dual nature and dual results.

The relevance of the article is due to the training of literary translators in the Republic of Kazakhstan and the development of its education program. In this regard, the question arises of developing the scientific and methodological foundations of the concept of education and systematizing the didactic principles of the educational program. The study of the meaning – generating activity of translation, namely the generation of new genres by the translator and their perception by the reader (translation recipient) is the basis for the formation of the linguistic and metalinguistic personality of the translator as a reader and the student – as the recipient of the translation and the future translator. This approach raises the problem of the formation of reader literacy in the process of studying foreign literature in translations into the native language, and also sets the task of translation reading and translation understanding of the text. The described approach is aimed at the formation of students' meta-skills, which primarily imply linguo-rhetorical competence.

The purpose of the article is to develop the concept of an education program for training literary translators. The objectives of the article are aimed at describing the ways to achieve it: 1) development of scientific, methodological and didactic foundations of the education program; 2) substantiation of the role of theoretical courses in the formation of knowledge and competencies of literary translators; 3) development of the concepts of *translation reading* of the text and *translation understanding* as units of reading literacy in the materials of Kazakh translations of Russian classics – the works of I. Krylov, A. Pushkin, M. Lermontov; 4) description of the ways of forming students' meta-skills: academic and educational, related to the linguistic and metalinguistic personality, linguocultural, rhetorical, linguistic competencies of a literary translator on the example of the syllabus of the course "Literary Translation and Literary Process" (developer – one of the authors of the article, professor of L.N. Gumilyov ENU K.B. Urazayeva).

The scientific novelty of the article is determined by the development of an education program for training literary translators. The practical significance lies in the application of the educational and methodological concept of the program in the development and introduction of courses in the history and theory of literature, theory of communication and rhetoric into the educational process to form the skills of discourse analysis of the text, understanding the relationship between translation competence and reader culture.

Literature review

Perm scientists, in accordance with the concept of the *subject of translation* functioning in Western European translation studies, identify it with the linguistic personality of the translator, noting that "translational reflection extends to predicting the field of the recipient and his/her reflective meanings" [1, p. 55]. For the development of scientific and methodological foundations for the training of literary translators, the concept of semantic harmony of the texts of the original and the translation of the named scientific school seems to be fruitful [1, p. 48-56]. The concept of translation space allowed scientists to single out harmony as a full-fledged translation category [2, p. 73]. Pointing to disharmony as a manifestation of a translation error or translation inconsistency, when as a result there is a lacunization of understanding on the part of the translator, and then on the part of the reader, scientists refer to the phenomenon of "asymmetry of intercultural communication". Sharing the opinion of researchers that "interpersonal, intertextual, interdiscursive communication in the context of translation is characterized by the active position of the translator, influencing the change of the text, discourse, personality" [2, p. 75], we note the role of the student as a reader, addressee of the translation and as a secondary linguistic and metalinguistic personality, which, in turn, is influenced by the linguistic and metalinguistic personality of the translator. The linguo-rhetorical approach to the individual translation picture of the world in the works of Perm scientists is based on the cultural conditionality of translation, the role of the interpretive function of translation understanding for achievement.

The concept of the translator's personality – linguocultural, linguistic and philosophical – implies the formation of students' ideas about the concept of the national rhetorical ideal. In accordance with A.P. Skovorodnikov's model, these are logical-argumentative, ethical-aesthetic, communicative-pragmatic, normative-linguistic (including stylistic norm), and ethnocultural components [3].

From the 70s descriptive theory was recognized in translation studies thanks to H. Holmes works [4]. Its task is to describe how the translation process takes place. The researcher also raised the question of explaining and predicting translation processes. G. Turi, who supplemented the Holmes model in theoretical and methodological terms, argued that the processes of translation can ultimately be explained by their systemic position and role in the target culture [4]. This means the concept of "norms" developed by him: translators are influenced by the norms that determine the translation practice of the target culture at a certain place and at a certain time. Thus, the provisions

embedded in the above models of descriptive translation correlate with the concept of communicative equivalence of the original and the translation. The skill necessary for the competence of a modern translator – search for equivalents in the host culture – draws attention to the shortcomings of transliteration as a way of transferring a proper name, which is a common practice: "Firstly, readers do not always understand how to pronounce this or that name correctly. Secondly, the semantics of the name and its associative links with some quality, object or phenomenon are lost" [5].

The relevance of updating the program is due to the modern idea of rhetoric as neo-rhetoric. It is known that neo-rhetoric functions in science at the intersection of linguistics, literary theory, logic, and philosophy. Neo-rhetoric was developed mainly in the West. In France it is meta-rhetoric; in the USA it is rhetorical criticism and rhetorical methodology; in Italy neo-rhetoric is a part of literary criticism; in Belgium it is argumentative rhetoric and general rhetoric. Methodologically, the following ideas about neo-rhetoric were decisive for us. Firstly, rhetoric as a discipline, the subject of which is the methods of speech activity, including literary discourse. Secondly, the use of the term "rhetoric" in the narrow sense: as the study of oratory and in the broad sense: the study of speech communication by rhetoric, in terms of influencing the addressee of the message, or, in other words, the idea of rhetoric as the science of persuasive communication. Thirdly, the development of Umberto Eco's ideas about rhetoric as the science of generating statements.

To develop new approaches to the study of foreign literature in Russian, the use of a neo-rhetorical approach becomes significant, which the scientist distances from classical rhetoric. Thus, considering neo-rhetoric in a discursological variant, assigning to neo-rhetoric the position of interpreting the word and communication as a set of techniques oriented towards "interpretation", "actualization" and "adequate argumentation", finding political discourse the most vivid illustration of the legitimacy of the new approach, the researcher highlights in the basis of the new principle the ethical norm, the legal interpretation of the word, tolerance, ecology of the information space [6, p. 22-27].

In using the neo-rhetorical approach, the principles of active grammar by I. Miloslavsky [7, p. 9-23] were methodologically decisive. For the development of the didactic concept of the education program, the theory of language learning is valuable not as a value in itself, but as a means of providing speech actions in receptive and productive terms. With this methodological approach, the understanding of the pragmatic function of the text is isolated, which consists in relation to speech acts as a discursive practice of studying the text and the illocutionary influence of the author upon the reader. The implementation of this approach is provided by the concept of the text as a ratio of referential, creative and receptive competencies [8, p. 273-299].

The use of a neo-rhetorical approach in combination with the methods of translation studies actualizes the ideas of scientists about the pragmatic potential of the text: "the speaker wants to say", or the speaker's intention to influence the listener in a certain way [9, p. 325-376], which correlates with the question of the communicative content of the statement [10, p. 356-357]. The study of the text as a result of linguistic activity and as a speech act determines the role of "imitation speech acts" and the use of linguistic concepts, such as imitation of reality, the construction of a world of fiction in belles-lettres, subject to an "agreement" between the writer and the reader, or in the process of "exchange" of illocutionary acts [11, p. 361-367]. The term "pragmatic attitude": the orientation of the test, with a predominant role in communication – from the point of view of the sender determines the significance of the illocutionary act that implements the system of relations between the author and the addressee of the text.

Professor A. Vorozhbitova's scientific school has developed mechanisms for the implementation of linguistic-rhetorical (LR) competence: inventive-paradigmatic, dispositive-syntagmatic, elocutionary-expressive, actional [12]. Formation of reading literacy of the student – future literary translator implies the skills of text interpretation and analysis, mastering the strategies

of semantic reading, in other words, we are talking about the formation of his/her integral linguo-rhetorical competence. The skills of text interpretation and analysis, mastery of semantic reading strategies are developed against the background of understanding the translation process – generation of new genres by the translator, identification of semantic nests and their representative fields, study of sound writing and rhythmic indicators of verse.

The development of associative connections among students for the study of new concepts and linguistic facts draws attention in the formation of metalinguistic competencies and in the development of the didactic foundations of the education program, the implementation of communicative didactics. In this regard, this article is based on the ideas of works on the role of cognitive and metacognitive scaffolds for the development of critical thinking [13, p. 28-37], [14, p. 182-193], [15, p. 964-977].

Communicative and pragmatic tasks that affect the updating of the education program reveal the relevance of mastering methodological tools, including the concepts of *communicative adjustment* and *contextual guessing*. The concept of *communicative adjustment* from psychology has become in linguistics the basis for differentiating the external and internal factors of rhetorical communication. Highlighting the external factors of communication effectiveness, researchers call the ability of its participants to "adjust" to each other and to the conditions of communication" [16, p. 157]. *Contextual guessing* – as a method of teaching language guessing when reading – allowed foreign language teachers at the postgraduate stage of education to develop a set of exercises based on the preliminary segmentation of the language material of the text, a repeated return to incomprehensible words for their analysis, and the use of a dictionary [17, p. 196]. As a criterion for strong assimilation, researchers call the ability of students to establish a certain formal-semantic "sign type" by the form of a word, its components and verbal environment, as well as the importance of morphological and syntactic analysis skills. The ability to apply knowledge in the field of word formation of the Russian language consists in transferring them to similar cases, based on the context and individual experience of students.

Research Methods and Research Material

The legitimacy of updating the education program of training literary translators is confirmed by the use of such methods as taxonomic, textological, comparative typological, discursive (neo-rhetorical) research methods. The taxonomic method allows proving the place of theoretical subjects from the standpoint of the analysis of Kazakh translations of Russian classics and the identified patterns. The textological method illustrates the operation of the law of translation multiplicity, dispersions and shows, on the basis of different translations of the same works of Russian classics into the Kazakh language, the commonality of trends in translation studies and the significance of applying the methods of rhetorical analysis. The comparative typological method, which also demonstrates the phenomenon of translation plurality, contributes to the development of basic and professional competencies of a literary translator. The discourse (neo-rhetorical) method is aimed at mastering the knowledge of rhetorical rules and mastering the techniques of effective communication. This means the translational reading of the text, namely the reader's understanding and interpretation of the communicative intention of the author and the process of speech acts. Such a representation contributes to planning the student's communicative behavior and predicting the results of the communicative situation in the classroom, both in terms of understanding and interpreting the text being studied, and acquiring rhetorical communication skills. The essence of translation understanding and translation reading is reflected in the educational and methodological concept of the considered syllabus of the course and the principles for selecting works for the study and analysis of literary translation as part of the literary process.

The neo-rhetorical method in the educational process is important as a means of monitoring the success / failure of the communicative situation. What are the factors that ensure its success? This is

a technique for analyzing a communicative situation – as the basis for developing communicative exercises. This is the design of an algorithm for students' idio-speech behavior as a result of thought-speech activity, which contributes to the conscious processes of speech generation as an indicator of the formation of their pragmaticon. This ensures a communicative approach, which, together with the neo-rhetorical one, ensures the effectiveness of learning new concepts and linguistic facts. Neo-rhetoric in the discursological variant assigns to neo-rhetoric the position of interpretation of the word and communication as a set of techniques oriented towards "interpretation", "actualization" and "adequate argumentation". The communicative approach includes methods of active grammar aimed at learning the language as a means of providing speech actions in receptive and productive terms. The advantage of using a neo-rhetorical approach is to develop students' skills in interpreting, updating and arguing the text.

Results and Discussions

Scientific-theoretical and didactic foundations for training literary translators

This section includes three parts: 1) systematization of the scientific, methodological and didactic foundations of the education program; 2) analysis of the place of theoretical courses in training literary translators; and 3) substantiation of the concept of *translation reading* of the text and *translation understanding* for the formation of metaknowledge and metaskills of literary translators using the example syllabus "Literary Translation and Literary Process" and analysis of Kazakh translations of Russian classics.

The analysis of Kazakh translations of Russian classics determines the place of the text-centric approach for understanding and interpreting the communicative and pragmatic potentials of the text. Understanding and using the communicative and pragmatic potentials of the text is based on a holistic perception of the text. The use of the communicative potential of the text is expressed in the decoding of the symbolic nature of the literary text by the reader, literary conventions, and the communicative setting of the author. The identification of the pragmatic potential of the text is ensured by designing an algorithm for the student's idio-speech behavior, performing communicative exercises to activate the conscious processes of speech generation as an indicator of the formation of the student's pragmaticon.

During practical classes, the activation of students' cognitive activity involves attention to communicative exercises developed taking into account the student's idio-speech behavior, the inclusion of empathy as a mechanism of receptive perception and the productive-reflexive nature of educational activity, giving the educational situation signs of inculturation – formation of a person's general cultural competence in relation to the society in which he/she lives or studies as an object of his/her future professional activity, etc. The success of communication is determined by both linguistic (pragmaticon, the reader's thesaurus) and extralinguistic factors (context, individual social experience of the student, fame / obscurity of the studied text and its author, etc.). This expands the social (sociocultural / sociolinguistic) experience of the student. The strategy of teaching in a bi- and multilingual environment involves reducing ethnocentrism and fostering respect for the people / peoples – the native speaker (s) of the language being studied.

The formation of academic and educational competencies is based on the skills associated with the methodology of neo-rhetorical (discursive) text analysis, while educational ones involve the skills and abilities of analyzing a work of literature, based on the use of rhetorical analysis tools.

The didactic aspect of training literary translators is associated with the use of innovative technologies that contribute to the development of imagination and memory. The importance of cognitive-speech self-learning in the framework of metacognition is obvious. Such a representation allows students to develop the ability for self-learning and the development of linguo-rhetorical competence. It is known that the criterion for such development is the ability to perform speech acts. Such a representation provides James Asher's concept of "stress-free language learning", so popular

in modern didactics, as an easy language learning, without stress, including the fear of forgetting words.

Training of translators at the L.N. Gumilyov ENU

Updating the education program with new courses is due to the need to go beyond practice-oriented tasks aimed at training general translators. Table 1 shows the ratio of theoretical and practice-oriented courses in training specialists in translation at the Translation Theory and Practice Department of the L.N. Gumilyov ENU.

Figure 1.1 Education program (EP) for specialists in translation studies in terms of theoretical subjects at the Translation Theory and Practice Department of the L.N. Gumilyov Eurasian National University.

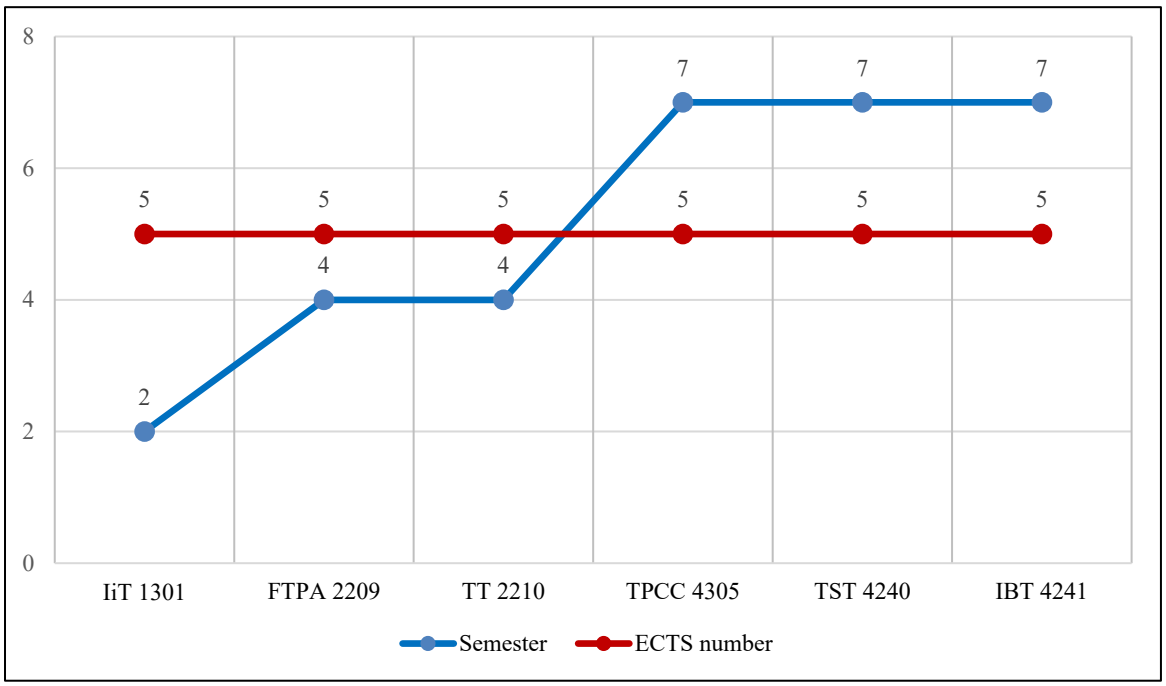
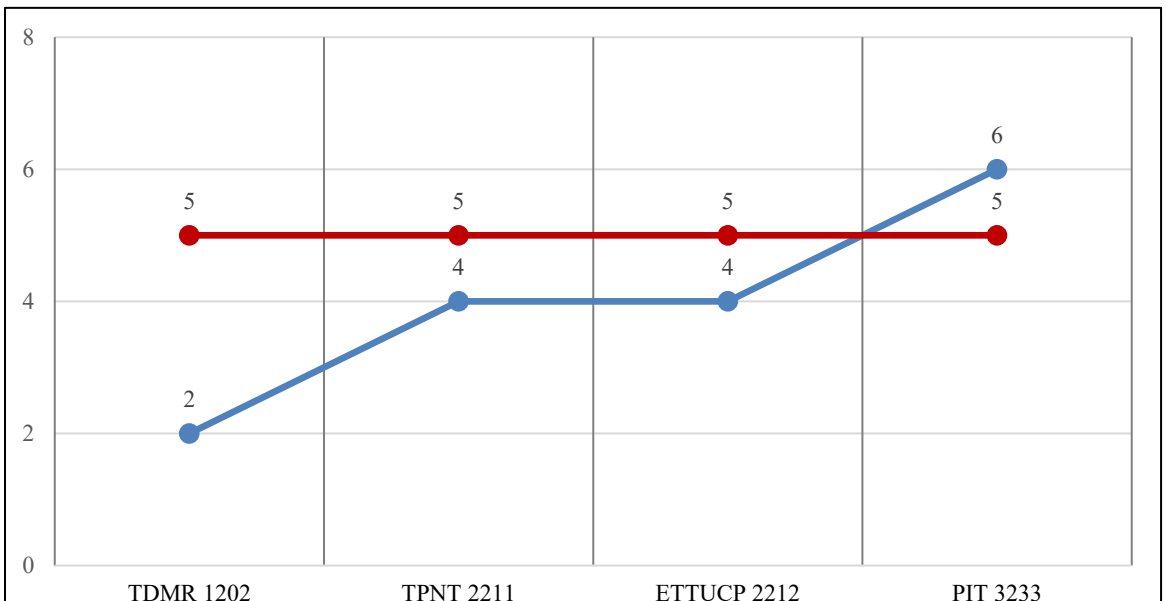


Figure 1. 2. The program of training translation specialists in the context of practice-oriented subjects at the Translation Theory and Practice Department of the L.N. Gumilyov Eurasian National University.



Educational and Methodological Concept of the Course "Literary Translation and Literary Process"

Training of the Russian language and literature teachers in terms of elective courses includes training them in translation studies from the standpoint of the history and theory of literature, comparative literature and the theory of the literary process. Questions of literary comparative studies, descriptive, communication theory and rhetoric expands the knowledge paradigm. The study of literary translation as part of the literary process contributes to the acquaintance of students with the conceptual provisions of the theory of literary translation, models of literary translation and translation transformations. The program provides for the expansion of students' general scientific conceptual base through the implementation of metasubject connections. This is the mastery of the techniques of discourse analysis.

The concept of translation competence: from M. Lozinsky's equilinear verse to the schools of S. Marshak, B. Pasternak, V. Levik – gives the student the ability to evaluate in terms of achieving the authenticity of the translation, ensuring the communicative equivalence of the original and the translation. For example, acquaintance with the history of the creation of the novel "Eugene Onegin" by A. Pushkin in translation and interlinear commentary by V. Nabokov contributes to the formation of ideas about the connection and significance of scientific commentary for understanding the translator's choice of his strategy. Translations-paraphrases of M. Lermontov turn students to the study of the work of the poet-translator of romantic poetry by G. Heine, J. G. Byron, A. Mickiewicz, which reveals the poet's innovation in the genre of philosophical meditation and allows us to understand the place of the poet's free imitations as a source of his skill.

In accordance with the considered syllabus, the following learning outcomes (LO) are designed for the education program.

LO1: to analyze the main worldview and methodological problems, including those of an interdisciplinary nature, studied in science at the present stage of its development and use the results in professional activities.

LO2: to master modern pedagogical technologies and have communication skills.

LO3: to possess the skills of work with information using logical operations, independently analyze, select, rebuild, store, transform, transfer information, including using modern information and communication technologies.

LO4: to analyze the theoretical foundations of scientific directions and concepts of Russian linguistics and literary criticism.

LO5: to demonstrate oratorical, scientific, business language skills and norms in various branches of professional communication and their application in solving professional problems and in scientific controversy.

LO6: to analyze the stages of development, genre, style and aesthetic features of folklore and the scientific foundations of literary criticism, modern literary trends in Kazakhstan in the context of Kazakh and world culture.

LO7: to analyze literary-critical works, to reveal the figurative, meaningful features of works, using modern principles and methods for analyzing the work of writers in works of literature.

LO8: to master new technologies for studying language and literature; be able to use them in research work.

As the expected learning outcomes (LO) for the course, the following are provided:

– conceptual provisions of the theory of literary translation;

– main models of literary translation and types of translation transformations;

– basic concepts and basic categories of the general translation theory for understanding the connections with the literary process;

– general scientific conceptual base of students through the implementation of metasubject connections.

The following types and methods of teaching are used: Extend Interpretations. Conversation: heuristic, reproducing, systematizing, Guided Discovery, analytical, deductive, inductive, synthetic, flipped learning, problem-based learning (PBL), heuristic method, self-directed learning; Action research (solving a practical problem), systematizing and reproducing conversation, case study (case technology, case method, situation analysis method), self-directed learning, self-organized learning, active learning, analytical conversation, project-based learning, conversations, inquiry learning (problem-search learning, research teaching), colloquium.

To implement the ideas of learning and the formation of metaskills, it is important to design the topics and questions of practical tasks based on feedback, reports and messages from students. Taking into account the 15-week academic semester, the topics and questions of the studied works are reflected in Table 2.

Figure 2.1. The ratio of compulsory subjects according to the EP RPh

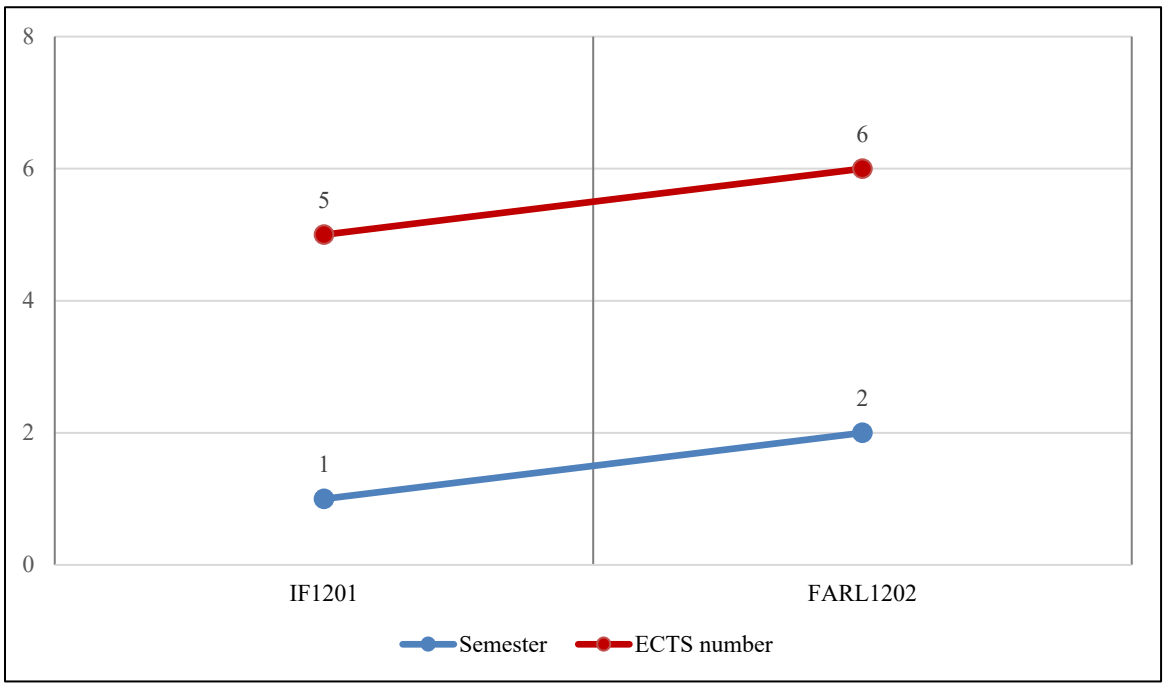


Figure 2.2. The ratio of elective subjects according to the EP RPh

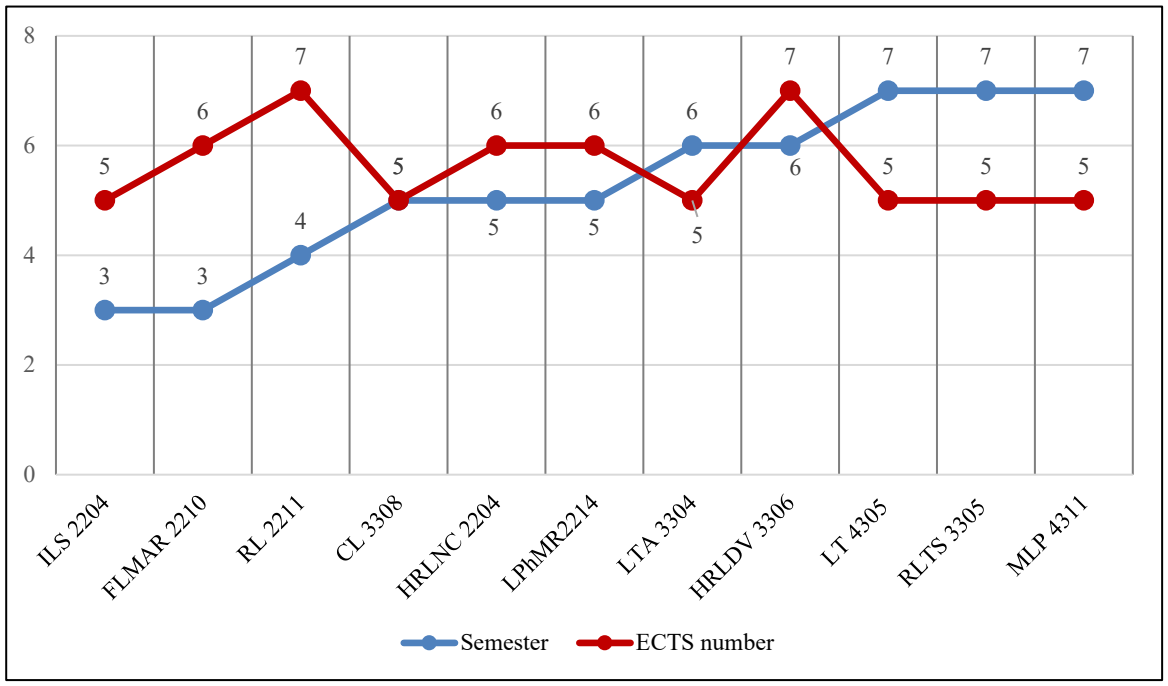


Figure 5. Соотношение обязательных предметов по ОП РЯЛ

Figure 2.3 The ratio of of compulsory subjects subjects according to the EP RLL

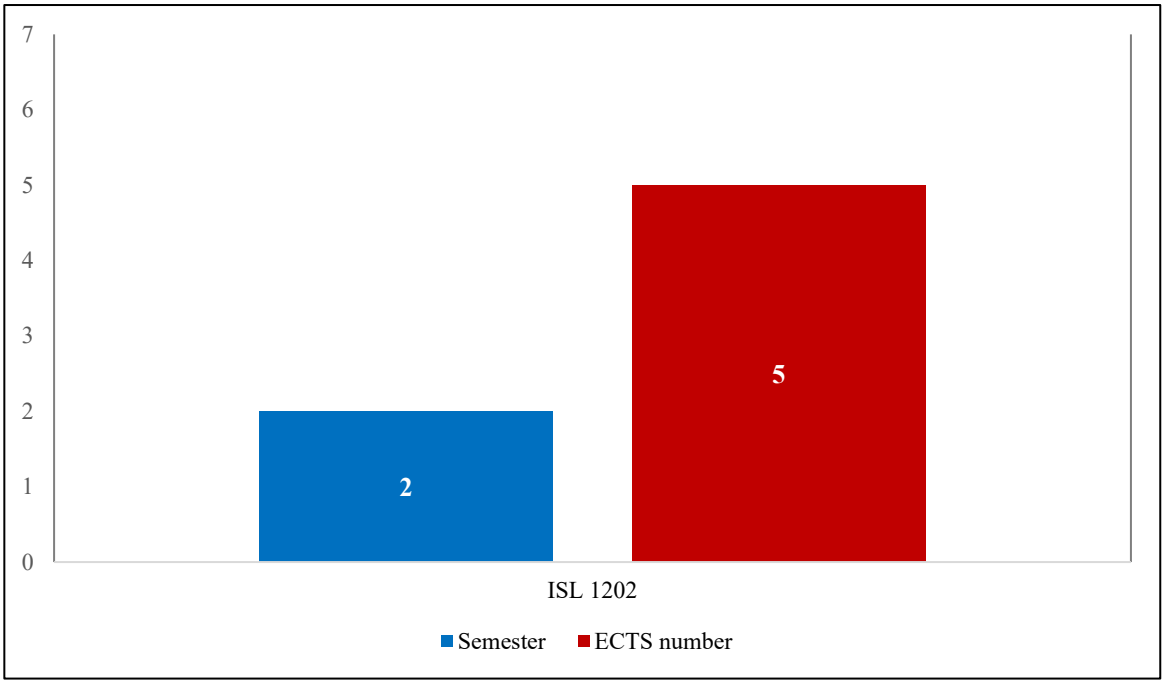


Figure 2.4. The ratio of elective subjects according to the EP RLL

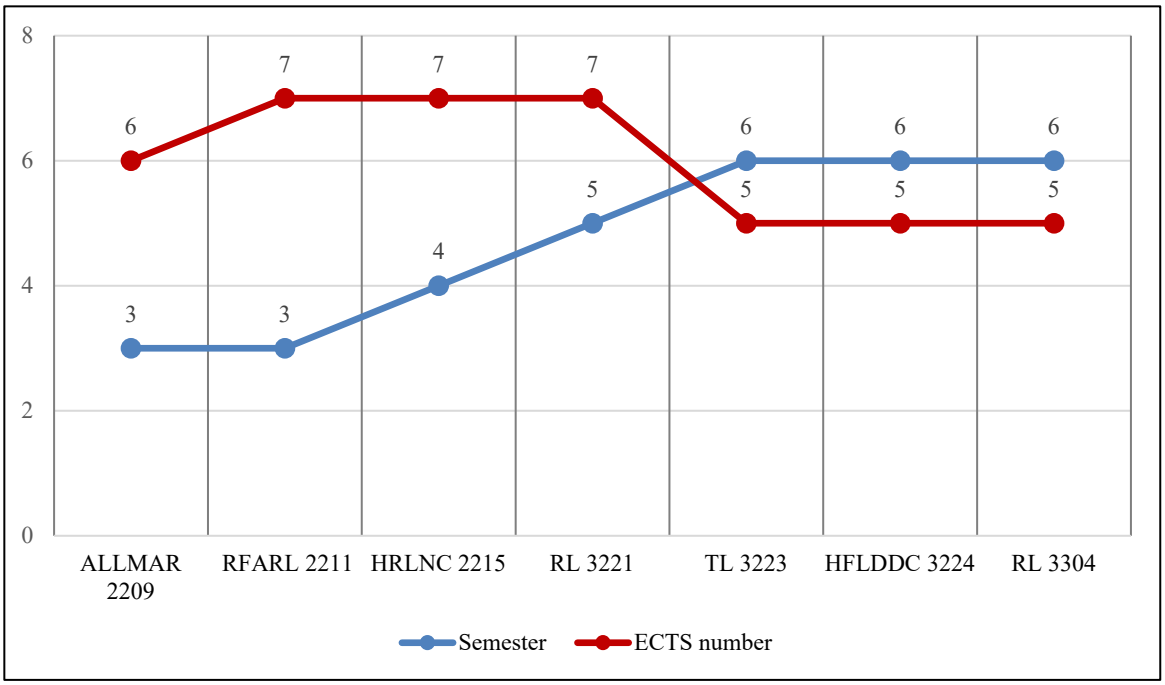


Table 1. Plan for Conducting Practical Classes in the Course "Literary Translation and Literary Process"

Practical classes (seminars)				
No. of week	**No. of module**	**Title of practical classes (seminars)**	**No. of hours**	**Teaching types and methods**
1	1	**Translatability and the concept of communicative equivalence of the original and the translation. Rhetorical nature of literary translation and discourse analysis.** 1. Communicative approach to translation. 2. Concepts of translation and communicative competence. 3. Four main types of communicative function of the text.	2	*self-directed learning*; Guided Discovery, Action research (solving a practical problem). Work with the book.
2	1	**Ts. Todorov's book "The Conquest of America". Ts. Todorov's Theory of Symbols and Discursive Strategy of Literary Translation.** 1. Types of associative connection between the statement and the implied. 2. Types of associative connection between the signified and the signifier. 3. Types of associative connection by direct and indirect meanings.	**2**	Action research, Thinking through the literature. Analytical, deductive, inductive
3	1	**Fedya, clerk of the Ambassadorial order from the film "Ivan Vasilyevich Changes His Profession" and training of modern translators from foreign languages.** Ambassadorial order. The significance of the activities of translators of the Ambassadorial order. Old scholars. 1. Two opposing trends in the practice of translation. 2. Features of modern training of translators from foreign languages. **"Galoshes", or the relation of translation to the issue of preserving the language.**	**2**	Action research, Thinking through the literature. Analytical, deductive, inductive

		1. How did *the foreign* become native in the course of the literary struggle for the Russian literary language in the first quarter of the XIX century? 2. The work of Yu.N. Tynyanov "Archaists and Innovators".		
4	1	**V.A. Zhukovsky. "Everything is foreign and everything is native", or why the translator is not visible in V.A. Zhukovsky's translations?** V.A. Zhukovsky is a translator of Eastern classics. 1. V.A. Zhukovsky is a translator of German ballads. 2. A.S. Pushkin vs. Zhukovsky the craftsman. 3. Reasons for the radical transformation of the program translation by V.A. Zhukovsky. **Translations-paraphrases of A.S. Pushkin** 1 Motives of foreign literature in A.S. Pushkin's works: The Stone Guest", "Feast during the Plague", "The Wanderer". 2 "Feast during the Plague" by A.S. Pushkin: the problem of the translation and the original.	**2**	*self-organized learning*; *active learning*. Conversation, discussion, brainstorming.
5	1	**Scientific Commentary and Translation Strategy. A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin" in V. Nabokov's translation.** 1. Purpose, tasks and subject of V.	**2**	*case study* (case technologies, case method, situation analysis method); Action research (solution of a practical problem *Thinking through the literature* method

		Nabokov's translation. 2. The function of comments and notes in V. Nabokov's translation. **Translations-paraphrases by M.Yu. Lermontov** 1. Lermontov is a translator of romantic poetry by Heine, Byron, Mickiewicz. 2. Genre of philosophical meditation in Lermontov's translation activity. 3. Lermontov's free imitations.		(Commentary 1). *Extend Interpretations* technique. Methods of problem-based learning, work with the book.
6	1	**Practice of compiling an interlinear translation.** 1. Interlinear translation and its role in the theory and practice of translation. **W. Shakespeare's Sonnet. Shakespeare by Samuil Marshak** 1. S. Marshak's translation adjustments. 2. Critical assessment of S. Marshak's translations by N. Avtonomova and M. Gasparov in the 90s.	**2**	*Thinking through the literature* method (Commentary 1). *Extend Interpretations* technique. Method of cognitive scaffolding and metacognitive scaffolding. Scientific seminar.
7	1	**Russian Hamlet, or three luminaries of Russian Shakespearians**. Russian Hamlet of the XVIII century. A.P. Sumarokov as Hamlet's translator. 1. Article by V. Levik on the translations of W. Shakespeare. 2. Mikhail Lozinsky's Hamlet. 3. Boris Pasternak's Hamlet. **Robert Burns. Classic translation by Samuil Marshak.** 1. Children's poems by R. Burns, translated by S. Marshak. 2. S. Marshak's translation adjustments.	**2**	*case study* (case technologies, case method, situation analysis method); *self-directed learning*; *self-organized learning*; Thinking through the literature method. Extend Interpretations. Scientific seminar.

8	2	**I.I. Vvedensky – the author of the "Russian Dickens".** 1. I.I. Vvedensky - translator of Ch. Dickens. 2. Controversy surrounding I.I. Vvedensky's method. **T. Gnedich – translator of one theme**. 1. Translation of "Don Juan" by T. Gnedich as an example of personal drama and translation feat. 2. T. Gnedich's fate and reasons for her inaccurate translation.	**2**	*flipped learning*; *active learning*. Brainstorming.
9	2	**B. Zakhoder's Winnie the Pooh and Vadim Rudnev's Winnie. Success of an intellectual bestseller.** 1. B. Zakhoder's translation adjustments. 2. The concept of V. Rudnev's analytical translation. **Russian translations of Abay Kunanbayev's lyrics and creation of a new kind of philosophical genre.** 1. Heine, Lermontov and Abay: one plot and three genres.	**2**	*Thinking through the literature* method (Commentary 1). *Extend Interpretations* technique. Method of cognitive scaffolding and metacognitive scaffolding. Scientific seminar.
10	2	**Abay Kunanbaev – translator of M. Lermontov.** 1. The history of the study of Abai's translations of M. Lermontov's poetry. Controversial issues. 2. Abay's free and accurate translations of Lermontov. 3. Abay's translations-interpretations of Lermontov. **Free and accurate translations. I. Dzhansugurov and literal translations of M. Lermontov's poetry.** ***Optional:*** Lermontov's "The Death of a Poet" translated by Dzhansugurov. Lermontov's "The Cup of Life"	**2**	*case study* (case technologies, case method, situation analysis method); *self-directed learning*; *self-organized learning*; *Thinking through the literature* method. *Extend Interpretations* technique. Scientific seminar.

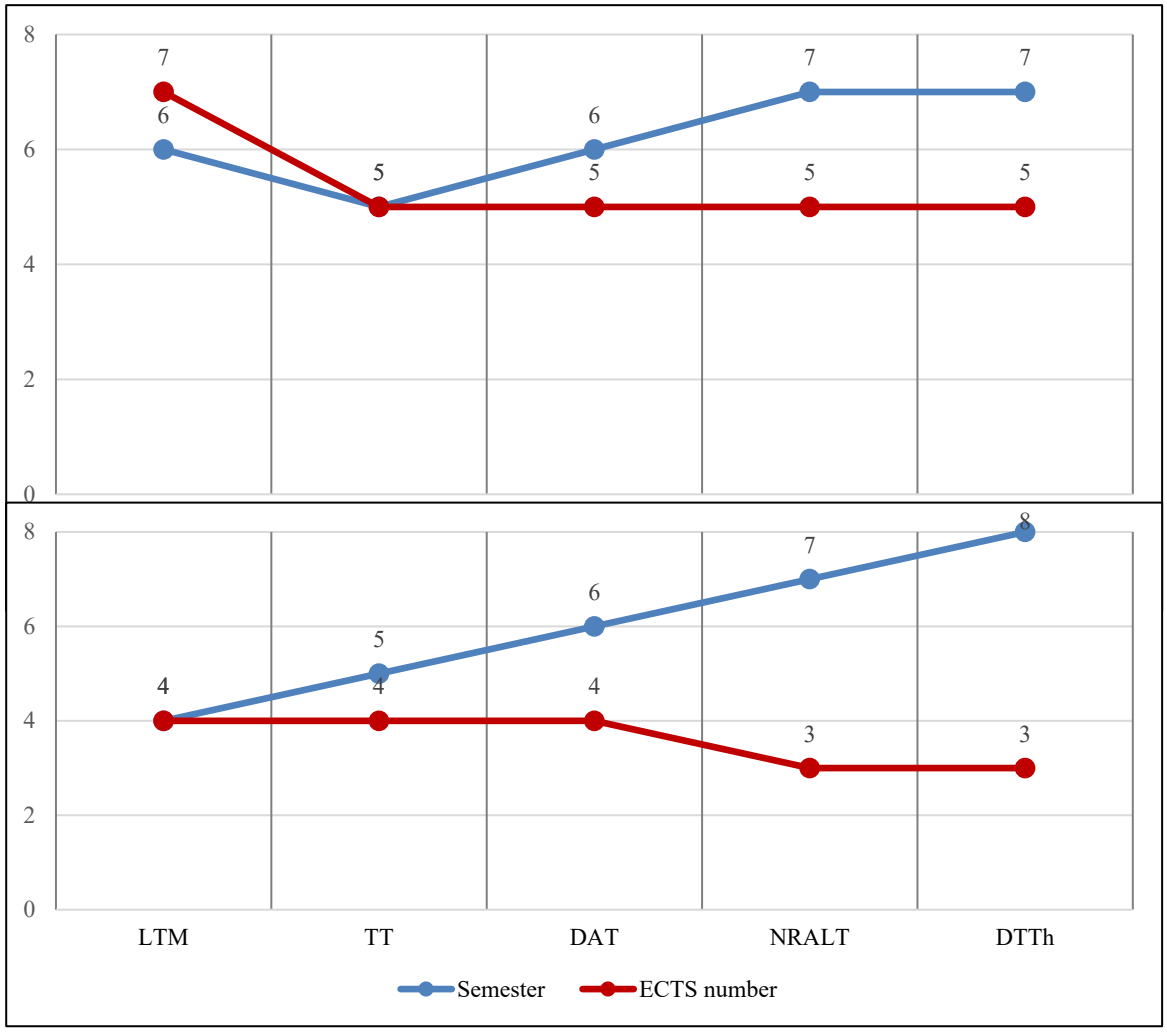
		translated by Dzhansugurov. Lermontov's "Dagger" translated by Dzhansugurov.		
11	2	**M. Zhumabayev and literal translations of poetry** ***Optional:*** 1. Lermontov's "Prisoner" translated by Zhumabayev. 2. Lermontov's "When the yellowing field is agitated ..." translated by Zhumabayev. **K. Amanzholov and literal translations of M. Lermontov's poetry.** ***Optional:*** Lermontov's "Dagger" translated by Amanzholov. Lermontov's "Jewish motives" translated by Amanzholov. Lermontov's "The Death of a Poet" translated by Amanzholov.	**2**	Action research (solution of a practical problem), *Thinking through the literature* method. Analytical, deductive, inductive
12	2	**Practice of compiling an interlinear translation**. **Fable by A. Baitursynuly (optional). Kazakh translations-paraphrases.** 1. To develop basic translation guidelines. 2. To determine the nature of translation competence. 3. To determine the type of communication with predicting the type of reader. **A.S. Pushkin's story "Snowstorm" translated by Sh. Kudaiberdiyev.** 1. History of the creation and publication of the translation. 2. Scientific state of the problem. 3. Features of the translation of prose into poetry.	**2**	*self-organized learning*; *active learning*. Conversation, discussion, brainstorming.
13	2	**Kazakh translations-paraphrases. L.N. Tolstoy's stories "The Assyrian King Esarhadon" and "Three Questions" translated by Sh. Kudaiberdiyev.** 1. History of the creation and publication of the translation. 2. Scientific state of the problem.	**2**	*Thinking through the literature* method (Commentary 1). *Extend Interpretations* technique. Method of cognitive scaffolding and

		3. Images, symbols, concepts of the Kazakh culture as a source of literary translation. **Practice of compiling an interlinear translation. The finale of M. Auezov's story "Korgansyzdyn Kuni".** 1. To compare the selected passage from M. Auezov's story with L. Pantiyelev's translation. 2. Analysis of translation accuracy. 3. To develop basic translation guidelines. 4. To determine the nature of translation competence. 5. To determine the type of communication with predicting the type of reader.		metacognitive scaffolding. Scientific seminar.
14	2	**Literal translation of Abai's poem into Russian (English).** 1. To develop principles for literal translation. 2. To determine functional dominants. 3. To determine the content of otherness. **Free translation of H. Heine's poem "Forest King" (Erlkonig) into Kazakh (Russian) language.** 1. To develop the principles of free translation. 2. To determine functional dominants. 3. To determine the content of otherness.	**2**	*Thinking through the literature* method (Commentary 1). *Extend Interpretations* technique. Method of cognitive scaffolding and metacognitive scaffolding. Scientific seminar.
15	2	**Translation-paraphrase of a work of literature (optional).** 1. To develop the principles of translation. 2. To determine functional dominants. 3. To determine the content of otherness. **An equispiritual translation of a religious song (dedication), a biblical parable.** 1. To develop the principles of literal	**2**	*Thinking through the literature* method (Commentary 1). *Extend Interpretations* technique. Method of cognitive scaffolding and metacognitive scaffolding. Scientific seminar.

		translation. 2. To determine functional dominants. 3. To determine the content of otherness.		
			TOTAL	**30**

Here we propose a model for the correlation of theoretical and practical learning for the integration of the theory and practice of translation in the bachelor's education program.

Figure 3. 1 The ratio of special disciplines in philological specialties



Translations of Russian classics into Kazakh

The educational and methodological concept of the education program for training literary translators – from the standpoint of the formation of knowledge and competencies, due to the study of theoretical courses – is built on the assimilation by students of new scientific results. The place of the history of the Russian literature in the education program for training translators is due to the application of the results of the communication theory in the creation of new translations. So, methodologically defining for substantiating the role of the history of the

Russian literature in training literary translators and the creation of authentic translations of I. Krylov's fable into the Kazakh language is L. Vygotsky's book "Psychology of Art" about the phenomenon of counter-feeling as a combination of two mutually exclusive plans (Vygotsky, 1998). The transfer of language and literary game techniques is the main subject for achieving the authenticity of translation. Here, the structure of the dual eventfulness, which characterizes the comic modality, draws attention to itself. In order to convey comic modality in translation into Kazakh, it is necessary to understand the literary term "double eventfulness" [Tyupa, 2008]. Analysis of the comic modality of Krylov's fable in the known from the XIX and early XX centuries translations of Abai and Baitursynuly – in the aspect of the connection between the translation setting, translation strategy and genre of translation – showed, first of all, the importance of the translator to possess discursive techniques for analyzing the original for authentic literary translation. Secondly, the study of the strategies of a fable as a funny story and a fable-apologist shows, in terms of translation skills and abilities, the ability to convey the game with rhetorical figures. Here, a feature of one of the modern areas of literary translation studies associated with the use of a communicative model of rhetoric is manifested. A look at literary translation from the point of view of its rhetorical essence presupposes that the translator has the tools of rhetorical analysis of a literary text, which make it possible to characterize the effectiveness of communication in the chain "author – translator – reader". The description undertaken by Vygotsky – an aesthetic reaction to Krylov's fable as an explanatory effect of a "subtle poison" – reveals in the genre nature of Krylov's fable signs of both a poetic and a dramatic work [Vygotsky, 1998]. An important and difficult task for the translator of Krylov's fable is reconstruction of identity, description of the rhetorical consciousness (*author – translator – reader*), rhetorical competence of all subjects of the communication chain from the standpoint of the types of emerging associative links.

Authentic translation of A. Pushkin's novel "Eugene Onegin" into the Kazakh language is provided by studies of the epistolary genre [Roginskaya, 2002]. The importance of introducing the history of the Russian literature, translation studies, rhetoric and communication theory into the education program for training literary translators is also evidenced by the results of the analysis of the Kazakh translations of Pushkin's novel. The adaptation of the novel to the consciousness of the recipient of the translation, the transformation of the love correspondence of the characters in translations, starting from Abai Kunanbayev, I. Dzhansugurov to K. Shangytbayev and K. Salykov, shows various variations: from contextual, accurate, equispiritual translation to translation-adjustment as a result of genre transformation. Analysis of the effectiveness of literary translation as a rhetorical communication contributes to the development of literary translators' ideas and competencies about the preference for one or another strategy.

The need for textual work, due to the results of literary translation studies, contributes to the publication of new translations of M. Lermontov's works into the Kazakh language. The importance of the theoretical courses under consideration for training translators of the new formation is evidenced by the relationship between the quality of literary translation and the development of cultural policy. The study of the experience of Abay, the translator of Lermontov, containing the polyvariability of interpretations of the original text and translation strategies, as well as the understanding of such a pattern as the dominance of the Russian poet's literal translation strategy in the translation practice of Kazakh translators, contributes to a deeper understanding of the imagery of the Kazakh language.

Conclusion

The development of an education program for training literary translators differs from the training of general translators. To illustrate the differences and develop educational and methodological foundations, the authors of the article have shown the role of theoretical subjects.

Such a model of a specialist is built on the idea of the linguocultural, linguistic and philosophical personality of a literary translator.

The subject of the article is the concepts of *translation reading* and *translation understanding*. The relevance of these concepts as components of the reader's culture is justified, firstly, on the integration of literary criticism, including comparative, translation studies, communication theory and rhetoric into the educational process. This approach focuses on teaching literary comparative studies, descriptive theory of translation, literary translation models and translation transformations. Secondly, the role of *translation reading* and *translation understanding* is illustrated by a syllabus containing an example of solving the problems identified in the article. It convinces in the connection of the results of the educational situation with linguistic and extralinguistic factors. Achievement of didactic tasks in teaching shows the relationship between learning outcomes (LO), expected learning outcomes, topics and questions of practical tasks that require student feedback. The focus of communicative exercises on the design of the student's idio-verbal behavior, the role of empathy for receptive perception and the productive-reflexive nature of educational activity, and the prediction of the educational process as inculturation are substantiated. Thirdly, the formation of translation reading and translation understanding is due to the analysis of translations of other literature into the native language. Such a representation is based on the connection of understanding and interpretation of the communicative and pragmatic potentials of the text. At the same time, in the process of such training, it becomes possible to develop recommendations for achieving the authenticity of literary translation, creating new translations and publishing critically verified editions of translations.

References:

1. Kushnina L.V., Litvinova S.V., Perlova I.V., Permyakova K.V. Interpretiruyushchaya funktsiya perevodcheskogo ponimaniya kak otrazheniye individual'noy perevodcheskoy kartiny mira. // Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty. – 2019. – № 4. – S. 48-56.
2. Kushnina L.V., Silantyeva M.S. YAzykovaya lichnost' perevodchika v svete kontseptsii perevodcheskogo prostranstva. // Vestnik Permskogo universiteta. – 2010. – № 6 (12). – S. 71-75.
3. Skovorodnikov A.P. O soderzhanii ponyatiya "natsional'nyy ritoricheskiy ideal" primenitel'no k sovremennoy rossiyskoy deystvitel'nosti. // Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty rechevogo obshcheniya: Nauchno-metod, byulleten' / pod red. A.P. Skovorodnikova. – Vyp. 5. – Krasnoyarsk-Achinsk, 1997. – S. 27-37.
4. Prunch E. Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoy assimetrii k politicheskoy. – M.: R.Valent, 2015. – S. 252-254.
5. Shugayeva N.YU., Kormilina N.V. Strategiya perevoda na angliyskiy yazyk govoryashchikh im. N.V. Gogolya. // Vestnik CHGPU im. I.YA. Yakovleva. – 4(84). – S. 151-160.
6.. Mel'nik YA.G. K voprosu o neoparadigmaticheskoy interpretatsii konflikta klassicheskoy ritoriki i neoritoriki: diskurs-analiz. // Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty. – 2019. – № 4. – S. 22-27.
7. Miloslavskiy I.G. "Tsel" kak kharakteristika lingvisticheskogo issledovaniya. // Vestnik MGU. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya". – 2017. – №1. – S. 9-23
8. Tyupa I.V. Diskursnyy analiz // Tyupa I.V. Analiz khudozhestvennogo teksta. – M.: Akademiya, 2008. – S. 273-299.

9. Stepanov YU.S. V poiskakh pragmatiki (problema subyekta). // Izvestiya OLYA. – 1981. – №4. – S. 325-332.
10. Arutyunova N.D. Faktor adresata. // Izvestiya OLYA. – 1981. – T.40. – № 4. – S. 356-357.
11. Ohmann R.M. Speech, Literature and the Space Between Essays in Modern Stylistics. – L.: Methuen, 1981. – Pp. 361-376.
12. Vorobzhitova A.A. Teoriya teksta: Antropotsentricheskoye napravleniye. – M.: Vysshaya shkola, 2005. – 368 s.
13. Zharkynbekova SH., Urazayeva K., Petkova S., Abylkhasova. Kognitivnyye podmostki i formirovaniye lingvoritoricheskoy kompetentsii uchashchegosya v shkole pri izuchenii vtorogo yazyka. Amerikanskaya i kazakhstanskayashkoly. // Cross Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). – Volume 4. – Issue II. – June, 2019. – Pp. 28-37.
14. Korshunova A., Bastrikova E., Zharkynbekova Sh., Urazayeva K., Abylkhassova K. Formation of rhetorical skills in school: mental features and active teaching methods. // Cuadernos de desarrollo aplicados a las TIC. ISSN: 2254-6529 / Edición Especial Special Issue. – Octubre 2019. – Pr. 182-193.
15. Makrishina N, Bochina T., Zharkynbekova Sh., Urazayeva K., Abylkhassova K., Petkova S. Practical tasks of studying literature in a foreign language and communication skills. // Opción, Año 35. – Especial No.22. – 2019. – Pp. 964-977.
16. Osnovy obshchey ritoriki: uchebnoye posobiye / A. A. Chuvakin, YU. N. Zemskaya, I. YU. Kachesova, N. V. Panchenko, T. V. Chernyshova; pod obshch. red. A. A. Chuvakina. – 2-ye izd., pererab. i dop. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2013. – 194 s.
17. Nizkoshapkina O.V., Bol'shakova N.G. Kontekstual'naya dogadka kak odna iz strategiy obucheniya inostrannykh yazykov uchashchikhsya chteniyu na russkom yazyke. // Cuadernos de Rusística Española. – 2019. – S. 193-205.
18. Vygotskiy, L.M. Psikhologiya iskusstva. – Rostov-na-Donu: Feniks, 1998.
19. Roginskaya, O.O. Epistolyarnyy roman: poetika zhanra i yego transformatsiya v russkoy literature: Diss. … kand. fil. nauk. – Samara: Samarskiy gos. un-t, 2002.

Information about the authors:

Kuralay B. Urazayeva *-Professor, Doctor of Philology,The L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan, e-mail:kuralay_uraz@mail.ru*

Zhanargul Beisembayeva *- Assistant Professor, Candidate of Philology,The L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan, e-mail:zhannabei@mail.ru*

Karlygash Abylkhassova *- Quantum Stem School, Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan,*

e-mail:bokayeva_k@mail.ru

Acknowledgments:

Thanks to the reviewers for their comments and recommendations (Prof. Nina Romanova, Moscow State Technical University after N. Bauman, Moscow, Russia and Rafaela Božić, Associate Professor, Ph.D., University of Zadar, Zadar, Croatia).

Contribution of the authors*. The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-67-73

УДК (UDC) 81.09

Oxana Kalita,
Black Sea Countries Democritus University of Greece,
Athens, Greece
Калита Оксана,
Фракийский университет имени Демокрита,
Афины, Греция

For citation: Kalita Oxana, (2022).
Analysing the Image of a Greek in Russia Literature During the XIX-XX Centuries and Translation in Classes in Greek Universities: Examples from A. I. Kuprin's Essa «Laestrygonians».
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 67-73 (in USA)

Manuscript received: 10/05/2022
Accepted for publication: 31 /05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

ANALYSING THE IMAGE OF A GREEK IN RUSSIA LITERATURE DURING THE XIX-XX CENTURIES AND TRANSLATION IN CLASSES IN GREEK UNIVERSITIES: EXAMPLES FROM A. I. KUPRIN'S ESSA «LAESTRYGONIANS»

АНАЛИЗ ОБРАЗА ГРЕКА В РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В ПЕРИОД XIX-XX ВЕКИ И ПЕРЕВОД НА ЗАНЯТИЯХ В ГРЕЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ: ПРИМЕРЫ ИЗ ОЧЕРКА А.И. КУПРИНА «ЛЕСТРИГОНЫ»

Abstract:

In this article the image of the Greek in literary works at the lessons for literature and translation in Greek universities is examined by the example of the work of Alexander Ivanovich Kuprin «Laestrygonians». The scope of our work is to analyze the image of the Greek in the assay of A. I. Kuprin «Laestrygonians», namely: (i) to identify the natural and mysterious originality of the Greek people, which contains the secret of the national character, (ii) to discuss the main elements that characterize the Greeks, to understand who is, as whom is presented by A. I. Kuprin, and (iii) to acquaint with interpretation, which helps to most accurately recreate the color of the description of the era of that time, its history and culture.

Keywords: Literary works, the image of Greek, Greek philology students, intercultural communication, national culture

Аннотация:

В данной статье рассматривается образ грека в российских литературных произведениях на уроках перевода и литературы в греческих вузах на примере произведения Александра Ивановича Куприна «Лестригонцы». Предметом нашей исследования является анализ образа грека в очерке А. И. Куприна «Лестригоны», а именно: (i) выявить природное и таинственное своеобразие греческого народа, заключающее в себе тайну национального характера, (ii) обсудить основные элементы, характеризующие греков, понять, кто есть, как и кого представляет А. И. Куприн, (iii) ознакомиться с толкованием, помогающим наиболее точно воссоздать колорит описания эпохи того времени, его историю и культуру.

Ключевые слова: литературные произведения, образ грека, студенты-грекофилы, межкультурная коммуникация, национальная культура.

Introduction

Reading literary texts is a significant and necessary element in the system of teaching Russian as a foreign language, as they «stimulate the mental activity of students, influencing emotions and aesthetic taste» [1, p. 55]. Literary text is one of the most accessible and effective means that bring foreigners as close as possible to the natural linguistic and cultural environment, provide an opportunity to study Russian culture, and encourage reflection. The purpose of reading literary texts is to expand socio-cultural knowledge, increase the vocabulary of students.

Each literary text is a separate model of national culture, containing information about national personal characteristics and lifestyle, about phenomena and actions that are approved or condemned in the context of the culture under study. The communicative behavior of the characters is a positive or negative component of the national culture.

Theory

Artistic works always have been and will be an important means of promoting intercultural communication. At present, classes at philological faculties in Greek universities are actively used not only adapted texts and authentic texts, but also works of fiction.

In the main program of a compulsory subject both in literature and in translation of the Faculty of Philology of the Department of Languages, Literature and Culture of the countries of the Black Sea Countries of the Democritus University of Thrace in the city of Komotini, includes literary works of Russian writers. Here, Greek philology students immerse themselves in non-adapted artistic literature, studying and analyzing them in detail, working on their own translations.

The purpose of our work is to trace how the Greeks of Russia of the 19th-20th centuries are seen by Russian writers, based on the example of the work of A. I. Kuprin «Leastrigonians».

To begin with, the Greek philology students were asked to make their own translation of the work, since even though this work belongs to the work of a famous Russian writer, there is no translation into Greek. Further, we tried to trace and analyze the images, customs, and traditions of the Greeks, since each ethnic group is individual, has only its own inherent qualities, its own special «stereotype of behavior».

Methods

In our work, we use the method of national paintings and the method of structural analysis of a literary text, based on national stereotypes and myths.

Results and Discussion

The events take place at the beginning of the 20th century at the coast of the Black Sea, at the small, by the sea town of Balaclava, where the Greek presence is known to have a long story. The Greeks of diaspora settled at Balaclava and the nearby villages, and formed the basis of the Greek

infantry battalion, which was distinguished during the Crimean war. The warriors and fishermen, viticulturists and pilgrims have created their own, unique way of life in Balaclava. The history of the Balaclava Greeks ended with their deportation after the liberation of Crimea in 1944. However, despite this crime of the Soviet regime, their memory is still alive in Russia, Ukraine, Greece, where their descendants live [5, p. 189].

It is worth noting that Greek fishermen of Balaclava in Kuprin's «Laestrygonians» are not episodic at all, but the main characters.

They complement each other because they have, in the first place, a common starting point.

«Among them you may notice many tall, strong, and self–confident figures, well–formed, noble faces, often blondes with blue eyes. People in Balaclava are not greedy nor helpful, they stand with dignity in the sea, brave, although without absurd risk, they are good comrades and tightly follow their promise… This is the special, exclusive race of the Greeks, which is preserved mainly because their ancestors were born, lived and died in this place for hundreds of generations, and they only married among fellow villagers».

In the essays, the author reveals the difficult, risky, but happy life of the Balaclava fishermen - the «Laistrigons» - courageous, stubborn people who have maintained the millennial experience of their ancestors, naturalness and simplicity, companionship, loyalty, and mutual assistance.

Kuprin presents in poetic form the best features of the national character. He calls the Balaclava sailors descendants of the «hemostatic Homeric Laestrygonians», which means that, he boosts human courage in mythological proportions. As you may know, Homeric Laestrygonians are cannibals, robbers who thirst for blood. Kuprin retains only one nuance of the original meaning of this word: «Laestrygonians» are excellent, they differ from ordinary people. In their individual myth it means exclusivity, courage and endurance, patience and special skills that allow them to win the battle with the elements of the sea.

With admiration and warmth Kuprin writes: «Oh, dear ordinary people, courageous hearts, naive primitive souls, strong bodies, strengthened by the salty sea breeze, calloused hands, penetrating eyes, which many times stared at the face of death!»

Let's examine the images of the main characters of «Laestrygonians» and find out how the author mythologizes them in the world in which they live. All of them, as it is known, have real originals and bear their real names. It is worth noting that traditional Greek names and surnames predominate, Kuprin does not change the real names of the fishermen - the heroes of the dissertations: Vania Androutsaki, Theodor from Olezya, Kolya Konstandi, Christos Abarzakis, Gura Palatino. There is a remarkable loss of some traditional Greek suffixes, such as «-ος» Christos, for example, and in the essay all Greek names are pronounced as pronounced in Russia: Kolia - Nikolaos, Vania - Ioannis, Theodor - Theodoros, Goura - Giorgos.

The first method of fiction, which Kuprin uses when creating his legend for Kolias Konstantis or Gouras Palatino, is the choice of only mythological features in both appearance and characters of the heroes. It is important that, creating the image of the «real, salty Greek» of Kolias Konstantis, Kuprin did not consider that is was necessary to portray him, and the reason for this refusal was the extreme «simplistic» appearance of the fisherman, which was the original of the hero. «In Kolya's appearance, nothing betrayed a fearless fishing leader - he was a good, fat man with a big belly. Even the nickname fishermen gave him, the proudest of all - Suspenders (since he was the only fisherman who wore suspenders). Obviously, that's why Kuprin never painted a portrait of Kolya Constanti » [3, p. 94].

The portrait of Goura Palatino, who in his life had a decent appearance of «Laestrygonians» (his image is the first in the list of «Laestrygonians» in the text), was painted by Kuprin in the most romantic colors. «Goura Palatino is not a German emperor, nor a famous bass, nor a modern writer, nor a performer in gypsy romances», nevertheless he is known in these places no less, as the «salted and paid with tar Greek» possesses rare courage and youth. Goura has «… a dark-complexioned

face, curly black hair, mustache, a square shaved chin, thin firm lips that actively fall to the corners of his face» [2, p. 281].

The author presents to the reader a description of his appearance and with a necessary mythological projection: he has a neck like a «buffalo's», an animal type of bend in the middle of his chin, which speaks for a «terrible will and great cruelty» [6, p. 104], that's how he ends up to an image of a human beast («A kind of beast! [6, 108] »), which embodies a fictional, elemental force and the power of the nature itself.

In his work, Kuprin uses an effective means of fictionalizing the images of the «Laestrygonians» - this includes exaggeration, a function which forms an aura of exclusivity around the hero. For example, immediately after the presentation of Goura's portrait, the author describes the unprecedented qualities of the hero, focusing on the reader's attention on his exclusivity, repeating synonymous negative constructions at the beginning of each sentence: «There is not a single person among the fishermen who is more agile, deceptive, stronger, and braver than Goura Palatino. No one has yet managed to drink more than Goura, and no one has seen him drunk. No one can be compared with the fate of Goura. To anyone has developed as strongly as in him, the apathy for the unjust blows of fate that characterizes sea fishing, which injustice is so highly valued by these salty people» [6, 104-105].

Effectively, in our opinion, Kuprin uses in his mythology also archetypal features, creating the images of the characters. Thus, except for the «salty chiefs», who incorporate the elements of nature or, using the adjective that Kuprin loves: «beasty» power, the image of Sasha, in which the characteristics of a real evil scammer are clearly expressed, is built with interest. «This young man - a handsome blue-eyed man with a solid antique profile - is actually the first lazy, rogue and clown on the entire coast» [6, p. 13].

Kuprin describes with obvious pleasure those «tricks» with which Saska deceives the unsuspecting tourists during the festive season, either by selling them pieces of an ordinary stove as fragments of an ancient Greek vase, or by pretending that she can stay under the water for a quarter of an hour, while he was sitting in a nearby bathroom [6, 132]. «Although...it is not the greed for money that guides Saska in his tricks, but the boyish, crazy, cute evil», which turns the swindler Sasha into a perfect rascal, bringing the spirit of the carnival to life.

Kuprin repeatedly emphasizes such characteristics among fishermen - friendship, solidarity. No one could sleep when Vania Androutsaki disappeared, everyone was actively involved in the search: elderly, young, women and children. «The village woke up, the ancient, the eternal bond between people, a feeling of blood solidarity, which was so little felt in everyday life. For thousands of years voices spoke to their souls, grandparents who, long before the time of Odysseus, together defended themselves from the storm the same days and the same nights. Nobody was sleeping. At night, a huge fire was set at the top of the mountain, and everyone was walking along the shore with lights, like it was Easter. But no one was laughing, no one was singing, and all the cafes were empty» [2, p. 299].

Modesty is another important characteristic of Kuprin's fishermen, they did not brag about their victories, about their victories at sea, the fishermen «narrated in fragments, reluctantly, without will» [2, p. 299].

The «heroic» moments were not unfamiliar for the fishermen during the siege of Sevastopol. «Until now, the Greeks of Balaclava are convinced that only thanks to the stability of their own battalion did Sevastopol last for so long. Yes! From ancient times, ironed and proud people lived in Balaclava» [2, p. 301].

Curiosity is a characteristic of Greeks, to which the author turns his gaze: «the children brought the news that a passage had turned from the sea and went to the bay. In a couple of minutes, the entire local male population was on the embankment. It is known that a Greek is always a Greek and, therefore, it's strange at first. We must admit that the Greek colonialists left their souls with the most

characteristic acquaintance, which they distinguished even in the time of Pericles»- curiosity and passion for the news.

Kuprin's «Laestrygonians» experience a painful and natural work. And this is their most impressive event. Spirituality and subtlety are unfamiliar to them. Views for the world of ordinary fishermen are limited and monotonous. To the children of nature, Kuprin emphasizes not intelligence, nor intellectuality, but images of vision, a gravity to a legend that inspires nature itself. To create a mythological plan for the reality of Balaclava, many appeals for ancient legends, omens, beliefs are important, which are still served as models of value and behavior for fishermen. The leader of the fishing boat, Kolia Konstantis, teaches the hero-narrator the customs and superstitions during fishing. He is the one who tells the occult legend about the «fish of God», which symbolically reproduces his name from the ancient mythology where it is called the «Fish of Zeus». He also talks about the Dutchman who flies, the sea snake with «one mile long». This way, he reveals the power of the emotions of a mediocre, simple person.

The mythological and poetic features in «Laestrygonians» are also expressed with interests through the characters' speech features. Thus, a significant part of their speech is occupied by God and offensive words, which, as you know, belong to ritual forms of speech and, therefore, reflect the ritual and mythological principle in everyday life.

Let's look at some examples. One of the main characters in «Laestrygonians», Gura Pratino, «inserts» in the text a remark that contains a curse: «And there he goes, to hell! » [6, p. 105] - so that these words become, as his business card is, testifying to both his courage and his composure when he used to face difficult situations this curse is Goura's only reaction to the news that «the long boat, full to the brim top with expensive fish, flooded with water and sank to the bottom».

But the point here is that this observation reveals «the special, maritime indifference of fishermen to the unjust blows of fate, which is so much appreciated by these salty people» [6, p. 104-105].

One mythological episode of the «initiation» of the young captain Vania Androutsakis, his initial "privity" into real fishermen, which deserves special consideration, is also accompanied by an oath. The young fisherman Vania Androutsaki assembles his team for the first time, although the experienced fishermen believe that he still needs «two years to be a simple rower and another year to spend as a leader's assistant». (Let's pay attention immediately to the appearance of sanctuary number three here - Vanya must prepare himself for three years to become a leader). Vania's first independent outing to the sea is depicted as a classic «obscene» action: «he shouted strictly ... at his ... old mother, belittled the grumpy elder neighbors with obscene words and went out to sea while he was drunk, with his drunk crew» [6, p. 114]. Moreover, he did that in such weather conditions when fishermen do not usually go out in the sea. The reward for this urge was luck - Vania returned safely and with an almost fantastic amount of large sturgeon.

The curse becomes an integral part of the ceremony of combating the elements of nature, through which Vania passes during his first sturgeon catch. When a huge fish tries to drag his long boat in the depth, he accompanies his orders to the team with curses: «He shouted to the fishermen «Taban!». After that, follows the obligatory bloodshed for each initiation: The bronze hook is pushed into Vanya's hand, so that the future captain will shed the blood of the sacrifice, and this moment is also accompanied by a curse (Vanya swore with a boring surprise: the bronze hook sank into the flesh of his palm from a swing under the little finger and sat there in the full depth of the twist» [6, p. 106]. Moreover, the ritual and mythological basis of the described scene is almost exposed in the narrative. Kuprin underlines the original nature of what is happening, describing his hero's actions as corresponding to the title of «real salty fisherman»).

Vanya's accidental injury turns into a real «sacrifice»: «And then Vanya showed that he was a real fisherman with salt. Wrapping a string around the fingers of the injured hand, he delayed running the rope for a second, and with his other hand pulled out a knife and cut the thread. He then, held the

hook tightly in his hand with his sting, but Vania pulled it out with the flesh and threw it into the sea. And although both his hands and the line of the bridge were completely stained with blood and the side of the boat and the water in the launch turned red from his blood, he nevertheless completed his work and gave the first amazing blow with a hammer on the stubborn fish's head» [6, p. 116].

The reward for this sacrifice is the victory over the monstrous fish and, most importantly, Vania's transition to a new value: gaining a higher social status, as should be the result of a successful initiation: «From that day, Vania Andrusaki became a famous real salt leader» [6, p. 117].

The mythological context of the narrative is supported by continuous references or detailed stories about the many signs of fishing and superstitions that accompany literally every moment of their lives, so that in the minds of both the fishermen themselves and the author who entered their circle, retain the feeling of the presence of certain mystical forces in life, a fate that can be «intimidated» or « become stupid», but that can't be ignored. Incidentally, this kind of fatalism, which is found in the ways and customs of fishermen, is related to the idea of fate, which, as the researchers note, has always played an important role in Kuprin's artistic world. Thus, V. Ya. Grechnev notes that Kuprin is characterized by an appeal to matters of fate, to fatal forces, which «on the eve of the ages ... become relevant to many poets and novelists - both realists and symbolists» [4, p. 208]

Next, let's find out how the author presents the image of the Greek women of Balaclava in «Laestrygonians»: «Near the stone wells, where the water is constantly running and ringing forming a thin stream, for a long time, for hours the slim, with tanned faces, with big eyes and long noses, Greek women gossip about their family affairs…». Kuprin uses such adjectives in his descriptions as «slim, sun-tanned, dark faces».

The family way of life is distinguished by conservatism, respect for tradition: Husbands and wives in Balaclava follow a closed and pure way of life, allowing themselves only innocent ways of entertainment: gossiping with neighbors in the fountain, even men themselves somehow avoid visiting their families, but prefer to see each other in a cafe or at the pier... An indirect proof of the conservatism of the Greeks is the fact that most of the characters in the play are Greek men.

Another way to create a mythological aura around the images of the inhabitants of Balaclava and their world are the ancient and biblical allusions... That way, Greek women of Balaclava «look strangely and movingly with the image of the Virgin Mary in the ancient Byzantine icons». The men crush the grapes «probably in the same primitive ways as our ancestor Noah or the clever Odysseus did». «On these mountains three, four and maybe five thousand years ago, under the same high blue sky and under the same sweet red sun, the popular feast of Bacchus was celebrated» [6, 142].

Extracts show that, on the one hand, the Greeks retained many of their national customs and traditions, and on the other hand, there is a vulnerability to some assimilation, for example, such a tradition that we now know as «Russian tradition», such as «soak and drink for a new acquisition» presents the author as an element inherent in the Greeks.

Conclusion

In this way, the literary text appears in the methodology of teaching Russian as a foreign language as a means of forming intercultural competence. Translation, analysis and evaluation of original works of art, as well as comparative and cultural-linguistic analysis of existing translations, aimed not only at understanding the general meaning, but also at analyzing the image of the main characters. Fact that will allow students to significantly expand their horizons, knowledge background in the field of literature, history, and culture, to bring them closer to understanding the mentality of native Russian speakers, as well as to expand the existing passive vocabulary.

References:

1. Akishina A. A., Kagan O. E. Uchimsya uchit: dlya prepodavatelei russkogo yazika kak inostrannogo: M.: Rus. yaz.: Kursi, 2008
2. Berkov P. N. Aleksandr Ivanovich Kuprin: Kritiko-biograficheskii ocherk / P. N. Volkov A. A. Tvorchestvo A. I. Kuprina / A. A. Volkov / Izd. 2-e. – M.: Hud. lit., 1981
3. Venyukova S. V. Poteryannii rai (Kuprin v Balaklave) / S. V. Venyukova. – Sevastopol: «ART-Print», 1997
4. Grechnev V. YA. Russkii rasskaz konca HIH-HH veka (problematika i poetika zhanra) / V. YA. Grechnev. – L.: Nauka, 1979
5. Kollektiv avtorov, Greki Balaklavi i Sevastopolya. — M.: Indrik, 2013.
6. Kuprin A. I. Sobr. soch.: v 9 t. M.: Hud. lit., 1970–1973. T. 9
7. Παπαδάκη Ουρανία Σπυράκι, Οι Λαιστρυγόνες, ΝΕΑ ΕΣΤΙΑ, ετος Δ'1930, Αθηνα 15 Νοεμβρίου, τεύχος 94 , σελ.1185
8. Τατιάνα Τριανταφυλλίδου – Αναπαραστάσεις των Ελλήνων σε λογοτεχνικά κείμενα Ρώσων Λογοτεχνών Εκδ. οίκος Σταμούλη
9. Τατιάνα Τριανταφυλλίδου. Οι αναπαραστάσεις των εθνικών χαρακτήρων του Έλληνα και του Τούρκου στο έργο «Ελτσάν-Καγιά» του Ρώσου λογοτέχνη Μπορίς Ζιτκόβ. Θες/νίκη, Ι.Μ.Χ.Α. Ημερίδα «Ανακαλύπτοντας την Τουρκία», 2009
10. R. V. Miksuk // «The role of literary text in teaching russian as a foreign language», Высшее техническое образование, Т. 3 № 1 2019

***Information about the author**:*

***Oxana Kalita (Athens, Greece)** - PhD of Pedagogics, Visiting Lecturer, Department of Language, Literature and Civilization of the Black Sea Countries Democritus University of Greece.* E - mail: kalitaxenia@gmail.com

***Acknowledgments:** The author would like to sincerely thank Dr. Raisa Aleksandrovna Kulkova for her feedback and assistance on this paper.*

***Contribution of the author.** The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-74-81
УДК (UDC) 81`243

Anna A.Hakopyan,
Northern University,
Yerevan, Armenia
Акопян Анна А.,
Северный Университет,
Ереван, Армения

For citation: Hakopyan Anna A., (2022).
Innovative management in modern school.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 74-81 (in USA)

Manuscript received: 20/04/2022
Accepted for publication: 31 /05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

INNOVATIVE MANAGEMENT IN MODERN SCHOOL

ИННОВАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Abstract:

The given article discusses the processes, which hinder the academic development of contemporary schools, due to insufficient competence of school authorities, the absence of concepts for academic development and appropriate knowledge of innovative managerial technologies. Moreover, the application of continual education and use of modern technologies for authorities of educational institutions is still relevant. The main expected outcome is to create an atmosphere of structural understanding which will foster effective use of innovative technologies to productively work out solutions. The successful application of innovative processes at the given stage is considered as an important component of the management of educational institutions. Innovative processes, which have their peculiar structure, content and characteristics are applied as intra-school subsystems.

Keywords: processes, innovation, characteristics, structure, continual education, concept, management

Аннотация:

В статье рассматриваются необходимые процессы, которые, в первую очередь, препятствует развитию современных школ из-за низкого уровня подготовки руководителей учреждения, отсутствия концепции развития образовательных учреждений и инновационных управленческих технологий. Обеспечения непрерывного образования руководителей образовательных учреждений и умелое применение современных технологий остается актуальной. Основная идея заключается в том, чтобы представить структуру, которая будет способствовать эффективному пониманию, организации и управлению инновационными процессами и разрабатывать пути его решения. Управление инновационным процессом на данном этапе рассматривается как важная составляющая управлением образовательных

учреждений. Развитие современной школы обеспечивается инновационными процессами, которые имеют свою уникальную структуру, содержание и характеристики.

Ключевые слова: процесс, инновация, характеристики, структура, непрерывное образование, концепция, управление

Введение

Современные процессы глобализации, тенденции развития общества, межкультурные отношения влекут за собой изменения во всех социокультурных сферах. Эти процессы предполагают реформы и в системе образования: новые методологические, концептуальные подходы, внедрение инновационных технологий, организацию образования, пересмотр вопросов образования, необходимость существенных изменений в процессах управления школой.

В педагогической литературе инновационный менеджмент рассматривается как результат инвестирования интеллектуального ресурса в разработку и распространение нового знания или ранее не применявшейся идеи (например, по обновлению различных сфер жизни и деятельности человека и общества). Обобщенная схема создания инноваций может быть представлена следующим образом: инвестиции - внедрение - результат. Однако необходимо обратить внимание на следующие функции: 1) планирование стратегии; 2) организация выполнения стратегического плана; 3) координация воздействий по реализации стратегических задач; 4) мотивация на достижение результатов. Инновационный менеджмент в современной школе предполагает решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, управление технологическими, организационными и экономическими инновациями; во-вторых, управление процессом разработки и распределения новых высоко эффективных педагогических технологий, новых методов, приемов и средств обучения, воспитания и развития личности. Специфику инновационного менеджмента в современной школе определяет то, что развитие современного образования происходит в тесной взаимосвязи со становлением и развитием рынка образовательных услуг и продуктов.

Осуществляемые в системе образования Республики Армения реформы, связанные с тенденциями модернизации в этой сфере, диктуют существенные изменения в процессе управления общеобразовательной школой. В частности, в условиях образовательных реформ в сфере управления общим образованием, актуальным вопросом является внедрение инновационных технологий, способствующих управлению образованием.

Теория и обсуждение

Некоторые разногласия по поводу управления инновационными процессами в школе, требуют немедленного решения. Развитию инновационных процессов, в первую очередь, препятствует отсутствие современных управленческих технологий, отсутствие концепции развития образовательных учреждений, низкий уровень подготовки руководителей учреждения для обеспечения этих процессов. Проблема обеспечения непрерывного образования руководителей образовательных учреждений заключается в диалектическом понимании организации и управления инновационными процессами, которые требуют безотлагательного решения. Новые подходы к управлению средним общеобразовательным учреждением выражаются в освоении и распространении таких инноваций, как: а) разделение преподавательского труда (выделение разработчиков содержания, форм и методов обучения, методистов, психологов, специалистов по контролю за ходом процесса обучения и т.п.); б) объединение учителей, специалистов по информационным технологиям и организаторов учебного процесса в группы, команды, осуществляющие учебно-воспитательный процесс. Развитие современной школы обеспечивается инновационными процессами, оно имеют свою структуру, содержание и характеристики и управляются как внутришкольные подсистемы.

Однако инновации, реализуемые в общеобразовательной школе, носят частично-системный характер. Их реализация приводит к качественным изменениям в деятельности всех подсистем школы, так как они носят сотворческий характер.

Инновационный менеджмент в армянских общеобразовательных школах рассматривается как своеобразная форма согласованной деятельности субъектов управления, направленная на преобразование и развитие управляемого объекта. Эффективность внедряемых в школе инноваций обусловлена профессиональной компетентностью субъектов управления, творческими качествами, навыками прогнозирования, планирования, организации, контроля, координации.

Законы, закономерности, принципы, функции, цели, методы управления образуют механизм управления инновационными процессами, для которого характерны различные проявления субъект-объектных отношений. Не менее важно учитывать реализацию принципов, от этого зависит разработка самой системы инновационного менеджмента в школе. Отметим, что система инновационного менеджмента основывается на следующих принципах: 1) принцип решения проблемы развития образования на уровне не только данной образовательной системы, но и на уровне общегосударственной политики; 2) ориентация на лучшие международные образцы, нормы и стандарты; 3) реализация принципа системной дифференциации в управлении образованием на всех его уровнях; 4) пересмотр соотношения функций государства и частных структур в финансировании и организации образования; 5) развитие рынка образовательных услуг и продуктов; 6) переоценка роли семьи и общественности в системе образования; 7) пересмотр роли самих обучающихся в организации и реальном осуществлении процесса обучения.

Управление инновационным процессом как системы является одним из важных направлений управленческой деятельности директора школы, составной частью процесса управления образовательным учреждением. Можно констатировать, что научно правильное управление инновационными процессами является основой и залогом эффективной управленческой деятельности директора школы. Приоритетами в этом процессе являются изучение инноваций, социально-психолого-педагогических возможностей их реализации, прогнозирование и оценка рисков, учет имеющихся и необходимых ресурсов, создание условий для организации инновационной деятельности педагога и преодоление возможных когнитивно-психологических комплексов у педагогов в результате внедрения инноваций. Управление инновационным процессом рассматривается как важная составляющая процесса управления образовательным процессом. Таким образом, мы имеем возможность прогнозировать риски, оценивать имеющийся ресурсы, возможность преодоление психолого-педагогические комплексы, что очень важно учитывать при школьном управлении.

Необходимые условия

В процессе управления инновациями определение субъект-объектных и субъект-субъектных отношений, взаимодействия и сотрудничества являются первичными для решения этих задач. Управление образовательным учреждением также подлежит изменению в результате внедрения инноваций. Как известно, современный менеджмент школы – деятельность субъектов управления, направленная на удовлетворение потребностей общества и школы как социальной организации: в создании новых образовательных учреждений; в обеспечении их выживания, адаптации к меняющимся внешним и внутренним условиям; в обеспечении стабильного, устойчивого развития [10, с.173] .

Практическое изучение опыта процессов внедрения инноваций показывает, что они оказывают глубокое влияние на личностно-профессиональное развитие субъектов образовательного процесса, характеризующееся новыми социокультурными ориентациями и новым восприятием ценности образования.

Следует отметить следующие отличительные признаки инновационных процессов в образовании:

- Постоянность, непрерывность и длительность. Образование как некий живой, творческий процесс всегда непрерывно и постоянно. Сюда же относится и постоянство совершенствования образовательного процесса, поскольку, как мы знаем, ничто в нашем мире не совершенно. Инновации же внедряются в образовательный процесс не сразу, и даже если инновация осуществлена полностью, это не значит, что она закреплена в образовательном процессе.
- Системность, структурность и научность. Ориентация на системность и структурность в создании инновационных подходов и технологий. Установка на научные методы при создании инновационных подходов и технологий.
- Гармоничность. Учитываются и возможности творческого применения инновации в массовом опыте. Также большое внимание уделяется совмещению и успешному сочетанию объективного и субъективного, коллективного и индивидуального, общественного и личного.
- Установка на успех (высокую результативность). Установка на успешное совершенствование образовательного процесса, а также успешное развитие навыков, умений и другой важной для образования деятельности у участников образовательного процесса.
- Установка на индивидуальный и коллективный педагогический, научный и, шире, мировой опыт. Чем более опытными являются участники образовательного процесса, тем более сложные инновационные процессы смогут рождаться в определенной среде, где взаимодействуют участники.
- Установка на потребителя и рынок труда. Инновационные процессы должны быть востребованы, как должно быть востребовано современное образование.
- Постоянно растущая ресурсоемкость, прямо пропорциональная постоянно растущей сложности инноваций. Чем сложнее инновационный процесс, тем больше он требует ресурсов. При этом отметим, что инновации, ведущие к упрощению образовательного процесса, тем не менее, требуют не меньшего, а, может, и большего количества ресурсов.
- Новые критерии ценностных представлений об образовании.
- Новая структура общения и социальных отношений между субъектами образовательного процесса.
- Новый способ организации учебной деятельности с эффективным сочетанием творчески-исследовательско-образовательных компонентов.
- Основная направляющая роль и функция педагога-фасилитатора в образовательном процессе [6, с.143].

При этом целью инновационного образования является не только использование современных образовательных технологий, но и изменения в русле общемировых образовательных разработок, которые имеют личностно-социальную направленность, носят творческий характер.

На наш взгляд, рассмотрение проблемы технологии управления инновациями в образовательном учреждении следует начинать с введения основного понятийно-терминологического аппарата. Но до сих пор в научных исследованиях существует разное восприятие терминов «инновация» или «нововведения».

Одним из подходов к определению «инновации» является выделение исследователями данной проблемы места, категории «изменение» в ее содержании (С. Д. Ильенкова, А. И. Пригожин, К. Ангеловский, И. Перлак и др.).

По мнению этих ученых, «конкретное содержание инновации понимается как инновация, внедрение которой на практике приводит к обновлению (кардинальному изменению) школьных процессов (в содержании образования, обучения, воспитания, управления школой).

«…Педагогическая инновация – это содержательная сторона инновационных процессов, это научная идея, технология ее реализации. Наличие разработанных нововведений является условием обновления школы, частью инновационного процесса, содержанием. Необходим также организационный механизм применения инноваций. Это инновация, процесс перехода системы из одного качественного состояния в другое посредством применения инноваций» [2;9].

Инновационная деятельность – это поиск путей достижения полезных результатов. Это один из аспектов работы современного образовательного учреждения в режиме развития, который характеризует положительные качественные изменения системы, ее перевод на новый, более высокий уровень. Мысленный эксперимент человека, ведущего поиск, связан с деятельностью воображения, решение рождается в уме в виде общего принципа решения. Традиционная логика предполагает, что есть два возможных источника инноваций в образовательном учреждении, изнутри наружу. Внешний вид: инновации извне «иностранные» готовые административные и инновации извне «иностранные» готовые административно-педагогические технологии.

В этом случае руководство образовательного учреждения или представители коллектива берут методические разработки, уже апробированные в других образовательных учреждениях.

Альтернативой является привнесение инноваций изнутри, когда источником новых идей становится инновационное мышление сотрудников конкретного образовательного учреждения.

Выбор инновации зависит от задачи, которая должна стоять в эмпирической деятельности по определению типа изменения, реализуемого образовательным учреждением (тип инновации и выбор типа).

«Метод программы не является принципиально новым направлением в педагогико-управленческой практике, но в то же время его теперь называют педагогико-управленческой технологией XXI века как метод обеспечения способности адаптироваться к быстро меняющимся социально-экономическим условиям. «Брошенный вперед» — это точный перевод латинского слова «проект». В основе метода проектов лежит креативность, умение ориентироваться в информационном пространстве, формировать собственные знания. Технология проектирования состоит из 4-х этапов:

1) концептуальный (выявляет противоречие, проблемную ситуацию, целеполагание, выбор критериев);
2) моделирование (построение модели, оптимизация модели, выбор эффективной модели - принятие решения);
3) проектирование (определение конкретных методов и средств, реализация выбранной модели в текущих условиях, построение программы реализации модели образовательной системы);
4) технологическая подготовка (подготовка рабочих материалов, необходимых для реализации проектируемой системы: учебно-программных документов, методических разработок, программного обеспечения, должностных инструкций исполнителей при реализации сложного проекта и т.д.).

Неизменными частями проекта являются задача, цель, задания, конкретные результаты проекта, действия (методы реализации проекта), ресурсы. Между этими частями существует тесная связь [2, с.49].

Еще одним актуальным аспектом является разработка научных основ управления инновационными процессами, что крайне важно для практической работы в школе .

Междисциплинарный характер управления инновациями и инновационными процессами требует применения интегративно-методологического подхода в процессе их исследования в педагогике, объединяющего методологию разных наук. С этой точки зрения решающее значение имеют общенаучные методы (системный, синергетический подходы), социологические методы (ресурсный подход), методы теории управления инновациями (факторный, функциональный, ситуационный подходы), психологические методы (личностно-деятельностный подход), педагогические методы (личностно-деятельностный подход).

Только такой целостный, комплексный подход позволит избежать односторонности в понимании сущности педагогических новшеств в процессе их управления.

Решение проблем процессного управления в современной школе предполагает более детальное рассмотрение ее структуры как целостного объекта управления.

Было бы эффективно и разумно, если бы любая объектно-ориентированная система управления имела образ управляемого объекта, соответствующий реальности и с богатым содержанием.

Таким образом, эффективность использования инноваций, управление инновациями в образовательном учреждении и качество будет зависеть от правильного определения и содержания руководящих принципов, а организационная структура управления – от наличия эффективных, оптимально сочетающихся методов, средств, процедур, форм, организационных механизмов управления:

В результате внедрения инноваций в общеобразовательной сфере изменяются основные подходы к управлению образовательным процессом, и оно рассматривается как сотворчество, продуктивная деятельность учителей и учащихся. В соответствии с изменяемым статусом, ролью, образовательной политикой образовательного учреждения, которое ориентировано на внедрение, освоение и распространение инноваций в образовательном процессе, изменяется структура как общей педагогической школьной системы, так и ее управляемых подсистем. В результате претерпевает изменения весь управленческий процесс и формируется культура инновационной деятельности.

Наивысшей целью образовательного учреждения инновационного характера становится удовлетворение потребностей образовательного рынка, т.е. осуществление социального заказа в связи с качественными требованиями, предъявляемыми обществом к модели выпускника учреждения.

Методы и практическое применение

Мы уверены, что существенное влияние на изменение мотивационной сферы педагога-новатора оказывают как объективные условия: социально-экономические условия населенного пункта, материально-техническая база школы, управленческий стиль директора, обеспечение обратной связи, поощрение вовлечения в инновационную деятельность, психологически положительный микроклимат в коллективе, межличностные отношения, основанные на творческом подходе, – так и субъективные факторы: педагогическое мышление учителя, высокая степень профессиональной компетентности учителей, преодоление психологических препятствий перед инновациями и положительная предрасположенность к ним, моральные качества и ценностные ориентиры.

Инновационный потенциал школьного педагогического коллектива проявляется как в совместной творческой работе, так и в индивидуальной творческой деятельности. Инновационный потенциал коллектива включает в себя потребность и готовность учителей к саморазвитию, к самосовершенствованию; целенаправленные переквалификации, осознание

роли и значения инноваций и сформированность мотивов их внедрения, насыщенность культурно-образовательной среды, условия, обеспечивающие саморазвитие личности.

Этот потенциал дает возможность не только продуктивно осуществлять реформы в контексте усвоения и внедрения инноваций, но и развивать уровень освоения инноваций и преобразовать, прежде всего, педагогико-психологические условия организации инновационной деятельности.

Согласно классификации американского социолога К.Роджерса, в педагогическом коллективе можно выделить пять групп, готовых к освоению и внедрению инноваций. Данную классификацию следует учитывать в процессе внедрения инноваций в систему управления образовательным учреждением.

Первая группа – новаторы, которые всегда стремятся реализовать новое, склонны к нововведениям.

Вторая группа – поспешные исполнители нововведения, которые непосредственно следуют за новаторами, но отличаются от них низким уровнем собственного риска и, в большинстве случаев, выступают как информаторы, советники, т.е. умные реализаторы нововведений.

Третья группа – они усваивают нововведения непосредственно с реализаторами, тем не менее отличаются свободой действий. Они редко выступают в роли лидеров. Вовлеченным в эту группу требуется много времени для принятия решения.

Четвертая группа составляет большинство, которое поздно воспринимает и внедряет нововведения, которому свойственна сомнительность. Они воспринимают нововведения как «средние» субъекты – в результате оценки их потребностей, а также под воздействием социальной среды и только в то время, когда коллектив выступает в их пользу.

Пятую группу составляют колеблющиеся, которые самыми последними осваивают нововведения. Их отличает довольно устойчивое отношение и ориентировки к традиционным ценностям, опыт прошлого, который препятствуют распространению нововведений (1, стр. 24).

В процессе управления инновациями довольно продуктивной считается командная работа, где каждый исполняет определенную роль. Так, например, по Ф.Герцбергу, управляющему приписывают следующие роли: роль главного, предводителя, связного, принимающего информацию, распространяющего информацию, представителя, инициатора, улаживающего нарушения, распределяющего ресурсы, ведущего переговоры [4, с.59].

К числу ролевых компонентов деятельности школьного директора, как управляющего образованием, относятся также обеспечение инновационной атмосферы для учителей школы и полноценных условий для исполнения их обязательств, что характеризует директора как продуктивного управляющего образованием.

Заключение

В настоящее время проводимые реформы, осуществляемые в общеобразовательной сфере, невозможно представить без внедрения педагогических инноваций. Они предоставляют широкие содержательные и технологические возможности с точки зрения конкретизации образовательных стратегий, переоценки ценностей, определения перспективных направлений развития образования, изучения международного опыта в области образования и показывает, что становление и развитие системы инновационного педагогического менеджмента носит эволюционный характер и достигается благодаря согласованным действиям всего педагогического коллектива и разумного внедрения, учитывая потребности общества и вызовы нового времени.

References:

1. Carneiro, Moaci Alves. LDB fácil: leitura crítico-compreensiva, artigo a artigo; 20. Edição; Petrópolis RJ: Vozes, 2012. - 581 p.
2. Fathudinov , P.A. Innovational management, Textbook for Universities, 6th ed, Saint Petersburg, 2011, p.448
3. Hakobyan A. A. Innovation management as a means of productive management and development of the school. Science and education today / Scientific- Theoretical journal /, No. 2 (41), 42-45, Publishing House "Problems of Pedagogy" Moscow 2019
4. Herzberg F. Management of the development of educational systems, - M., Misl, 2000, p. 312
5. Pedagogy, Textbook edited by Slastenina V.A., Ed. Academia, M., 2012, p. 608
6. Pedagogy. Textbook for students of Pedagogical institutions. Ed. P.I. Pidkaistogo, Higher education, M.: 2019, p. 408
7. Polat E.C., Mukharkina M. U., et. al,Innovative pedagogical and informational technologies in the educational system, M.,2001, p. 203
8. Rogers, E, Rogers K.P. Communication in organizations. The formation of man. Translation from English,/ ed. Isentnoi E,S- Progress editorial house, Universe, 1994. p. 480
9. Tretyakov P.I. Practices on managing contemporary schools, (Experience of pedagogical management) M.,1995, p. 204
10. Tretyakov. P.I. Managing the school based on the results, Practices of Pedagogical management, M, New School, 2001, p. 320

Information about the author:

Anna A. Hakopyan (Yerevan, Armenia) - *PhD., Associate Professor, Northern University. The author of a number of scientific publications, including one teaching manual, and an educational manual (co-authored). I have also participated in a number of republican and international conferences, courses, seminars and trainings.*

Scope of scientific interests: *Educational levels of Caucasian nations in the 19th century, Prominent figures of the 19th century about school and upbringing, Issues of history of Pedagogy. Problems of socialization of the individual, management of innovative practices at school, family upbringing, education technologies.*

E-*mail:anna.hakobyan.72@mail.ru*

Acknowledgements: *I thank colleagues for valuable advice in the process of this research and editing the article and I thank the reviewers for their valuable suggestions.*

Contribution of the author. *The author contributed equality to the present research.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-82-86
УДК (UDC): 740

Akmataliev Asanbek T.,
International Uzgen Institute of Technology and Education
by academician B. Murzubraimov OshTU,
Uzgen, Kyrgyz Republic
Seidalieva Mira K.,
Osh State University,
Osh, Kyrgyz Republic

Акматалиев Асанбек Тургунбаевич,
Международный Узгенский институт технологии и образования
имени академика Б.Мурзубраимова ОшТУ.
Узген, Кыргызская Республика
Сейдалиева Мира К.,
Ошский государственный университет,
Ош, Кыргызская Республика

For citation: Akmataliev Asanbek T., Seidalieva Mira K., (2022).
The Role of Moral Education in the Development
of Environmental Consciousness.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 82-86 (in USA)

Manuscript received 07/05/2022
Accepted for publication: 31/05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

THE ROLE OF MORAL EDUCATION IN THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS

РОЛЬ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В РАЗВИТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Abstract:

The environmental problem is one of the most acute global problems today. It will not be possible to solve environmental problems at all levels - local, regional and global - without fundamentally changing one's attitude to nature, which, in turn, is possible only if moral consciousness is changed. On the other hand, the relationship between the moral and ecological forms of consciousness is so close and deep that, according to how the ecological consciousness has evolved, one can quite accurately, as it seems to us, judge, firstly, the nature of the development of moral consciousness, and, secondly, about its current state.

Keywords: morality, ecology, nature, consciousness, ethics, co-evolution, crisis, noosphere, globalization, sustainability, ecosystem.

***Аннотация*:**

Экологическая проблема является одной из самых острых глобальных проблем на сегодняшний день. Решить экологические проблемы на всех уровнях – локальном,

региональном и глобальном – не удастся, не изменив в корне свое отношение к природе, что в свою очередь возможно только при условии изменения нравственного сознания. С другой стороны, взаимосвязь между нравственной и экологической формами сознания настолько тесна и глубока, что по тому, как эволюционировало экологическое сознание, можно достаточно точно, как нам представляется, судить, во-первых, о характере развития нравственного сознания, а, во-вторых, о современном его состоянии.

Ключевые слова: нравственность, экология, природа, сознание, этика, коэволюция, кризис, ноосфера, глобализация, устойчивость, экосистема.

Введение

В настоящее время экологическая проблема взаимодействия человека и природы, а также воздействия человеческого общества на окружающую среду стала очень проблемной. В условиях надвигающейся экологической катастрофы громадное значение приобретает экологическое воспитание, как составная часть нравственного воспитания человека всех возрастов. Формирование экологического сознания, нравственной культуры – важнейшие задачи школы в настоящее время. Как говорил В.А. Сухомлинский: «Через красивое – к человечному, такова закономерность воспитания» [7, с.143]. Все то, что имеет отношение к человеческой жизни вообще является предметом нравственности, на который должен распространяться и понятийный аппарат этики. Экология и этика имеют общий предмет отражения. Совпадают и их социальные цели – сохранение природного окружения человека. На сходстве всего отмеченного и формируется экологическая этика. Ее становление приводит к расширению предмета этики. Экологическая этика «вводит в сферу этики тот мир, который прежде считался совершенно лишенным ценностных характеристик и рассматривался с точки зрения полезности и целесообразности» [1, с.281]. Обосновывая ценность такого мира, экологическая этика становится фактором сохранения природной среды жизни человека.

А. Леопольд не ограничился разработкой основ экологической этики, а добавил к ней экологическую эстетику. Принятию положений экологической этики человеком, по его мнению, будет способствовать утверждение в его сознании красоты созерцаемого им природного мира, формирование вдохновения для отражения объектов и явлений этого мира в различных формах искусства. А. Леопольд писал: «Чтобы открыть дорогу становлению этики, достаточно одного: просто перестаньте считать бережное обращение с землей чисто экономической проблемой. Рассматривая каждый вопрос, ищите не только то, что экономически выгодно, но и то, что хорошо этически и эстетически. А хороша любая мера, способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества. Все то, что этому препятствует, дурно» [2, с. 221].

В период, когда антропогенные воздействия на биосферу приводят к сокращению сложившегося в процессе эволюции биосферы биоразнообразия, разрушению многих типов экосистем, подрывается и устойчивость самой биосферы. Все это должно стать и предметом сознания людей. Формирующиеся у отдельной личности нравственные ценности должны соответствовать некоторому стандарту, который задается обществом и выражает его интересы. Очевидно, что такой стандарт сможет формироваться только в том случае, если положения и нормы экологической этики станут нормами поведения и деятельности всех членов общества в природе, т.е. станут нормами морали, нравственности.

Методы исследования

Хорошо известно, что центральным понятием в этическом философском учении И. Канта был категорический императив, представляющий собой, по И. Канта, высший принцип нравственности, общий закон, высшее требование, важнейший принцип, которому надо следовать безоговорочно, без рассуждения, без сомнения. В XX и в первые десятилетия XXI века угроза глобальной экологической катастрофы стала настолько очевидной, что

человечество стало перед необходимостью выработки экологического императива, который одновременно является и нравственным императивом с тем отличием от кантовского категорического императива, что он распространяется в одинаковой мере на человека и природу.

Роль экологического императива в осуществлении современных экологических проблем неоднократно подчеркивал во многих своих работах академик Н.Н. Моисеев. Именно он ввел в систему научного знания термин «экологический императив». Для него экологический императив обозначал «ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступать ни при каких обстоятельствах» [3, с. 78]. Выход человека за эти границы приводит, как обосновал физико-математическими методами Н.Н. Моисеев, к разрушению сложившихся механизмов саморегуляции биосферы и дестабилизации природных систем. Данный процесс уже происходит в настоящее время во многих регионах мира, в том числе в Кыргызстане. Вот почему и осознание необходимости включения в действие экологического императива приходит в связи с нарастанием кризиса во взаимоотношениях общества и природы, усилением разрушительных процессов во многих типах природных систем, ухудшением здоровья человека и т.д. Эта необходимость порождается и начавшимися реальными процессами коэволюционного бытия человека и биосферы. Но, чтобы человек не вышел за «границы допустимой активности» в биосфере, ему следует не только ограничить эту активность, но и некоторые виды своей деятельности поставить под запрет. В этой связи под экологическим императивом следует понимать систему запретов на те виды человеческой деятельности, которые подрывают механизмы протекания биосферных процессов и делают невозможной коэволюцию человека и биосферы. Этим самым экологический императив устанавливает такие параметры поведения и деятельности человека в биосфере, которые обеспечивают их совместное, коэволюционное существование.

Основная часть

Современная деятельность человека, как справедливо указывает российский исследователь С.А. Пегов, приводит к тому, что «отсутствие нравственного иммунитета толкает человеческую популяцию к экологическому геноциду. Все более очевидно, что для истребления людей на Земле не нужна война. Быстрое снижение качества окружающей среды обострило проблему сохранения генофонда человека» [4, с. 107]. Так, нынешний уровень рождения детей с генетически повреждениями достигает 17%. А в начале 70-х годов прошлого века генетики указывали только на 4 % новорожденных детей с повреждениями их генетического аппарата. Уже тогда они говорили и о неблагоприятной экологической среде как факторе таких нарушений. При наличии генных повреждений у 30% особей популяции она погибает [5, с. 107]. Людям есть о чем задуматься и на что обратить внимание в первую очередь. И, прежде всего, на важность включения нравственного императива в систему экологического императива. Неизбежность такого процесса подчеркивал и Н.Н. Моисеев, который подчеркивал, что экологический императив – это «такая система ограничений человеческой деятельности, система запретов, выполнение которых, необходимое для продолжения процесса развития общества и неизбежно приведет к выработке нравственных критериев, то есть повлечет за собой появление нового – нравственного императива» [5, с. 8].

Очевидно, что экологическая этика является разновидностью моральной этики, отличающейся от последней только тем, что в ее пределы включена природа. В пользу данного утверждения говорит, в частности, мысль современного чилийского философа и писателя Дарио Саласа, который писал: «Если мы действительно хотим, чтобы наша жизнь была богатой и благополучной, мы должны уважать законы Природы. В этом и есть глубокий смысл морали» [6, с. 389].

Не случайно известный советский культуролог, академик Д.С. Лихачев в своей работе «Экология культуры» обоснованно указывал на то, что «экология – проблема нравственная». При этом им отмечалось и то, что связь между экологией и нравственностью «понятна сама собой», но «она требует раскрытия» [8, с. 314]. В наши дни «раскрытие» сформулированной. Д.С. Лихачев указывал на то, что *«разработка проблемы нравственного отношения к живой и мертвой* природе даже не начиналась. Здесь необходима ясная и всеми признаваемая философия природы, исходя из которой будет строиться, и этика экологии» [8, с. 316].

Заключение

Экологическое сознание в современную эпоху во многом стало тождественным нравственному сознанию. Современные экологические проблемы стимулировали постановку и обсуждение вопроса о месте и роли нравственных качеств человека в решении этих проблем. Именно от того, какими моральными устоями обладает человек, зависит и его отношение к природе. Жажда наживы, получение максимальной прибыли за счет безудержной эксплуатации ресурсов природы и их неразумное использование явились одной из причин зарождения и обострения кризисного состояния природной среды. Мы ни в коем случае не отрицаем позитивной роли знаний, их безусловной полезности и мощи, однако знания, как показывает богатый опыт человечества, и особенно современный, без соответствующей моральной основы, без нравственного, разумного, ответственного отношения к природе и, будучи направленными на потребительские цели и нужды, таят в себе значительные опасности как для природы, так и для людей. Использование педагогического наследия

В. А.Сухомлинского является очень целесообразным сегодня, поскольку оно помогает интеллектуальному, духовному и физическому развитию общества, помогает воспитывать духовное богатство, учит чувствовать, воспринимать, анализировать, сравнивать [9, с. 47]. Необходимыми показателями воспитанной личности служат: экологические знания, умения, практические результаты, экологическая этика, которые выражаются в выполнении членов общества общественно-полезной работы по охране природы. К. Д. Ушинский писал: “А воля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и полыхающие поля, а розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное значение в развитие молодой души, с которой трудно соперничать влиянию педагога”.

References:

1. Ralston H. Does ecological ethics exist? -Moscow, 1990. -S. 281.
2. Leopold O. Sandy County Calendar. -Moscow, 1983. -S. 221.
3. Moiseev N.N. The fate of civilization The path of reason. -Moscow, 1998. P.78.
4. Pegov S.A. Sustainable development of the biosphere. -Moscow, 2007. -S. 107.
5. Moiseev N.N. On the way to the moral imperative. -Moscow, 1998. -S. eight.
6. Salas D. Moral of the XXI century. -Moscow, 2007. -p.389.
7. Sukhomlinsky V. A. I give my heart to children: textbook. allowance / V.A. Sukhomlinsky. - Kyiv: Radyansk school, 1973. - 243p.
8. Likhachev D.S. Memories. Reflections. Works of different years. - Moscow, 2006. -316 p.
9. Tsyrlina, T.V. Humanistic author's school of the XX century: a look from the past into the future: textbook. allowance / T.V. Tsyrlina. - M.: Prospect, 2001. - 224 p.

Information about the authors:

Akmataliev Asanbek Turgunbaevich (Uzgen, Kyrgyz Republic) *– Director of the International Uzgen Institute of Technology and Education by academician B. Murzubraimov OshTU, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor. Kyrgyz Republic, Uzgen city, tel.: 0996550451059, e-mail: akmataliev.asanbek@mail.ru, postal address: Manas street, Uzgen city, Kyrgyz Republic. ind.723600.*

Seidalieva Mira Koshmamatovna (Osh, Kyrgyz Republic) - *Candidate of Philosophical Sciences, docent, Osh State University, Kyrgyz Republic, Osh city, e-mail: mseidalieva.72@mail.ru*

Acknowledgments: *The author would like to sincerely thank Prof. Simona Berardi from Bologna University for her feedback and assistance on this paper*

Contribution of the authors. *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-87-94 УДК (UDC) – 372.857

Zaruhi Vardanyan,
Vanadzor State University named after Hovhannes Tumanyan,
Vanadzor, Armenia,
Anush Gevorgyan,
Vanadzor State University named after Hovhannes Tumanyan,
Vanadzor, Armenia
Hasmik Mkhitayan,
Vanadzor State University named after Hovhannes Tumanyan,
Vanadzor, Armenia

Варданян Заруи,
Ванадзорский государственный университет им.Ованеса Туманяна,
Ванадзор, Армения
Геворгян Ануш,
Ванадзорский государственный университет им.Ованеса Туманяна,
Ванадзор, Армения
Мхитарян Асмик,
Ванадзорский государственный университет им.Ованеса Туманяна,
Ванадзор, Армения

For citation: Vardanyan Zaruhi, Gevorgyan Anush, Mkhitaryan Hasmik, (2022). The Efficiency of Kolb's Model in online Learning. Cross-Cultural Studies: Education and Science, Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 87-94 (in USA)

Manuscript received: 23/04/2022
Accepted for publication: 31 /05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

THE EFFICIENCY OF KOLB'S MODEL IN ONLINE LEARNING

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МОДЕЛИ КОЛБА В ОНЛАЙН ОБУЧЕНИИ

Abstract:

The education system faced new challenges during the pandemic, and one of the solutions to which was the development of distance learning tools. The organization of online learning cannot be effective only with the opportunities provided by educational platforms if they are not combined with other learning methods. The modern learning environment requires flexibility and the search for new approaches in which classroom teaching methods would be combined with online tools.

Before the pandemic, the Kolb model was used by the authors in classroom teaching. This article discusses the results of online learning using the Moodle platform in combination with the

Kolb model and compares the results of student performance in the classroom and online learning using this model.

The discussion of exam results with students has shown that in the case of a combination of online learning and the Kolb model, students need to work independently to understand the results of their learning, especially at the stage of observing and analyzing their experience. In their opinion, online learning provides them with such opportunities. At the same time, the gradual logical development of abstraction of concepts, and the construction of knowledge is carried out on the basis of independent activity, which is recognized as important at present in the system of higher education. According to the results obtained, the application of this method has had a positive effect on student performance.

Keywords: learning progress, online training, Kolb's model, Moodle platform, development spieal, Experiential learning, self-study

Аннотация:

Система образования в условиях пандемии столкнулась с новыми вызовами, одним из решений которых стало развитие инструментов дистанционного обучения. Организация онлайн-обучения не может быть эффективной только при наличии возможностей, предоставляемых образовательными платформами, если они не сочетаются с другими методами обучения. Современная среда обучения требует гибкости, поиска новых подходов, в которых аудиторные методы обучения сочетались бы с онлайн-инструментами.

До пандемии модель Колба применялась авторами в аудиторном обучении. В данной статье рассматриваются результаты онлайн-обучения с использованием платформы Moodle в сочетании с моделью Колба, сравниваются результаты успеваемости студентов при аудиторном и онлайн-обучении с применением данной модели.

Обсуждение результатов экзаменов со студентами показало, что в случае сочетания онлайн-обучения и модели Колба студенты нуждаются в самостоятельной работе по осмыслению результатов своего обучения, особенно на этапе наблюдения и анализа своего опыта. По их мнению, онлайн-обучение предоставляет им такие возможности. При этом постепенное логическое развитие абстрагирования понятий, построение знаний осуществляется на основе самостоятельной деятельности, что и признается важным в настоящее время в системе высшего образования. Согласно полученным результатам, применение данного метода положительно повлияло на успеваемость студентов.

Ключевые слова: успеваемость в учебе, онлайн-обучение, модель Колба, платформа Moodle, спираль развития, обучение на основе опыта, самообучение.

Введение

В наши дни на рынке труда требуются высококвалифицированные специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями, практическими умениями и навыками. Учитель биологии должен уметь применять теоретические знания не только на практике, но и обогащать их, при выполнении лабораторно-практических работ. В ходе урока, учитель имеет возможность использовать разные методы и практические навыки, которые развивают способности учащихся к осмыслению. Приобретенные практические навыки помогут специалиста повысить эффективность обучения в иных ситуациях. Выпускник-биолог должен уметь сравнивать результаты своего опыта с результатами опытов других исследователей. В данном контексте, у учащихся развивается логическое мышление, способность сравнивать, делать выводы.

Профессиональная подготовка специалистов требует сочетание традиционных и современных методов, применение новых приемов и форм в процессе обучения.

Теория

В 21 веке использование дистанционных образовательных технологий стало неотъемлемой частью системы образования. В свою очередь эпидемия COVID-19 выявила новые задачи, и применение инструментов дистанционного обучения выдвинулось на передний план. Новые вызовы требовали создания новых возможностей для развития дистанционного обучения в университетах [3, с. 14].

Исследования, проведенный Т. Ю. Айкиной и Л. М. Болсуновской, показывают, что внедрение цифровых технологий в образовательные процессы повышает уровень мотивации учащихся, развивает навыки в данной области, способствует повышению успеваемости и креативности, стимулирует интерес к обучению. Результаты исследований свидетельствуют о том, что внедрение онлайн-технологий посредством специализированных образовательных платформ способствует заметному повышению успеваемости учащихся [1, с. 241-245].

В настоящее время в системе управления обучением (LMS-Learning Management System) [4] важную роль играют онлайн-ресурсы, одной из наиболее используемых форм которых является платформа Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment).

Анализ нескольких платформ дистанционного обучения, проведенный З. Ю. Лиу и другими специалистами, показал, что из всех рассмотренных образовательных платформ только система Moodle вполне соответствует установленным критериям (функции системы, создание и поддержка контента, управление системой, система отчетности) [6, с. 9, с.18**].**

Платформа Moodle обеспечивает эффективность обучения при использовании ее следующих ресурсов:

- материалы, предназначенные для организации учебного процесса (лекции, видео, практические материалы, актуальные презентации, заметки, комментарии, консультации);
- инструменты проверки знаний, обучающихся (тесты, письменные задания, отчеты, презентации по проделанной работе) [10].

В период пандемии в Ванадзорском государственном университете в качестве эффективной онлайн платформы была использована система Moodle (https://lp.vsu.am/). Аудиторные методы обучения стали применяться и в виртуальной системе.

Онлайн-платформы позволяют использовать так называемые интерактивные методы (Т-образная таблица, мозговой штурм, метод призмы), которые обеспечивают активную учебную среду [9, с. 142-145],[12, с. 45-46].

Ресурсы платформы Moodle позволили совместить онлайн-обучение с интерактивными методами (Т-образная таблица, мозговой штурм, метод призмы), в которых применялась модель (методология) Колба. Такой подход при обучении опирается на центральную роль опыта в ментальном процессе [2]. При этом обучение строится на основе опыта, наблюдений, размышлений, абстрактных рассуждений и активных экспериментов [8]. Обучение на основе опыта - это процесс накопления знаний, в котором творческие способности учащегося акцентируются на всех четырех этапах модели Колба [5].

Модель состоит из образовательного цикла с его четырьмя логически последовательными этапами:

1.Получение конкретного опыта - наблюдение, чтение, знакомство с конкретным опытом;

2.Анализ данного опыта и осмысление - обзор и оценка опыта, осмысление, понимание основных составляющих;

3.Формирование абстрактных понятий и обобщений. Процесс абстрагирования в мышлении обучающихся при изучении определенного курса представлен как пошаговый процесс от постепенных логических выводов к обобщению понятия;

4.Применение на практике-проверка действия понятий и обобщений в новой ситуации.

Модель (методология) Колба была применена в рамках преподавания курсов «Физиология животных и человека» и «Генетика с основами селекции». Применение модели Колба направлено на формирование спирали развития, в которой обучающийся укрепляет свои знания на основе собственного опыта, приобретает новые знания и применяет их в качестве предварительных на очередном витке спирали при формировании новых обобщений [11, с. 174-175].

Методы

Данная статья посвящена изучению успеваемости студентов при аудиторном (офлайн-) и сетевом (онлайн-) обучении с применением модели Колба на платформе Moodle.

Преподавание и проверка знаний студентов проводились в Ванадзорском государственном университете в 2019-2020 учебном году (второй семестр, онлайн-обучение) и в 2020-2021 учебном году (первый семестр, офлайн-обучение) для студентов бакалавриата по специальности «Биология».

Исследование проводилось в двух направлениях:

1. влияние применения модели Колба на успеваемость студентов;
2. влияние аудиторных (офлайн) и сетевых (онлайн) методов обучения на успеваемость студентов.

Обработка результатов исследования проводилась методом количественного анализа полученных данных. Для обсуждения результатов экзаменов в двух различных ситуациях применены методы сопоставительного и сравнительного анализа.

Полученные результаты

С целью изучения влияния модели Колба на успеваемость нами проанализированы результаты экзаменов по двум дисциплинам, причем, курс «Физиология человека и животных» проводился с применением данной модели [11], а курс «Генетика с основами селекции» - без нее.

Результаты исследования представлены на диаграмме 1.

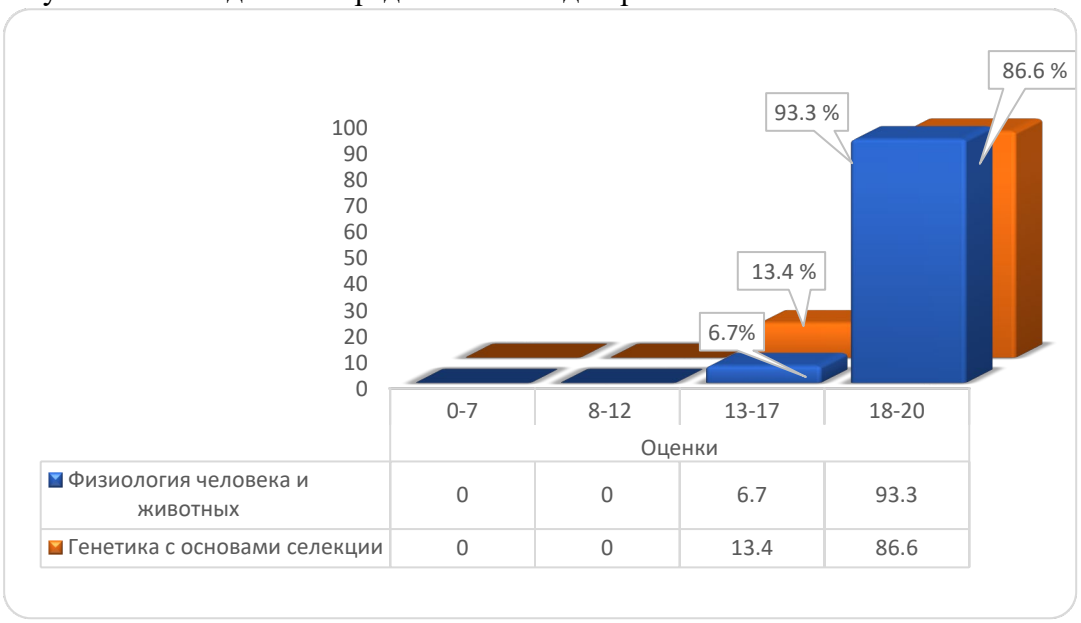


Диаграмма 1. Результаты экзаменов по дисциплинам «Физиология человека и животных» и «Генетика с основами селекции»

Анализ показывает, что по результатам экзаменов этих двух дисциплин успеваемость студентов составила 100%: по дисциплине «Физиология человека и животных» 93,3% студентов получили 18-20 баллов (6,6 % - 13-17 баллов), а по дисциплине «Генетика с основами селекции» 86,6 % получили 18-20 баллов (13,3% - 13-17 баллов).

На первый взгляд, результаты этих экзаменов существенно не отличаются. Однако качественной сравнение экзаменационных баллов, полученных студентами, с их ответами на поставленные вопросы приводит к весьма интересным результатам (Диаграмма 2).

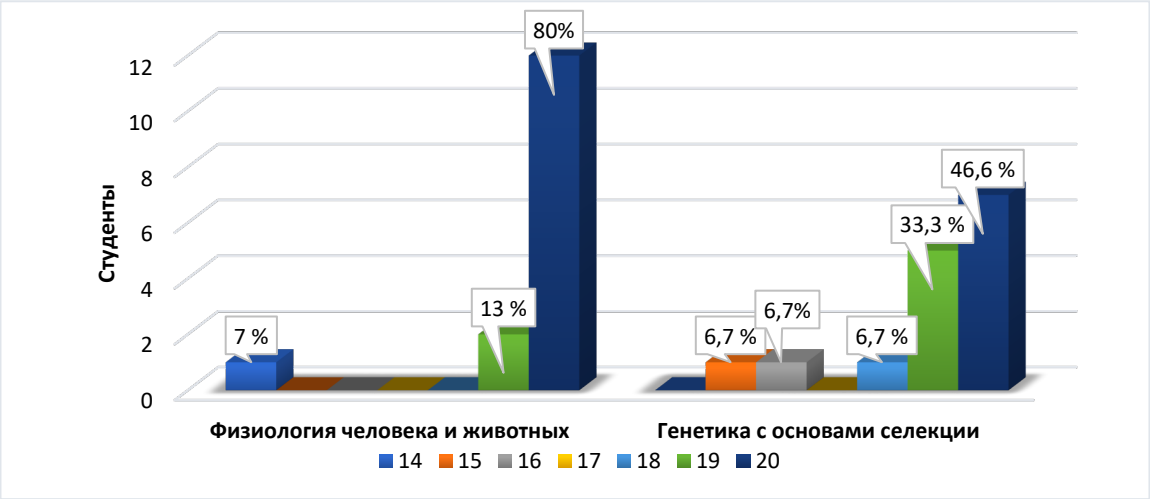


Диаграмма 2. Результаты экзаменов по дисциплинам «Физиология человека и животных» и «Генетика с основами селекции» по баллам

Анализ показывает, что в результате экзамена по дисциплине «Физиология человека и животных» 20 баллов набрали 80% студентов, а по курсу «Генетика с основами селекции» - 46,6%. На экзамене по курсу «Физиология человека и животных» ответы студентов были исчерпывающими; студенты проявили способности к логическому анализу и самостоятельным выводам. Приобретение студентами знаний в условиях применения модели Колба в новой ситуации способствовало абстрагированию новых понятий, формированию новых обобщений на основе собственного опыта. Использование этой модели в условиях онлайн-обучения позитивно влияет на повышение эффективности обучения студентов как с точки зрения количественной, так и качественной ее оценки.

В следующем семестре (первый семестр 2020-2021 учебного г.) для тех же студентов дисциплина «Физиология человека и животных» преподавалась по модели Колба, но уже в аудитории (офлайн). Ниже в таблице 1 приведены результаты экзаменов по этой дисциплине в двух семестрах.

Таблица 1. Результаты экзаменов по дисциплине «Физиология человека и животных» во втором семестре 2019-2020 учебного года и в первом семестре 2020-2021 учебного года.

Семестр/способ преподавания	***Баллы/число студентов***				***Успеваемость***
	0-7	***8-12***	***13-17***	***18-20***	
Онлайн-преподавание/второй семестр 2019-2020 учебного года	-	-	1	14	100%
Аудиторное (офлайн-)	4	7	4	0	73.3%

преподавание)/первый семестр 2020-2021 учебного года.					

Из таблицы 1 следует, что при онлайн-обучении успеваемость по результатам экзамена составляет 100%, а при аудиторном обучении она снизилась и составила 73,3%, причем 26,6% студентов получили неудовлетворительные оценки. При аудиторном обучении 46,6% студентов получили 8-12 баллов, тогда как при онлайн-обучении таких оценок не было.

В первом случае при онлайн-обучении 26,6% студентов набрали 13-17 баллов, а во втором случае - 6,6%; при аудиторном обучении ни один из студентов на экзамене не набрал 18-20 баллов, в то время как в случае онлайн-обучения 93,3% студентов набрали 18-20 баллов.

Экзаменационные баллы, полученные студентами на этих экзаменах, представлены на Диаграмме 3.

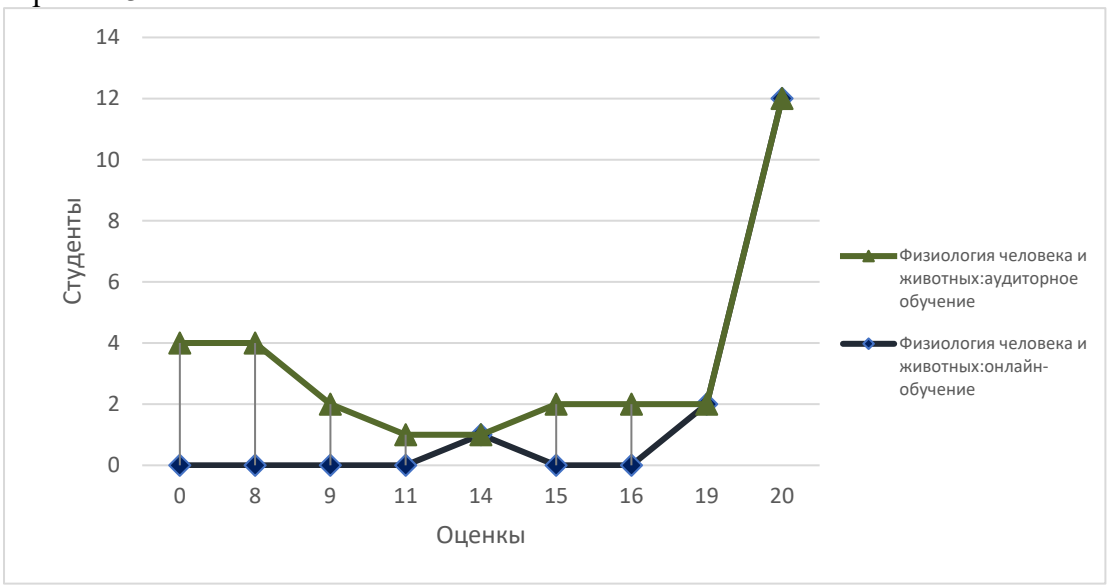


Диаграмма 3. Сравнение онлайн- и аудиторных экзаменационных баллов по дисциплине «Физиология человека и животных».

Из диаграммы следует, что на экзамене после онлайн-обучения 80 % студентов получили 20 баллов, 13,3% -19 баллов и 6,6% - 14 баллов.

Судя по результатам экзамена после аудиторного (офлайн) обучения, ни один из студентов не набрал 17-20 баллов, наивысший балл составил 16 (13,3%). 26,6% студентов получили 0 баллов, 13,3% - 8 баллов. Следует отметить, что в семестре онлайн-обучения самый низкий экзаменационный балл составил 14.

Обсуждение результатов экзаменов со студентами показало, что в случае сочетания онлайн-обучения и модели Колба студенты нуждаются в самостоятельной работе по осмыслению результатов своего обучения, особенно на этапе наблюдения и анализа своего опыта. По их мнению, онлайн-обучение предоставляет им такие возможности. При этом постепенное логическое развитие абстрагирования понятий, построение знаний осуществляется на основе самостоятельной деятельности, что и признается важным в настоящее время в системе высшего образования.

Такая самостоятельная деятельность способствует логическому развитию абстрагирования понятий, формированию знаний, что является первоочередной задачей высшего образования.

Заключение

Наши исследования показывают, что применение данной модели позволяет студентам выстроить собственную траекторию обучения с помощью самообучении, которое является краеугольным камнем в системе образования. В этом случае преподаватель выступает в роли наставника, который учитывает индивидуальные способности студентов в процессе обучения, стремясь шаг за шагом способствовать приумножению и закреплению полученных ими знаний.

Анализ показывает, что по результатам экзаменов этих двух дисциплин успеваемость студентов составила 100%: по дисциплине «Физиология человека и животных» 93,3% студентов получили 18-20 баллов (6,6 % - 13-17 баллов), а по дисциплине «Генетика с основами селекции» 86,6 % получили 18-20 баллов (13,3% - 13-17 баллов).

В результате экзамена по дисциплине «Физиология человека и животных» 20 баллов набрали 80% студентов, а по курсу «Генетика с основами селекции» - 46,6%.

При онлайн-обучении успеваемость по результатам экзамена составляет 100%, а при аудиторном обучении она снизилась и составила 73,3%, причем 26,6% студентов получили неудовлетворительные оценки. При аудиторном обучении 46,6% студентов получили 8-12 баллов, тогда как при онлайн-обучении таких оценок не было.

В первом случае при онлайн-обучении 26,6% студентов набрали 13-17 баллов, а во втором случае - 6,6%; при аудиторном обучении ни один из студентов на экзамене не набрал 18-20 баллов, в то время как в случае онлайн-обучения 93,3% студентов набрали 18-20 баллов.

Судя по результатам экзамена после аудиторного (офлайн) обучения, ни один из студентов не набрал 17-20 баллов, наивысший балл составил 16 (13,3%). 26,6% студентов получили 0 баллов, 13,3% - 8 баллов. Следует отметить, что в семестре онлайн-обучения самый низкий экзаменационный балл составил 14.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что применение модели Колба влияет на эффективность онлайн-обучения. Результаты успеваемости высоки за счет сочетания онлайн-среды и модели Колба, о чем свидетельствуют проведенные исследования и беседы со студентами. В результате студент из пассивного слушателя трансформируется в активного участника учебного процесса.

References:

1. Aikina T.Y., Bolsunovskaya L.M. (2020). Moodle-based learning: Motivating and demotivating factors. International Journal of Emerging Technologies in Learning, 15(2), 239-248. https://doi.org/10.3991/ijet.v15i02.11297
2. David A. Kolb (1984)-«Experiential Learning: Experience As The Source Of Learning And Development»- Englewood Cliffs, NJ, Prentice Hall-, https://www.researchgate.net/publication/235701029
3. Dhawan, S. (2020). Online learning: A panacea in the time of COVID-19 crisis.Journal of Educational Technology Systems, 49 (1), 5-22.
4. Kalimullina , O., Tarman, B. & Stepanova, I. (2021).Education in the Context of Digitalization and Culture: Evolution of the Teacher's Role, Pre-pandemic Overview. Journal of Ethnic and Cultural Studies, 8(1), 226-238. DOI:http://dx.doi.org/10.29333/ejecs/629
5. Kolb, A.Y., & Kolb, D.A. (2005). The Kolb Learning Style Inventory version 3.1, Technical Specification, 2-4, https://www.researchgate.net/publication/241157771_The_Kolb_Learning_Style_Inventory-Version_31_2005_Technical_Specifi_cations

6. Liu Z.-Y., Lomovtseva, N., & Korobeynikova, E. (2020). Online Learning Platforms: Reconstructing Modern Higher Education. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET)*, *15*(13), pp. 4–21. https://doi.org/10.3991/ijet.v15i13.14645
7. Makaryan A.A., Minasyan S.M., (2021). Variety of ICT-Technologies in Distance Education. Cross-Cultural Studies: Education and Science, Vol.6, Issue 2 (2021) (in USA), 63-70
8. Mkrtichyan A., Atanesyan A.(2018). Mecahaskneri krtutyuny ev usumnarutyuny Hayastanum. Collection of educational materials»: Yerevan, Yerevan State University, 64-66
9. Nerkararyan A., Qocharyan M. (2013). Kensabanutyan usucman tesutyun ev metodika. Yerevan, 142-145
10. Ushanov, A., Morgunova, N. & Petunina, I. (2021). Internet Technologies in Distance Education. International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET), 16*(*10), 85-95. Kassel, Germany: International Journal of Emerging Technology in Learning. Retrieved April 27, 2022 from https://www.learntechlib.org/p/220089/
11. Vardanyan Z, Gevorgyan A. (2021)-'' Kolbi modeli kirarutyuny kendani organizmneri fiziologiakan gorcyntacneri dasavandman yntacqum. Scientific proceedings of Vanadzor State University, Issue B, Natural Sciences, Their Teaching Methodology, pp. 172-182
12. Zadoyan A.-(2008).Kensabanutyan daserin poxgorcun metodneri kiraxman mer porcic. Yerevan, pp. 45-46

Information about the authors:

Zaruhi Vardanyan (Vanadzor, Armenia) - *Doctor of Doctor of Biological Sciences, Professor, Chair of Chemistry and Biology, Vanadzor State University named after Hovhannes Tumanyan, Vanadzor, Armenia, Эл. почта: zaruhy.vartanyan@mail.ru, Тел: (+374) 77 540 476*

Anush Gevorgyan (Vanadzor, Armenia) - *PhD in Biology, Associate Professor, Chair of Chemistry and Biology, Vanadzor State University named after Hovhannes Tumanyan, Vanadzor, Armenia, Эл. почта: anrulega@mail.ru Тел: (+374) 94 200 955*

Hasmik Mkhitayan-*PhD in Biology, Chair of Chemistry and Biology, Vanadzor State University named after Hovhannes Tumanyan, Vanadzor, Armenia, Эл. почта: hasmik-mkhitaryan88@mail.ru Тел: (+374) 91 101 004*

Acknowledgments: *The authors are grateful to Prof. Armen Tsaturyan for his counseling and cooperation.*

Contribution of the authors*. The authors contributed equality to the present research.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-95-100
УДК(UDC) 81.2

Tolganay S. Kurmanbayeva,
Kazakh National Pedagogical University named after Abai,
Almaty University of Power Engineering and Telecommunications (AUPET)
named after G.Daukeyev, Almaty, Kazakhstan
Курманбаева Толганай С.,
Казахский Национальный педагогический университет имени Абая,
Алматинский университет энергетики и связи (АУЭС)
имени Г.Даукеева

For citation: Kurmanbayeva Tolganay S., (2022).
Scientific and Technical Terms and Problems of their Codification
in the Study of the Specialty Language at the University.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 95-100 (in USA)

Manuscript received: 13/04/2022
Accepted for publication: 31 /05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

SCIENTIFIC AND TECHNICAL TERMS AND PROBLEMS OF THEIR CODIFICATION IN THE STUDY OF THE SPECIALTY LANGUAGE AT THE UNIVERSITY

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ КОДИФИКАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА СПЕЦИАЛЬНОСТИ В ВУЗЕ

Abstract:

This article is devoted to the problems of codification of scientific and technical terms and the study of the language of the specialty in higher educational institution. In bibliographic terminography there is still a problem of synonymity of terms that have not reached stability in their system. The codification process requires an inventory of terms (collection and description of all terms of any field of knowledge, science or technology) is one aspect of the terminological research process. Also, the use of scientific and technical terms in Russian classes encourages interest in studying the special vocabulary, helps to implement the criterion of the innovation process and form a personality capable of being self-educated.

Keywords: terminography, scientific and technical terms, codification, synonymy, electric power, scientific text, cluster.

Аннотация:

Статья посвящена проблемам кодификации научно-технических терминов и изучению языка специальности в вузе. В библиографической терминографии до сих пор существует проблема синонимичности терминов, не достигшие устойчивости в их системе. Для процесса кодификации необходимо инвентаризация терминов (сбор и описание всех терминов какой-

либо области знания, науки или техники) является одним из аспектов процесса терминологического исследования. Также использование на занятиях русского языка научно-технических терминов побуждает интерес к изучению специальной лексики, помогает реализовать критерий инновационного процесса и формировать личность, способную к самообразованию.

Ключевые слова: терминология, научно-технический термин, кодификация, синонимия, электроэнергетика, научный текст, кластер.

Introduction

Vocabulary of any language has an idioethnic character, i.e., it arises base on a certain culture and reflects the peculiarities of material and spiritual life of people. Terminology (a set of scientific terms) is part of the lexical system of language, because these are, first of all, words and word-combinations, "which are the precise designation of a certain concept in the field of science, technology, art and public life" [1, 508].

Discussion

Terms arise and live in the same way as ordinary words, but they also have certain specifics. First, they appear at a certain stage of development of civilization with the development of science as a systematic knowledge of man and the surrounding world. Second, terms are created on the basis of common words, they are always derivative in onomasiological terms characterized by secondary nomination. Their meanings are motivated not by features of objects and phenomena of the surrounding world (primary nomination), but by the meanings of words existing in these languages.

Third, the terms included in the subsystem of the language of science are subject to certain requirements in terms of their semantics of use in speech: it is unambiguity, absence of synonymy, and stylistic neutrality. However, these requirements are seldom realized in full in terms, which is due to their origin, as a rule, from common words.

Fourth, the science is international, and scientific progress is not limited to the borders of the country and the language where the term was created.

Practice shows that one of the current problems of terms is the codification of scientific and technical terms in the study of the language of the specialty in higher education schools.

The codification process requires an inventory of terms (collection and description of all terms of any field of knowledge, science or technology) is one aspect of the terminological research process. This process consists of the selection of terms, their lexicographic processing of description, the **inventory** is a preliminary stage of work on the ordering of terminology, i.e. putting in order scientific and technical terms by specialists in a particular field of knowledge. S.V. Grinev rightly notes that the study of any field of special vocabulary is invariably associated with terminography, since the results of work on identifying, researching, and harmonizing terminology are usually formalized in the form of a dictionary [2,6].

Harmonization is the first and main step in the practical work on terminology unification, bringing terms to a uniform, unified system. **Unification** is conditioned by structuring the standard correspondence between the concepts and the terminological system (includes: introductory part, main part, alphabetical indexes and appendices). The introductory part specifies the object of standardization, provides the necessary data. The main part includes the terminological articles, the dictionary article consists of the term, its descriptions and illustrative material.

Once the harmonizing-unification takes place, the **codification of the term system**, i.e. its registration in the form of a normative dictionary, is carried out. But nowadays it is often found that industry dictionaries do not give the meaning of a term that may be found in educational, technical texts. This is explained by the rapid development of modern science and technology, for which the ***harmonizing of terminology***, and especially the reflection of new phenomena of technology in the dictionary, could not keep up.

Linguistic problems of the term and its history are shown in works of domestic and foreign researchers (V. V. Vinogradov, A. S. Gerd, S. V. Grinev, T. L. Kandelaki, L. A. Kapanadze, R. Yu. Kobrin, V. M. Leichik, A. V. Superanskaya, de Bessé B., Cabré M. T., Depecker L., Felber H., Gadet F., Gouadec D., Wister E.).

According to A.Z. Karapetian, "when developing the concept of term and terminological derivation, the uniqueness of the term as the material substance of the concept it represents should be taken into account first" [2]. Practice shows that with regard to the term the subject matter specialist is primarily interested in a meaningful concept, covering all aspects of the subject. The specialist in the field of terminology decides, whether the term corresponds to the full content of the concept, checks, to what extent the term satisfies the requirements to it as a member of a certain terminological system [3].

For our study, the opinion of scientists seems important who believe that both for the formation of the vocabulary and for the definition of a term in a terminological dictionary, the awareness of the term in the system of scientific concepts, as well as the logical and conceptual analysis of the terminoligical system play a paramount role [4].

Terms, like no other layer of vocabulary, form quite clear groups of words, which are divided into a large number of specific types, according to semantics. All this makes it possible to set in advance a certain model from the means of lexicographic description of terms of a given type and to use automation when compiling terminological dictionaries [5, 26].

The area we are considering, i.e. terminology of electric power and power supply of agriculture, although it is already standardized, there are some practical issues, such as the synonymy of terms: output, generator, voltage, line, field, unit, etc. There are a large number of standards in the electric power industry, many have to do with the operation of electrical devices, equipment, etc. When working on this article materials we have used the materials from three dictionaries with electric power terms [6; 7; 8], as well as materials from the book about the quality of electric power systems [9]. The publication of new branch explanatory dictionaries is apparently still being decided, because it is more common to see translated dictionaries and reference books. The number of dictionary entries in terminological dictionaries is usually small, attention is paid to individual words only, multivalued words are presented only in one meaning, the choice of translated equivalents is limited.

Nowadays, the external conditions of the industry are developing and the terminological system is expanding, so the streamlining of terminology and the compilation of special dictionaries is important. For example, the reference book by V.V. Krasnik "Terms and Definitions in Power Engineering" was published in 2002. [7] The reference book includes more than 1,200 terms and definitions in the field of power supply, electrical safety, management and economics of electric power industry with reference to state (GOST) and international (ST CMEA and ST IEC) standards. In 2007, a collection of recommended terms "Reliability of Power Systems" was published. [10]. As we have noted above, terminology of power industry is constantly evolving, so it is necessary to update the dictionaries of terms. Some dictionaries are more than 10 and even 20 years old. Developing the new dictionaries requires practical and scientific rethinking of new terms.

So, the terminological system is one of the foundations for building a professional sublanguage, a special language. Any sublanguage of a specialty consists of highly specialized and commonly used vocabulary. Highly specialized terminology is also determined by the combination of a number of conditions: 1) thematic productivity; 2) index of the conceptual value of the concept represented by the term; 3) maximum information content; 4) low frequencies.

When teaching Russian at a technical university, we use various scientific and technical texts in the classroom, in the process of work with the text we define key concepts, describe phenomena, theoretical statements (problems, ideas), and come across terms. In the classroom, special attention is paid to the selection of terminological material, for example, electric power, like any science, has its

own concepts, the vocabulary in texts on electric power or agricultural power supply are general literary words and terms (electric motor, electric drive, transformer, winding, generator, insulator, etc.). Term combinations such as: the generator is excited; the generator is idling; voltage is applied to ...; apply current; be under voltage, current, etc. describe various processes and phenomena. In tasks, we divide the terms into thematic groups, expand the horizons of students using the mental maps, which form communicative competencies and expand the terminological vocabulary of students.

And now let's try to consider the method of critical thinking development technology through reading and writing, which we use in the classroom and is an integral system that forms the skills of work with information in the process of reading and writing.

This technology was developed at the end of the 20th century in the USA **(C. Temple, J. Steele, C. Meredith, S. Walter)** [11]. It's known in Kazakhstan since 2011.

It synthesizes ideas and methods of technologies of collective and group ways of learning, cooperation, developmental learning. The process should be organized in such a way that the focus is on the personality of the student (personal-oriented approach): his motives, goals, needs, inner world, individual experience and psychological makeup. The teacher's role in the classroom: he becomes more not a transmitter of knowledge, but a partner in learning.

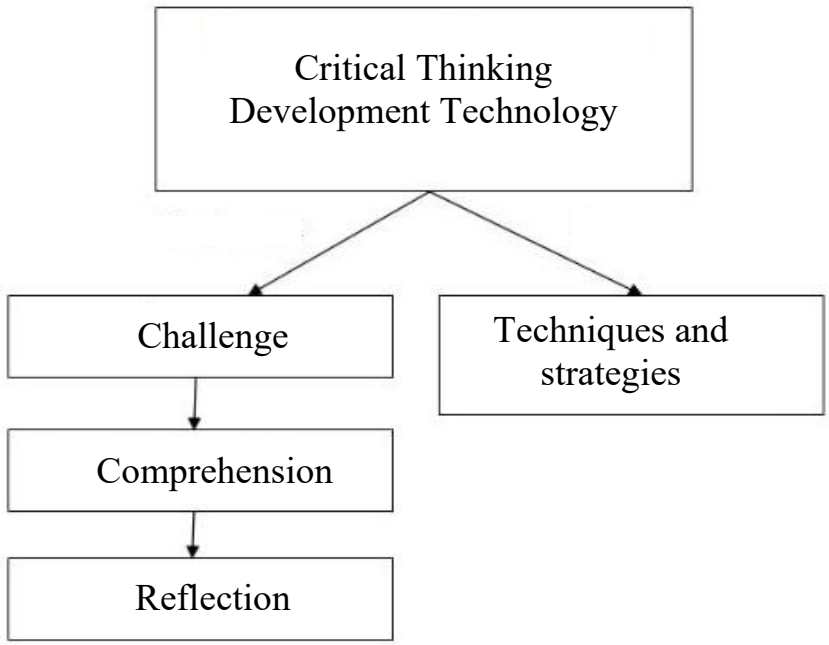


Figure 1 - Critical Thinking Technology

RCM technology has two features (Figure 1):

1. The structure of the session, which includes three phases:

- challenge (awakening of existing knowledge and interest in new information);
- comprehension (acquisition of new information);
- reflection (comprehension, birth of a new knowledge);

2. The content, which is based on the effective techniques and strategies aimed at the formation of students' critical thinking.

So, from the point of view of the authors of technology above:

critical thinking is developed through the ability to rise new **questions**; the ability to develop a variety of **arguments** and the ability to make an independent **decision**. One of the tools of critical thinking is the construction of a cluster. **Cluster** is a way of graphical organization of the material,

allowing you to visualize the thought processes that occur during immersion in a particular text. Work is conducted in pairs, individually or in groups.

In the middle of a blank sheet of paper we write down the key word - the "heart" of the text, around the word, sentences - ideas, facts, images appropriate to the topic, the words are connected to the key concept, logical connections are established. Consequently, after reading a text, the students begin to develop their intellectual abilities, give free rein to their imagination and intuition, receiving new information, comprehending it, relating it to the already existing knowledge, make a model "planet and its satellites" on the topic "Scientific discoveries" of the final session. The students work with terms related to scientific discoveries, expand associative concepts with this topic and form skills of analyzing scientific texts, which is shown in Figure 2.

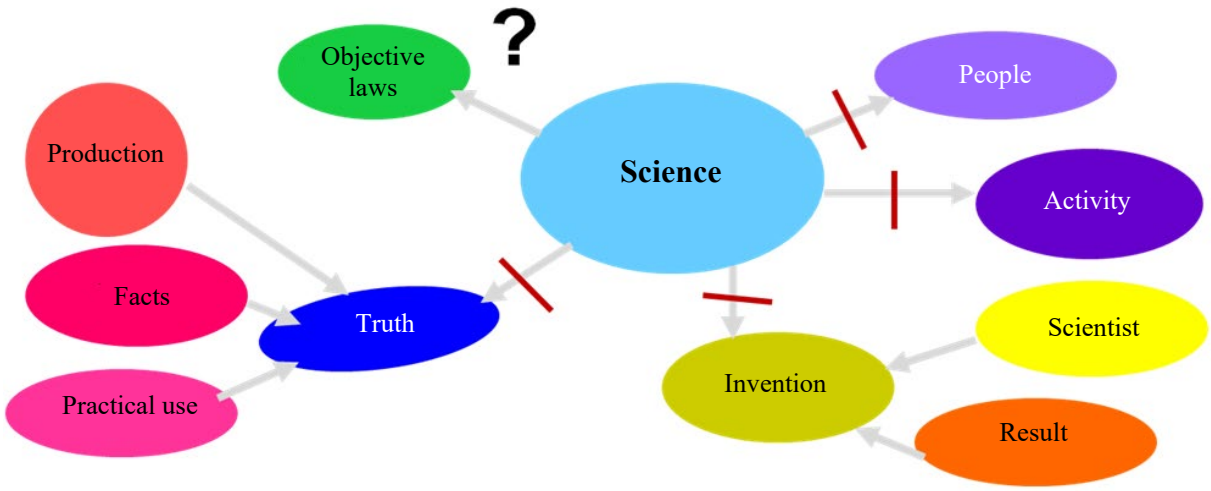


Figure 2 – «Science» cluster

In this way students continue to work until ideas run out, establish and build cause-and-effect connections between pieces of information, and **do not follow a predetermined plan**. In the learning process, students activate terminological units in speech by multiple repeating and imitating a statement based on training and speech tasks. Next, they determine semantics, combinations, and other characteristics of the term, then go back to the text, analyze the scope of its use, demonstrate the extent to which the text functions in similar situations, and then organize reproductive speech activities on an independent level. Note that it is the text that serves as the organizing pivot of all phases of terminological skill formation.

Conclusion

Thus, the work on formation of terminological skills in relation to the terminological unit should be carried out in several stages, each of which includes:

- assimilation of a certain number of terms, their recognition, selection and semantization in the text, active use in the process of independent expression;
- formation of a set of abilities and skills related to the specifics of a given group of terms.

If we take a new topic, all the necessary elements are presented and corrected by the teacher, then in the future the students themselves use the experience of previous sessions, as we have already noted above, they analyze, synthesize information, think and build reasoning to determine further actions. Consequently, another criterion for the effectiveness of the innovation process is realized, a personality capable of continuous learning and self-education is formed.

References:
[1] Akhmanova O. S. Dictionary of linguistic terms / O.S. Akhmanova. – 2nd ed., ster. – M.: Editorial URSS, 2004. – 571 p.
[2] Grinev-Grinevich S. V. Terminology: a textbook for students higher educational institutions. – M.: Academy, 2008. – 304 p.
[3] Karapetyan A.E. Questions of ordering and lexicographic description of terminological dance vocabulary// Scientific journal of KubGAU, No. 13(7), 2007 [Electronic resource] URL: http://ej.kubagro.ru/2007/07/pdf/11.pdf (accessed: 10.05.2022).
[4] Lovtsevich G.N. Three–aspect analysis of a foreign language term as the basis of lexicographic description in a cross–cultural dictionary // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. – Moscow: Tuapse Printing House, 2010. No. 1. - pp. 30-37.
[5] Sivakova N. A. Lexicographic description of English and Russian phytonyms in an electronic glossary: Dis. ... cand. philol. sciences. – Tyumen, 2004. – 165 p.
[6] English-Russian dictionary of electrical engineering and electric power engineering / edited by Ya.N. Lugansky. – M.: Russian: Russo, 1999. – 616 p.
[7] Krasnik V.V. Terms and definitions in the electric power industry: handbook [Electronic resource]. URL: http://www.gosthelp.ru/text/terminyiopredeleniyavelek.html (accessed: 04/20/2022).
[8] Dictionary of localized terms of the common information model of the EEC [Electronic resource]. URL: http://www.ntc-power.ru/upload/presentation/glossary.pdf (accessed: 04/19/2021).
[9] Dugan R.C., McGranaghan M.F.F., Santos S., Wayne Beauty H. Electrical Power Systems Quality. 3rd Edition. – McGraw Hill, 2012. – 577 p.
[10] Reliability of energy systems: a collection of recommended terms / ed. N.I. Voropai. – M.: Energy, 2007. – 192 p.
[11] Critical thinking: in-depth methodology (teaching reading and writing in the framework of the project "Reading and Writing for Critical Thinking". Pic. IV /Comp. Ginny Steele, Kurt

Information about the author:
Kurmanbaeva Tolganay (Almaty, Kazakhstan) *– Doctoral student of KazNPU named after Abai, senior lecturer of the department of language knowledge of the Almaty University of Power Engineering and Telecommunications named after G. Daukeev (AUPET named after G. Daukeev). She has more than 15 publications. Fields of research: Russian language and literature, scientific and technical terminology, linguistics, professional Russian language.*
E-mail address: t.kurmanbaeva@gmail.com.

Acknowledgments: *I thank colleagues for valuable advice in the process of this research and editing the article and I thank the reviewers for their valuable suggestions.*

Contribution of the author. *The author contributed equality to the present research.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-101-110
УДК (UDC) 81`243

Svetlana M.Minasyan,
Ijevan Branch of Yerevan State University,
Yerevan Armenia
Russian State Professional Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia
Mariam R.Gevorgyan,
French University in Armenia, Yerevan, Armenia,
Institute for Physical Research, NAS of Armenia

Минасян Светлана М.,
Иджеванский филиал, Ерванский государственный
университет, Ереван, Армения,
Российский государственный профессионально-педагогический
университет, Екатеринбург, Россия
Геворкян Мариам Р.,
Французский университет в Армении,
Институт физических исследований
Национальная Академия Наук (НАН) Армении,
Ереван Армения,

For citation: Minasyan Svetlana M., Gevorgyan Mariam R., (2022).
Design - a New Solution in Education.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 101-110 (in USA)

Manuscript received: 23/04/2022
Accepted for publication: 31 /05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

DESIGN - A NEW SOLUTION IN EDUCATION

ПРОЕКТИРОВАНИЕ - НОВОЕ РЕШЕНИЕ В ОБРАЗОВАНИИ

Abstract:

With the rapid development of society and IT, tangible changes are taking place in the educational system and programs; it becomes possible to explore cause-and-effect relationships and relationships between them, to find solutions in a non-standard way. Technologies, as a kind of mechanism, are capable of using new means and ways of working in the education system, embodied in a real mode. Any technologies should contribute to inadequate solutions, demonstrate their effectiveness, help to find the correct answer to the questions and problems posed, and solve them in a non-standard way. Considering design as an effective product for future education, it is necessary to learn how to identify connections between phenomena, objects, observe changes, finds interesting connections, pose an original question: how to change, combine, transform, turn over,

replace, align, find analogy, to solve in an original way - all this leads to the formation of hard-soft-vital skills, independent and creative, search work and the successful implementation of innovative technologies in the design process bring good results.

The article discusses three groups of technologies developed and revised by us for design according to certain characteristics and in the direction of performing functions: technologies that provided non-standard, original solutions; technologies related to rethinking and transformation; creative design technologies, principles of working with these technologies. Evaluation criteria for these technologies are proposed. It is noted that monitoring (Evolution) and adjustment (Statement) determine the effectiveness of the application of the noted technologies in design.

Keywords: *design, technology, product efficiency, connections between phenomena, skills formation, rethinking, non-standard solutions, evaluation and assignment*

Introduction

The society has been developing rapidly over the past decade. A person as a person strives for self-education, self-development and self-realization. The faster there are changes in society and the development of information technology (IT), the more interest appears in various environmental phenomena and its changes, and the more difficult are the problems of education, upbringing, and personality formation.

Educational systems are changing, where the set of interacting elements differs from the properties of its constituent parts. The emergence of new elements in the education system is considered in the order of things, there is interest in changes and the establishment of relationships and relationships between them, they become an object of search and research. Educational systems and programs are in crisis.

In this regard, the system must foresee and implement changes in the field of education, which are transformed, combined with the goals of education, and the educational program must proceed from the requirements of society. The educational system and educational programs must be considered in conjunction. It is in educational systems in the broadest sense of the word that the formation of the individual takes place, the acquisition by the individual of one or another image that corresponds to the needs of the individual and society.

Naturally, with the development of society and IT, there is a need for new professions - education manager, coaching (coach) of virtual education, copywriting, underwriter, supervisor, promoter, trader, etc.). With the emergence of new professions, the question arises of the development of new technologies and the formation of innovative skills, meta-skills that would meet the requirements of the labor market.

Technologies in education are a kind of mechanism through which new means and methods of the educational system are implemented, embodied in the real world: "intelligent technologies", "interactive technologies and methods", "innovations", "multimedia educational materials" and many others. When we talk about innovation, we have to think about how to make the development of technologies non-standard and in demand, and in order to do this we need to know how to do it correctly and how it is applied in practice.

Technological activity in its most complete development presupposes a system of interrelated types of work, the totality of which ensures the emergence of natural innovations, namely:

- ✓ research activities aimed at obtaining new knowledge about how something can be ("discovery"), and how something can be done ("invention");
- ✓ project activities aimed at developing special, instrumental and technological knowledge about how, on the basis of scientific knowledge in giving conditions and situations, it is necessary to act in order to get what can or should be ("innovative project") [7, 8],

- ✓ educational activities aimed at the professional development of subjects of a certain practice, at the formation of each personal knowledge (experience) of what and how they should do so that the innovative project is embodied in the reality of practical activity ("implementation").

What is "educational technology" in the new era of education? This is a complex of three interconnected components and this component must be very flexible and constantly change, combine, transform.

First, the content programs should consider not only the development of subject knowledge, but also the development of competencies, hard, soft, vital, meta skills in practice, developing creative thinking. This content should be well structured and presented in the form of multimedia educational materials that are transmitted using modern means of communication.

Secondly, innovative teaching technologies form competencies, skills and abilities based on the interaction of students and their involvement in the educational process, with the help of independent, search and research activities. The modern training infrastructure, which includes information, technological, organizational and communication components, makes it possible to effectively use the advantages of distance learning.

Thirdly, various pedagogical technologies. It depends, first of all, on the traditions and status of the institution. Nevertheless, the following are the most characteristic innovative pedagogical technologies that will be used in the future.

- ✓ Information and communication technologies (ICT) in subject learning. It is the introduction of ICT into the content of the educational process that implies the integration of various subject areas with informatics, which leads to the virtual version of the consciousness of students and their understanding of electronic processes in modern society (in its professional aspect).
- ✓ Personally - oriented technologies in teaching a subject. Here it is necessary to pay attention to the educational system, which should provide comfort, conflict-free and safe conditions for the development, realization of the natural potentials of students. The human personality in this technology is not just a subject of study, but a priority subject; it is the goal of the educational system, not a means to achieve any abstract goal. A person's personality manifests itself in actions, in development - on the basis of educational programs in accordance with their capabilities and needs.
- ✓ Information and analytical support of the educational process and quality management of education. The use of information - analytical technology will allow us to objectively track the development over time. Here knowledge of Time management is needed, namely: when, where, for what purpose, to prepare control in the studied subject in accordance with the subject-curriculum.
- ✓ Monitoring of intellectual development. Analysis and diagnostics of the quality of learning of each student by testing and building graphical dynamics of progress.
- ✓ Educational technologies as a leading mechanism for the formation of a modern person with the necessary values is an integral factor in learning conditions both in the present and in the future.
- ✓ Didactic technologies as a condition for the development of the educational process of an educational institution (EI). Here, both already well-known and proven methods and techniques can be implemented, as well as new technologies presented in pilot projects. Usually, various combinations of methods and techniques are used in practice, on the basis of which new technologies can be identified.
- ✓ Psychological and pedagogical support for the introduction of innovative technologies into the educational process involves the use of analysis and reporting on methodological councils, seminars, consultations with leading experts in a specific area, in specific disciplines.

The portfolio technology implements the following functions in the educational process:

- ✓ diagnostic (changes and growth (dynamics) of indicators for a certain period of time are recorded);
- ✓ goal setting (supports educational goals formulated by the standard);
- ✓ motivational (encourages students, lecturers and parents to interact and achieve positive results);
- ✓ meaningful (maximally reveals the entire range of achievements and work performed);
- ✓ developing (ensures the continuity of the process of development, training and education at a specific level);
- ✓ rating (shows the range and level of skills and abilities).

Portfolio technology is the result of monitoring and evaluation [7, p.253]

The most demanded technology at this stage and in the future is design, the importance of which must be taken into account both in real and in virtual mode. It acquires particular relevance in the context of the development of variable, specialized, multilevel education.

With regard to design technology in education, we need to consider this technology in a new period of time. The design technology itself is a process that includes those components that are necessary for the implementation of the project itself in the given conditions and in this situation.

At present and in the future, in order to design any educational process, one needs to have academic knowledge, a situation, professional intuition, be able to think creatively, generate ideas, and be well-versed in the application of innovative teaching methods and technologies, including advanced learning.

Considering design as an effective product for future education, it is necessary to learn how to identify connections between phenomena, objects, objects, observe changes, find interesting connections, in order to then pose the question: how to change, combine, transform, turn over, replace, bring into line, find an analogy, solve in a non-standard, original way - all this leads to the formation of hard-soft-vital skills, and independent and creative search work gives good knowledge.

Thus, we move on to project education, which requires some training from the educational institution (EI) and some knowledge of design. Learning platforms are important. Open education systems such as Classroom, Campus, E-Study, Moodle, MOOC (Massive Open Online Courses), M-Learning, iSpring Online, universities, webcasts and so on, have gained particular popularity. The most suitable platform for project management is Moodle, which aims to use the principle of individualization of activities, to establish quick feedback, visibility, quick provision of material and organize the activity of the listener [5, p.67; 6].

Pedagogical design, as we have already noted, is a process, the preliminary development of the main details of the upcoming activities of students and lecturers. To develop the main parts, components, to identify the connections between them, to establish a certain system of work between them at the organizational, gnostic (search for content, methods, means and interaction between them) and communicative levels are necessary for the development of technologies.

Pedagogical technology is a sequential and continuous movement of interconnected components, stages, states of the pedagogical process and the actions of its participants.

Based on the foregoing, we have developed and revised technologies for design and are presented by groups according to certain characteristics and in the direction of performing their functions:

- ✓ Technologies that provide non-standard, original solutions.
- ✓ Technologies related to rethinking and transformation.
- ✓ Creative design technologies [1-2].

Any design begins with an attempt to embody the born thoughts, ideas into form and essence, try to solve the problem in a non-standard and original way and translate it into reality. When and how to start - it depends on how ready you are in difficulties, how well prepared you are theoretically and how clearly you represent yourself in this project. Your style of work, your development skills, and the ability to form your point of view will lead to a quick solution to this goal, and this takes a lot of time.

Our proposed classification of design technologies will help students navigate the process of working on a project. The experience of working with undergraduates has shown that this classification is a good guideline for independent, creative work, especially since they go through such new disciplines as the design of educational programs, design in the linguistic education, etc.

We have developed and are presenting three groups of technologies according to certain characteristics and in the direction of performing their functions:

The first group of innovative design technologies includes "brainstorming", "inversion", "idea generation", "search and research".

Brainstorming technology is, in fact, a method of generating ideas and involves the following stages:

- ✓ Spontaneous presentation of their ideas to each participant at a fast pace without preliminary criticism and discussion.
- ✓ A record of "issued" ideas.
- ✓ Sequential discussion and evaluation for each idea, different interpretations.
- ✓ Selection of 2-3 ideas that can become the subject of discussion of the project.

The "inversion" technology means that when considering ways to solve a problem, such a transformation or rearrangement is made that allows you to get fundamentally new, sometimes non-standard, original solutions.

In its structure, the "idea generation" technology is similar to the "brainstorming" technology and includes the following stages:

- ✓ Proposal of an idea and description of its structure and implementation mechanism.
- ✓ Fixation of ideas and transformation of ideas.
- ✓ Analysis and evaluation of each idea.
- ✓ Selection of the most interesting and non-standard ideas corresponding to the set goal in the project, stage-by-stage implementation.

"Search and research" technology in the design performs certain functions that determine priorities. These include:

- function of discovering new knowledge based on identifying patterns, evidence;
- the function of deepening the studied knowledge in the proposed discipline;
- the function of systematizing the knowledge learned (that is, establishing relationships between concepts; identifying relationships between topics; structuring educational material, etc.);
- the function of the student's development, his transformation from an object of learning in a subject of management, the formation of his independence towards self-government (self-education, self-realization);
- the function of teaching students the methods of activity, techniques and methods of scientific methods of cognition.

"Search and research" technology involve the implementation of the following stages in the design process:

- motivation for learning activities;
- statement of the research problem; the formulation of the final and intermediate goals of the research assignment.

Analysis of available information on the issue under consideration:

- ✓ planning the activities to carry out the experiment (measurements, tests, samples, etc.) in order to obtain the factual material;
- ✓ self-conduct of the experiment;
- ✓ systematization and analysis of the received factual material;
- ✓ putting forward a hypothesis;
- ✓ confirmation or refutation of the hypothesis;
- ✓ conclusions;
- ✓ registration of the progress of the assignment and the results obtained;
- ✓ discussion of results.

The second group of design technologies related to the rethinking of the presented goal, task, function includes the technology "leading analogue task" based on borrowing experience through a search, careful analysis of advantages and disadvantages and "improvement" of other people's ideas in science and methodological literature.

The technology of "changing the formulation of tasks" is to expand the boundaries of the search for a solution to an urgent problem. Thus, for example, changing the formulation of the structural components of a finished and implemented project, you can identify interesting solutions to a known problem and define new areas of activity.

The technology of "leading questions" allows you to streamline the search for solutions to the problem. Such questions might be:

- ✓ Why does this problem need to be addressed?
- ✓ What needs to be done to resolve the problem?
- ✓ What means are needed for this?
- ✓ Who could participate in the project, etc.

The technology of "correcting and accounting for deficiencies" can be used to describe a problem situation when it is necessary to collect information and draw up a complete detailed list of deficiencies to be corrected.

The technology of "free expression of function" is aimed at describing all the functions that should contribute to the development of the intended project product and the search for the "ideal" result in the form of a layout or model.

The third group includes technologies that solve problems with a creative approach. These include "associations", "transformations", "permutations", "anticipatory thoughts and learning", "analogies", "modeling", "social-practical", "heuristic modeling, design".

The technology of "association" is associated with the extraction of associations from different ideas to change social reality. The use of this technology contributes to the development of figurative and associative thinking of students.

The technology of "transformation" allows you to use other people's ideas, but subject to changes in the structure, content, design, presentation.

The technology of "transformation" allows you to transform from more complex structures to simpler ones.

The technology of "rearrangement" has been widely used in design practice as the simplest and gives unexpected results. In the process of permutation, the original object can be brought to the point of absurdity and then an unusual or even rational solution can be found.

The "modeling" technology takes into account the design process of an object and its model, indicating a method for assessing the design result. The "modeling" technology allows you to develop an algorithm for synthesizing the organizational structure of the object itself.

The technology of "advance learning" allows the lecturer to present a short background before starting to study a new topic in the presented program. Brief basics can be given both as abstracts when considering related topics, or as unobtrusive mentions, examples, associations, analogies, models. It is assumed that anticipatory learning is effective in learning a topic that is difficult to understand. Advanced learning implies the development of students' thinking ahead of their age capabilities. (S. N. Lysenkova, S. M. Minasyan A. M. Tsaturyan) [3, 4, 9-11].

The essence of the technology to work by analogy is to use existing solutions in other areas of life. When using this technology, an analogue of the original borrowed idea is interpreted and gradually brought to a design concept.

The "modeling" technology takes into account the design process of an object and its model, modeling indicates a way to assess the design result.

"Socio-practical technology" (the term of the author S.M. Minasyan) [4, p.97] is one of the key technologies of an experimental nature in design. With the help of approbation of the information obtained in the process of experimental work and done in the pre-stage design period, they allow us to make sure of the relevance of the problem being solved, the object. Interviews, tests, questions and answers, observations make it possible to reveal the relevance of the studied topic, changes in mechanisms, needs and attitudes of social society, namely: what, where, when, under what circumstances? With the help of approbation of the information obtained in the process of experimental work, the stage-by-stage design work done, they make it possible to verify the relevance of the problem being solved. The right platform allows you to work online in the design development process. It provides feedback to the whole group, which allows discussing ideas, solutions, and design implementation. Socio-pedagogical technology includes all the elemental structures of the joint process of project work on different platforms [6, p.48].

Identifying certain needs of society in education, we begin to research and identify the reasons and approaches to eliminate the shortcomings and difficulties in educational programs.

The essence of the technology "Heuristic modeling and design" is to consider the initial idea of the project from the end, bring it to the point of absurdity, and then find a rational grain in this chaos and model or design.

Criteria for evaluating the presented technologies for the design of educational programs

"Evaluation" is a bit more quantitative and rating-oriented (like scores or grades) while "assessment" (related to "learning") is more holistic and qualitative. All too often, from an operational perspective, we equate our evaluative scores with our assessment of learning. This only serves to confuse matters further.

However, many of our assignments are activities during which learning may take place. Evaluation scores may merely indicate level of performance, not whether or to what degree learning has occurred. By contrast, one's summative assessment strategy may involve numerous evaluations and formative assessments of one sort or another. It may also be helpful to consider that we evaluate an individual's performance, educational programs' effectiveness, a technology's suitability, etc.

By contrast, assessments of learning, depending upon the level of sophistication involved, may require an educator to monitor the progress of a learner from a starting point to an ending point relative to some standard and then to use her professional judgment to conclude whether learning has taken place [10, 12-15].

You will be able to:

- ✓ Identify sources for evaluating different types of educational technology.
- ✓ List and explain the key criteria used to evaluate Web and software resources.
- ✓ Describe ways to integrate technology into specific curriculum subject areas.
- ✓ Locate Internet resources for evaluating resources found on the Web.

- ✓ Critically evaluate current research and professional practice literature.
- ✓ Contribute to professional development of other educators.
- ✓ Demonstrate use of current technologies for participation in the extended education community.

Alternative Assessment

Effective classroom assessments integrate classroom teaching and learning, going beyond tests at the end of a lesson, and such assessments provide immediate feedback to lecturers and students on performance. Project-based assessments, for example, feature such characteristics as real-life contexts, everyday problems, the application of content to solve problems and the use of appropriate technologies.

Rubrics may be used to evaluate student work and they can be a form of alternative assessment of learning. They are a terrific tool for assisting students in taking more ownership for their learning. By using rubrics, a lecturer is really planning and informing the students how their performance will be evaluated prior to implementing the learning activity. Talk about feeling organized and prepared! Furthermore, the second standard is: Design and Develop Digital-Age Learning Experiences and Assessments. Using rubrics to assess your students' learning helps you master this standard.

Explore some of these great Web resources for learning more about using rubrics with your students [11].

Evaluating Software, Digital Media, and Technology

Rubrics can also be used to evaluate software and technology based upon specified criteria (e.g., cost effectiveness, age appropriateness, curricular relevance, etc.). The rubrics presented for evaluating software and Web sites are very useful and are appropriate for both you and your students to use. As noted, most universities and/or districts have a group of people who evaluate software prior to making a purchase. Lecturers also need to evaluate software before attempting to integrate it in the curriculum. It is always important to evaluate software for content and age appropriateness. This follows with the idea of not letting the technology drive the curriculum, but letting your curriculum and learning objectives drive the technology. By evaluating software you will be able to make better decisions about what and how to effectively integrate a particular piece of software.

Evaluation of educational technology is important before, during, and after instruction takes place. Again, recall the instructional design models discussed last week. Evaluation after instruction is a crucial component of a lesson that effectively utilizes technology and digital media. Lecturers can rely on a variety of resources to help evaluate the appropriateness of educational technologies.

Digital Media in the Classroom

As you have learned, digital media is everything from videos to graphic design software applications. With so much information and technology out there, it can be intimidating when it comes to choosing the appropriate form of digital media to integrate in your curriculum. Evaluating digital media for appropriateness and usability is just like evaluating software, Web sites, and other technologies.

Thus, students need to be able to "locate, organize, analyze, evaluate, synthesize, and ethically use information from a variety of sources and media." Students need to understand these same concepts of evaluation to determine the quality and appropriateness of a Web resource [11].

Conclusion

All these technologies can be changed and improved during the design process. It all depends on the purpose of the project, tasks and functions, situations, envy of what kind of educational product we want to present and how effective it will be.

References:

1. Atavar Michael. Think differently. Creativity. M., "Mann, Ivanov and Ferber", 2019. - P.-158
2. Mark Levin. Genius to order. An easy way to find non-standard solutions and ideas. M., Mann, Ivan and Ferber; Eksmo, 2013.224 p.
3. Lysenkova S.N. By the method of advanced learning: a book for a lecturer: from work experience / p. N. Lysenkova. - M .: Education, 1988 .-- 192 p.
4. Minasyan S.M. The main advantages of educational programs on the design-modular approach. Collection of scientific and educational reports and articles "Modernization of education in the context of modern pedagogical paradigms" ASPU, Yerevan, 2014 - pp. 97-106.
5. Makaryan A.A., Minasyan S.M. Variety of ICT technologies in distance education. Cross - Cultural Studies: Education and Science. 2021. T. 6. № 3. C. 63-70. DOI:10.24412/2470-1262-2021-3-63-70
6. Minasyan S.M. Technologies in Educational Design. Социально-экономическое управление: теория и практика. 2021. №4(47), с.45-53.DOI: 10.22213/2618-9763-2021-4-45-53
7. A. Petrikova, T.Kuprina, Yan Gallo. Vvedeniye v didaktiku russkogo yazyka i mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu. Preshevskiy universitet, filozofski fakultet, Slovakia, 2015.- P. – 365.
8. Polat Ye.S. Novyye pedagogicheskiye i informatsionnyye tekhnologii v sisteme obrazovaniya: ucheb. posobiye dlya studentov vuzov i sistemy povysheniya kvalifikatsii pedagogicheskikh kadrov / pod red. Ye.S. Polat. – M: Izdatel'skiy Tsentr «Akademiya», 2001. – p. 224
9. Rodionov, V.Ye. Teoreticheskoi osnovy pedagogicheski proektirovanie. avtoreferat po VAK RF 13.00.01. APN, M., 1996. P.-352.
10. Tsaturyan A.M., Minasyan S.M. "Psikhologo-pedagogicheskie aspekty operezhayushchego obucheniya". Kross-kulturno issledovaniya: obrazovanie i nauka. Vol.6, issue 1, SSHA, 2021, pp. 95-102. DOI: 10.24411/2470-1262-2021-10108
11. Tsaturyan Armen, Minasyan Svetlana, Associative - Forwarding Links and Their Methodological Functions for Training. Cross-Cultural Studies: Education and Science. Vol. 4, Issue 4 (2019), pp. 79-84 (in USA). DOI: 10.24411/2470-1262-2019-10069
12. https://www.jstor.org/stable/3445531
13. https://webcourses.ucf.edu/courses/1009850/pages/module-11-evaluating-educational-technology-and-integration-strategies?module_item_id=6898662
14. T. P. Lipai, S. M. Minasyan, M. R. Gevorgyan, "Innovation management in the educational trajectory of the student during the COVID19" [Innovacionny`j menedzhment v obrazovatel`noj traektorii obuchayushhixsya v period COVID19], Labor and Social Relations, Vol. **32**. Issue 1. P. 139-14 (2020), DOI 10.20410/20737815202132113914 5. http://id.atiso.ru/files/tiso_1_2021.pdf
15. T. P. Lipai, M. R. Gevorgyan, "Contemporary system of education: innovative nature of the development and problems of training doctoral students" [Современная система образования: инновационный характер развития и проблемы подготовки аспирантов], Labour and Social Relations, Vol. **32**. Issue 2. P. 160-166 (2021), DOI 10.20410/20737815202132216016 6. http://id.atiso.ru/files/tiso_2_2021.pdf

Information about the authors:

Svetlana M. Minasyan (Yerevan, Armenia) - Candidate of Pedagogical Sciences (Ph.D.). *Associate Professor, Department of Foreign Languages and Literature, Ijevan Branch of Yerevan*

State University. Department of Russian and Foreign Languages, Russian State Vocational Pedagogical University.
http://orcid.org/0000-0001-93014927; SCOPUS Author ID: 56576171400; SPIN-code 765 668; SPIN-code 6745-3510. Research interests: neology, cross-cultural communications, cross-cultural didactics.
E-mail: s.minasyanpmesi@gmail.com
Mariam R. Gevorgyan (Yerevan, Armenia) - Candidate of Physical and Mathematical Sciences (Yerevan, Armenia), PhD in Physics (Dijon, France).
Lecturer, Faculty of Informatics and Applied Mathematics, French University in Armenia, UFAR.
Head of the Department of Education Quality Assurance and Management, ASPU.
Theorist Physicist/Researcher, Institute for Physical Research, NAS.
E-mail: mariamgevorgyan89@gmail.com

Acknowledgments: *I thank colleagues for valuable advice in the process of this research and editing the article and I thank the reviewers for their valuable suggestions.*

Contribution of the authors*. The authors contributed equally to the present research.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-111-118
УДК(UDC) 808.51

Nadya Sayadyan,
Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University,
Yerevan, Armenia
Саядян Надя,
Армянский государственный педагогический
университет имени Хачатура Абовяна,
Еревае, Армения

For citation: Sayadyan Nadya, (2022).
Deixis in Elizabeth II's Christmas Messages.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 111-118 (in USA)

Manuscript received 03/05/2022
Accepted for publication: 31/05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

DEIXIS IN EIIZABETH II'S CHRISTMAS MESSAGES

ДЕЙКСИС В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ПОСЛАНИЯХ ЕЛИЗАВЕТЫ II

Abstract:

This study aims to examine the types and peculiarities of deixis utilized in the Queen's Christmas messages. The data of the research is collected from the Christmas transcripts from 1952-2021. The basic method of analysis is Critical Discourse Analysis, which is based on Yule's theory and patterns of realization of deixis. The result of the research shows that deixis form an inseparable part in the Queen's Christmas messages transcripts. As for the absence of particular types of deixis like exclusive, "we" comes to ground the fact that the Queen stays loyal to her unique style and register-high style and Queen's English trying to remain the perfect model of a native-speaker in the eyes of her subjects. The wish to serve as an ideal leader not only for the people of the Commonwealth, but for those outside it serves as a basis for the Monarch to stay within the boundaries of face-saving strategies and norms and select a proper register for the sake of her authority. It can be concluded that Her Majesty performs these strategies to provide a face-saving act so as to minimize the negative reaction of the public and focus on the positive side of Christmas.

Keywords: Christmas discourse, high style, Queen's English, middle class audience, transparency, intelligibility, sociocultural competence, chronicle, deixis.

Аннотация:

Целью данного исследования является изучение типов и особенностей дейксиса, используемых в рождественских посланиях королевы. Данные исследования собраны из рождественских стенограмм за 1952-2021 годов. Основным методом анализа является критический анализ дискурса, который основан на теории Юла и схемах реализации

дейксиса. Результат исследования показывает, что дейксис составляет неотъемлемую часть стенограмм рождественских посланий королевы. Что касается отсутствия особых типов дейксиса, таких как эксклюзивное «мы», то это подтверждает тот факт, что королева остается верной своему уникальному стилю и высокому регистру, а королевский английский пытается оставаться в глазах идеальной моделью носителя языка из ее подданных. Желание быть идеальным лидером не только для людей Содружества, но и для тех, кто за его пределами, служит основой для того, чтобы Монарх оставался в рамках стратегий и норм, сохраняющих лицо, и выбрал правильный регистр ради ее авторитета. Можно сделать вывод, что Ее Величество применяет эти стратегии, чтобы сохранить лицо, свести к минимуму негативную реакцию публики и сосредоточиться на позитивной стороне Рождества.

Ключевые слова: рождественский дискурс, высокий стиль, королевский английский, аудитория среднего класса, прозрачность, разборчивость, социокультурная компетентность, хроника, дейксис.

I. Introduction

1.1The Notion of Deixis

One of important subfields of pragmatics is deixis, which denotes the relationship between the communicative act and the situation in which it takes place.

Deixis is a Greek word meaning pointing via language. Any linguistic form used to perform the function of pointing is called a deictic expression.

The term deixis covers the functions of personal and demonstrative pronouns, tense and a variety of other grammatical and lexical features. In order to emphasize the general features of deixis we would cite the words of Ch. Fillmore who said, “By deixis, is meant the location and identification of persons, objects, processes and activities talked about in relation to the spatial-temporal context created and sustained by the act of utterance and the participation in it of a single speaker and at least one addressee (Lyons 1977:636).

Deixis is an important field studied in pragmatics, semantics and linguistics. Deixis refers to the phenomenon wherein understanding the meaning of certain words and phrases in an utterance requires contextual information. Words or phrases that require contextual information to convey meaning are deictic. (Levinson, 1983:54)

Linguists acknowledge three main types of deixis: personal, temporal and spatial. In addition, Levinson suggests two more types: social and discourse deixis.

1.2 Personal Deixis

The general situation of the utterance is egocentric, i.e. it has a deictic centre in the sense that the speaker acquires the role of an ego and relates everything from his point of view. During the communication the role of the speaker is transferred from one participant to another, so that the deictic centre is constantly changing and has a transferred meaning depending on who is communicating and where and when the communication is taking place.

Person deixis is based on three-part division: first person (I), second person (you) and third person (he, she, it). In many languages the use of the pronouns indicating the speaker, addressee and other(s) is related to the social status, age and factors, which is described as social deixis. For example, the use of the personal pronoun for the second person plural may be used with reference to a single person. Expressions which indicate higher status are called honorifics. Thus, in German, French, Armenian, Russian the second person plural is used in reference to addressees of higher social rank, unfamiliar persons and older persons than the speaker. The English language does not observe this distinction. The American linguist Mencken writes that

English has “an output of pronouns so simple that one of them suffices to address the President of the United States or a child in arms”.

We can also speak of two types of “we”. There is an **exclusive we,** when the addressee is excluded, and **inclusive we** when the speaker and the addressee are included.

In deictic terms the third person (singular and plural) is not a direct participant in a communication act. But sometimes it may be used instead of the second person. It occurs for some ironic or humourous sake (Would His Excellency come and help me?”)

The distance associated with third person may be expressed by other pronouns as for example, when rebuking someone for not performing their duty (Somebody did not make the bed in the morning).

1.3 Spatial Deixis

Contemporary English has two deictic adverbs **here** and **there,** showing proximal and distant space respectively. There are some old forms which sound archaic: **younder** (more distant from the speaker), **hither** (to this place), **thence** (away from that place).

Some verbs of motion such as **come** and **go** express deictic meaning when they are used to show movement toward the speaker (Come to the blackboard!) or away from the speaker (Go to your seat!).

Demonstrative pronouns **this** and **that** and their respective plural forms can also indicate deictic category to show proximal and distant space or place. (This is a book and that is a notebook).

In some contexts, the adverbs *here* and there may lose their deictic meaning to some extent. For example, in *Papers were scattered here and there on the floor* the adverbs mean “in various places”.

Sometimes the deictic centre can be shifted. For example, if I am speaking on the telephone I may say “I’ll come there as soon I am free.”. In this case the deictic centre is shifted to the place where the hearer is located.

1.4 Temporal Deixis

The deictic centre of time is the adverb **now** having proximal temporal reference. Words and phrases expressing past and future refer to distal deixis (then, yesterday, last week, tomorrow, next month, etc.).

One form of temporal deixis is the choice of the verb tense. The present tense expresses proximal deixis, the past tense the distant deixis (I am a student now. I was a student then).

Deictic adverbs of time and place also undergo shifting: if the reporting verb is in the past tense the proximal adverbs are replaced by those of distal deixis. But sometimes they remain unchanged when they are relevant for the given time or space situation (She said she will be here in a minute).

1.5 Social Deixis

Social deixis is used to express social relationship between the speaker and the addressee. There are many aspects of language usage that depend on these relations. Obvious examples of such usage are polite pronouns, titles of address, honorifics (Your Honor), vocatives, such as, sir, madam, professor, captain, doctor. Other words which show intimate or friendly relations (dear, buddy, honey, etc.).

There are deictic forms attached to a social role (Your Majesty, Your Excellency). Polite pronouns (for example, Russian **Вы,** Armenian are used Դուք to show deference to an addressee, when the second person plural is used in reference to one person.

1.6 Discourse Deixis

Discourse or textual deixis concerns some portion of the discourse that signals its reference to the surrounding text. For example, the pronoun **this** can be used to refer to a forthcoming portion of the discourse **that** to a preceding portion: (This is what I am going to inform you. That was the most humourous story I have ever read).

There are other ways in which an utterance signals its relation to the surrounding text. For example, in *Naturally, he agreed to the terms t*he modal adverb *naturally* indicates that the utterance is logically connected with the previous events or state of things. There are many words and phrases that indicate relationship between an utterance and the prior discourse, such as *in conclusion, summing up, besides, therefore, however,* etc.

To sum up, the interpretation of deictic words depends on the context, the speaker's perception of facts and his intention. **Their pragmatic meaning consists in communicating more than is said.**

CHAPTER II
Analysis of Stylistic Devices Used in Christmas Speeches

❖ ***Personal Deixis (316 occurrences):***

✓ Today I am doing this to you, who are now my people. (1952)

✓ Above all, we must keep alive that courageous spirit of adventure that is the finest quality of youth; and by youth I do not just mean those who are young in years; I mean too all those who are young in heart, no matter how old they may be. (1952)

❖ ***Inclusive We (180 occurrences)***

✓ Above all, we must keep alive that courageous spirit of adventure that is the finest quality of youth; and by youth I do not just mean those who are young in years. (1952)

✓ If we can do these three things with courage, with generosity and with humility, then surely we shall achieve that "Peace on earth, Goodwill toward men" which is the eternal message of Christmas, and the desire of us all. (1952)

✓ Even so we need something more. We all need the kind of security that one gets from a happy and united family. (1958)

❖ ***Exclusive We***

✓ The angels came to frightened shepherds with hope in their voices: 'Fear not', they urged, '**we** bring you tidings of great joy, which shall be to all people. For unto you is born this day in the City of David a Saviour who is Christ the Lord.' (2011)

The examples of inclusive "we" come to ground the fact that the Queen always does her best to assure her subjects that she cares about them and suffers from any misfortune of theirs. She tries to assure everybody that she is a member of their families. On the contrary, examples of exclusive "we" have not been observed except for the couple of instances quoted from the carols.

❖ ***Spatial deixis (64 occurrences)***

Examples with Proximal Space Deixis

✓ That spirit still flourishes **in this old country** and in all the younger countries of our Commonwealth. (1952)

✓ Christmas on **this side of the equator** comes at the darkest time of the year: but we can look forward hopefully to lengthening days and the returning sun. (1974)

✓ There are many serious and threatening problems **in this country** and in the world but they will never be solved until there is peace in our homes and love in our hearts. (1986)

✓ **In this country** and throughout the Commonwealth there are groups of people who are giving their time generously to make a difference to the lives of others. (2002)

Examples with Archaic Forms

✓ "Though with great difficulty I am got hither, yet now I do not repent me of all the trouble I have been at to arrive where I am. 91957)

Examples with Deictic Adverbs, Phrases

✓ People of goodwill **everywhere** are working to build a world that will be a happier and more peaceful place in which to live. (1966)

✓ Many ideas are being questioned today, but these great truths will continue to shine out as the light of hope in the darkness of intolerance and inhumanity. (1968)

✓ Here are the angels, bringing the glad tidings to the shepherds, who listen attentively. Down here, where baby Jesus lies in the stall, you can see Mary and Joseph, watching over him, quite unmoved, it seems, by the man playing the bagpipes overhead. (1988)

✓ Every year we herald the coming of Christmas by turning on the lights. And light does more than create a festive mood —light brings hope. (2020)

❖ ***Temporal deixis (45 occurrences)***

Deictical forms expressed by time adverbials

✓ **Today** I am doing this to you, who are now my people. (1952)

✓ To that new conception of an equal partnership of nations and races I shall give myself heart and soul **every day** of my life. (1953)

✓ I wished to speak of it from New Zealand **this Christmas Day** because we are celebrating the birth of the Prince of Peace, who preached the brotherhood of man. (1953)

✓ My beloved grandfather, King George V, in one of his broadcasts **when I was a little girl**, called upon all his peoples in these words: "Let each of you be ready and proud to give to his country the service of his work, his mind and his heart." (1955)

✓ **Today** is another landmark because television has made it possible for many of you to see me in your homes on Christmas Day. (1957)

✓ **Now** we can all say the world is my neighbour and it is only in serving one another that we can reach for the stars. (1962)

✓ Some speak **today** as though the age of adventure and initiative is past. (1964)

✓ **Every year** the familiar pattern of Christmas unfolds. (1965)

✓ Many ideas are being questioned **today**, but these great truths will continue to shine out as the light of hope in the darkness of intolerance and inhumanity. (1968)

✓ My message **today** is one of encouragement and hope. (1974)

✓ **Today** we are not just nameless people in a crowd. (1975)

✓ My hope **this Christmas** is that the Christian spirit of reconciliation may burn as strongly in our hearts during the coming year. (1977)

✓ **Today** we celebrate the birth of the child who transformed history and gave us a great faith. (1979)

✓ Only **then** can we make the message of the angels come true: 'Peace on earth, goodwill towards men'. (1983)

✓ **This year** I hope we will continue to remember the many innocent victims of violence and intolerance and the suffering of their families. (1987)

✓ **Nowadays** there are all too many causes that press their claims with a loud voice and a strong arm rather than with the language of reason. (1990)

✓ **This Christmas** we can take heart in seeing how, in the former Soviet Union and Eastern Europe, where it has endured years of persecution and hardship, the Christian faith is once again thriving and able to spread its message of unselfishness, compassion and tolerance. (1991)

✓ "Yet in thy dark streets shineth the everlasting light. The hopes and fears of all the years are met in thee **tonight.**" (1993)

✓ **This Christmas**, as we pray for peace at home and abroad - not least in Russia itself - we can also give thanks that such cathedrals and churches will be full and that the great bells, which greeted us, will be ringing out to celebrate our Saviour's birth. (1994)

✓ At the centre of our lives - **today and tomorrow** - must be the message of caring for others, the message at the heart of Christianity and of all the great religions. (1999)

✓ It is a simple message of compassion... and yet as powerful as ever **today**, two thousand years after Christ's birth. (2000)

✓ **Now today**, of course, marks the birth of Jesus Christ. (2007)

✓ One cause for thankfulness **this summer** was marking 70 years since the end of the Second World War. (2015)

✓ **Today,** we celebrate Christmas, which, itself, is sometimes described as a festival of the home. (2017)

✓ Yet **this year** we marked the fiftieth anniversary of the famous Apollo 11 mission. As those historic pictures were beamed back to earth, millions of us sat transfixed to our television screens, as we watched Neil Armstrong taking a small step for man and a giant leap for mankind -- and, indeed, for womankind. (2019)

✓ **This year** we marked another important anniversary: D-Day. (2019)

✓ **This year**, we celebrated International Nurses' Day, on the 200th anniversary of the birth of Florence Nightingale. (2020)

✓ **Today**, our front-line services still shine that lamp for us - supported by the amazing achievements of modern science - and we owe them a debt of gratitude. (2020)

✓ This wonderful story of kindness is still as relevant **today**. (2020)

As can be seen from the examples stated above, the Queen uses the adverbial modifiers of time "today" and "tomorrow" rather frequently, because she always spreads the idea of tolerance, eagerness to help each other and constant hope for a better future.

Her Majesty's Christmas messages serve as a chronicle of the past events. The fine example of this is the frequent use of the deictical phrase "this year".

Deictical forms expressed by special prepositions:

✓ **Each Christmas, at this time**, my beloved father broadcast a message to his people in all parts of the world. (1952)

✓ Particularly **on this day of the family festival** let us remember those who like the Holy Family before them - have been driven from their homes by war or violence. (1956)

✓ **Every year at this time** the whole Christian world celebrates the birth of the founder of our faith. (1961)

✓ **At this time** our concern is particularly for the lonely, the sick and the elderly. (1969)

✓ **In this Christmas** spirit, let us greet all our fellow men and join in this festival of tolerance and companionship. (1972)

✓ **At this time of the year**, Christians celebrate the birth of their Saviour, but no longer in an exclusive way. (1982)

✓ Christmas is the celebration of the birth of the founder of the Christian faith, an event which took place almost 2000 years ago; **every year, at this time**, we are asked to look back at that extraordinary story and remind ourselves of the message which inspired Christ's followers then, and which is just as relevant today. (1995)

The Queen always says that Christmas is a time for family reunion. She highlights the importance of this special event as a reason for all the families to gather together and celebrate the birth of our Saviour. She introduces family as an isolated island in the troubled world.

Past	***Present***	***Future***
When I was a little girl (1 occurrence)	Today (11 occurrences)	Tomorrow (1 occurrence)
	Every year (3 occurrences)	
	At this time (5 occurrences)	
	now/ each Christmas/ nowadays /in this Christmas (1 occurrence)	

❖ **Social deixis (5 occurrences)**

✓ For all the inhumanity around us, let us be grateful for those who have received him and who go about quietly doing their work and **His** will without thought of reward or recognition. (1993)

✓ I never thought it would be possible in my lifetime to join with **the Patriarch of Moscow** and his congregation in a service in that wonderful cathedral in the heart of the Moscow Kremlin. (1994)

✓ This Christmas, as we pray for peace at home and abroad - not least in Russia itself - we can also give thanks that such cathedrals and churches will be full and that the great bells, which greeted us, will be ringing out to celebrate our **Saviour's** birth. (1994)

✓ If we resolve to be considerate and to help our neighbours; to make friends with people of different races and religions; and, as our **Lord** said, to look to our own faults before we criticise others, we will be keeping faith with those who landed in Normandy and fought so doggedly for their belief in freedom, peace and human decency. (1994)

✓ I would like to read you a few lines from 'Pilgrim's Progress', because I am sure we can say with **Mr. Valiant for Truth**, these words. (1957)

Surprisingly enough social deixis and the way it occurs in speech transcripts come to support the assumption that Christmas speeches tend to possess the peculiarities of written discourse more than those of spoken one. The use of capital letters is a vivid example of the latter.

❖ **Discourse deixis (6 occurrences)**

✓ Already, **indeed**, in the last half-century it has proved itself the most effective and progressive association of peoples which history has yet seen; and its ideal of brotherhood embraces the whole world. (1953)

✓ **On the contrary**, never have the challenges been greater or more urgent. (1964)

✓ **Of course,** it is right that people should hold their beliefs and their faiths strongly and sincerely, but perhaps we should also have the humility to accept that, while we each have a right to our own convictions, others have a right to theirs too. (1987)

- ✓ The birth of Jesus **naturally** turns our thoughts to all new-born children and what the future holds for them. (2006)
- ✓ Now today, **of course**, marks the birth of Jesus Christ. (2007)
- ✓ **Of course**, for many, this time of year will be tinged with sadness: some mourning the loss of those dear to them, and others missing friends and family-members distanced for safety, when all they'd really want for Christmas is a simple hug or a squeeze of the hand. (2020)

Having in mind the fact that the Queen's Christmas message, in fact, is a discourse, the presence of discourse deixis is turns to be rather natural in her Christmas speech transcripts.

Conclusion

The Queen's Christmas messages encompass a plenty of deixical expressions, which is natural in the way that deictic words are a crucial element in the context of the utterance.

- As the analysis shows, Her Majesty's Christmas messages are rich in personal deixis. The examples of inclusive "we" come to ground the fact that the Queen always does her best to assure her subjects that she cares about them and suffers from any misfortune of theirs. She tries to assure everybody that she is a member of their families. On the contrary, examples of exclusive "we" have not been observed except for the couple of instances quoted from the carols.
- As religious events connected with the special celebration of Christmas are one of those topics, which reoccur in almost all the speeches delivered annually, quotations from the Bible, carols serve as a source of some archaic forms, which are presented as special deixis.
- Like any other oral speech, Her Majesty's Christmas speeches also encompass discourse deixis, because they are so to say the mixture of written and spoken discourse, as they are officially pre-published and pre-recorded, therefore, tend to possess the peculiarities of written discourse. But, in fact, they are delivered orally, consequently they cannot be absolutely free from the elements and peculiarities of spoken discourse i.e. hedging, discourse deixis, etc.
- Social deixis needs a special attention to be paid as they come to prove the assumption that, in fact, Christmas speeches are keen on possessing the peculiarities of written discourse more than those of the spoken one, i.e. the peculiarities of written discourse have privilege over those of spoken one and the way special deictic words occur in the transcripts is a vivid example of this-they are written with a capital letter.

References:

1. Fillmore, C. J. (1997) *Lectures on Deixis* . Stanford, CA: CSLI Publications.
2. Levinson, S. C. (1983) *Pragmatics* . Cambridge: Cambridge University Press.
3. Paronyan Sh. (2012) Pragmatics. Yerevan University Press, pp. 89-95
4. Yule G. Pragmatics (1996), Oxford University Press,pp. 10-15
5. Yule G. (2006) The Study of Language. Cambridge University Press, pp. 127-133

Infornation adout the author:

Sayadyan Nadya (Yerevan, Armenia) *– MA student, Faculty of Foreign Languages, Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University, e-mail: sayadyannadya-10@aspu.am*

Acknowledgments: *I thank colleagues for valuable advice in the process of this research and editing the article and I thank the reviewers for their valuable suggestions.*

Contribution of the author. *The author contributed equally to the present research.*

DOI:10.24412/2470-1262-2022-2-119-125
УДК (UDC) 008+070(47+57)

Inga Shamilishvili,
Batumi Shota Rustaveli State University,
Batumi, Georgia
Irma Gabinashvili,
Batumi Shota Rustaveli State University,
Batumi, Georgia
Шамилишвили Инга,
Батумский государственный
университет имени Шота Руставели,
Батуми, Грузия
Габинашвили Ирма,
Батумский государственный
университет имени Шота Руставели,
Батуми, Грузия

For citation: Shamilishvili Inga, Gabinashvili Irma, (2022).
Cultural Aspects of the Post-Soviet Regional Print Media.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2, (2022), pp. 119-125 (in USA)

Manuscript received: 10/04/2022
Accepted for publication: 31/05/2022
The authors have read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

CULTURAL ASPECTS OF THE POST-SOVIET REGIONAL PRINT MEDIA

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТНОЙ СМИ

Abstract:

Media, as a cultural and social text, defines the technological, economic, spatial and cultural criteria of the information society. Culture, as a discourse, creates the public mood and shapes its taste through specific types of communication. Media, like culture, demonstrates its goals through the use of verbal, acoustic and visual icons / images. Thus, culture is like a performance. It is inspiration for the media in the ongoing process of the world development.

The object of the research is the cultural narrative of the Georgian media in the late 1980s and early 1990s. More specifically, the article deals with the transformation of the existing trends in the Adjara region and the process of formation of a new reality. The focus is on the factor of social change - trauma (Shtompka, 2004), inasmuch as the difficulties of the post-Soviet period entered the Georgian media agenda with particularly painful events.

As we see, the media of that time actively used literary texts, poetry and prose rubrics. Reiteration of certain fragments and emphasis on certain facts aimed at uniting the society

around common challenges and recurring tragedies. The cultural codes accumulated in the Georgian society clearly fitted into cultural meanings. The new trend established in the regional media, combined different types of journalistic material reflecting current processes and objective reality. This trend, like critical realism, aimed to lustrate the vicious sides of society for the reader. It should be noted that each style and sub-style of journalistic work had an informative, analytical and artistic-publicist direction, more precisely - genres.

Analysis of the regional papers of 1980-1990s showed the role of the media in Adjara region - how it tried to transform the reality and form a new reality in Post-Soviet Georgia. We have observed the importance of literary texts and publicist letters in the process of rethinking new data. The regional governmental publication "Soviet Adjara," published in 1980-1990, clearly reflected the content of the regional official print media policy, public sentiments, the disintegration of the common fabric of values and the beginning of inevitable changes. Regardless of the format of the print editions, they still reflect certain cultural aspects and the combination of the media texts is a cultural characteristic of the given epoch.

Keyword: media, culture, region, texts, narrative

Аннотация:

Медиа как культурный и социальный текст определяет технологические, экономические, пространственные и культурные критерии информационного общества. Культура, как дискурс, направляет общественное настроение и в то же время формирует его вкусы с помощью специфических коммуникаций. Медиа, как и культура, демонстрирует свои цели с использованием вербальных, акустических, визуальных образов, и поэтому культура как перформанс рассматривается как движущая сила непрерывного развития.

Цель исследования – культурный нарратив грузинских СМИ конца 80-х - начала 90-х годов XX века, конкретно трансформация существующих тенденций и процесс формирования новой реальности в Аджарии; В центре внимания находится фактор социальных изменений - травма (Штомпка, 2004), поскольку трудности постсоветского периода болезненными событиями вошли в повестку дня грузинских СМИ.

СМИ того времени активно использовали художественные тексты, литературные произведения, поэзию, прозаические рубрики и медиатекст, чтобы постоянно объединять аудиторию, напоминая и подчеркивая актуальные фрагменты общих проблем и повторяющихся трагедий. В грузинском обществе накапливались культурные коды, которые часто выражались в эмоциях, четко соответствующих культурным смыслам.

Интересна новая тенденция, сложившаяся в региональных СМИ, сочетающая в себе разнотипные журналистские материалы, отражающие текущие процессы и объективную действительность. Это течение, как и течение критического реализма, стремится осветить перед читателем порочные стороны общества. Следует отметить, что каждый стиль и подстиль журналистской работы имеет информативную, аналитическую и художественно-публицистическую направленность, точнее даже-жанровую.

Культурный контекст СМИ, отраженный в газетах региональной прессы 1980-х и 1990-х годов, показал роль СМИ Аджарского региона в процессе трансформации и формирования новой реальности в постсоветской Грузии прошлого века. Региональное правительственное издание «Советская Аджария», выходившее в 1980-90-х годах, хотя и аффилировано с различными учреждениями, но четко отражает содержание региональной политики официальных печатных изданий, общественные настроения, распад общей ткани ценностей и начало неизбежные изменения.

Ключевые слова: Медиа, культура, регион, текст, нарратив.

Introduction

Media, as a cultural and social text, defines the technological, economic, spatial and cultural criteria of the information society. Culture, as a discourse, creates the public mood and shapes its taste through specific types of communication. Media, like culture, demonstrates its goals through the use of verbal, acoustic and visual icons / images. Thus, culture is like a performance. It is inspiration for the media in the ongoing process of the world development.

The object of the research is the cultural narrative of the Georgian media in the late 1980s and early 1990s. More specifically, the article deals with the transformation of the existing trends in the Adjara region and the process of formation of a new reality. The focus is on the factor of social change - trauma (Shtompka, 2004), inasmuch as the difficulties of the post-Soviet period entered the Georgian media agenda with particularly painful events.

Literature Review

The National Liberation Movement, which intensified after the tragic events of April 9, 1989 (dispersal of peaceful protesters by the Soviet army in Tbilisi), turned the country back to the history, giving impetus to the representation, remembrance and rethinking of past tragedies and battles. After April 9, the contours of a new, non-Soviet future were revealed, the best result of which was April 9, 1991 (restoration of Georgia's independence). The events occurring in the country took the society into a new dimension. In the process of perceiving and rethinking April 9, old and new moods of the society were linked and shifted from the informal to the public space. From this point of view, Nugzar Japaridze's article “I Have Innumerable Possessions” ("Soviet Adjara" №103, 1989) is particularly interesting. The author of the article skillfully uses the method of collective memory (Halbwax, 1992) to support his views and tries to express regret by emphasizing representative forms, reminding the public of the problem by reproducing specific narratives and icons. In addition to the main topic (April 9), mass gatherings include a topic that is relevant to different types of society. In the speeches of individual speakers, the following narratives were heard: “Years and decades will pass, new generations will come and read the bloodstained history of the struggle for freedom. We will all remember April 9, 1989, the day when the Georgians woke up, united and turned themselves towards one flag” ("Soviet Adjara", №68, 1990). The theory of collective / cultural trauma can be used as a theoretical framework for the discussion of the article. According to J. Alexander, events and facts will acquire the effect of cultural trauma, only if trauma-bearing groups emerge. Trauma should have the form of a universal narrative. The narrative will be successful if attention is directed towards the nature of the pain and victim, connection the trauma victims to a wider audience, sharing responsibility. The narrative must show that the traumatic event affected not only one group, but the whole society. The narrative should reveal who is the culprit, who is responsible for what happened (Alexander, 2004). Reading Georgia's recent history in the light of protests is an important perspective that can make a significant contribution to understanding and evaluating recent history, even though the events of April 9 developed in Soviet Georgia.

April 9, 1989 is distinguished in terms of form, content or outcome, as it is motivated by an aroused sense of national identity. The symbols, banners, slogans, vocabulary of speakers, historical figures or religious symbols used at the rallies repeat the form and content of the protest rallies in Soviet Georgia. At the demonstrations, Kakutsa Cholokashvili was portrayed as a soldier fighting against the Soviet occupation. Flying of the Georgian national flag revived the memory of 1918 when the first democratic republic of Georgia was established. The cross, the symbol of the "redemption of the world" was also frequently used. According to American sociologist Eviatar Zerubavel, "Collective memory is common to families, ethnic groups, nations, and other mnemonic entities" (Zerubavel, 2004). Collective memory is not a mere collection of personal memories of members of any unity. It includes memories that are common to all members of a group. These techniques are often used in political rhetoric. Not only was the

political space saturated with this pathos, but the creative area as well: literary works, publicist materials and the periodical press. The newspaper "Soviet Adjara" was no exception. Authors of the articles reflected objective reality, retold real stories and presented journalistic products saturated with elements of artefacts and mythology. Based on the analysis of newspaper publications of this period, it can be assumed that the events of the 1990s can clearly be placed within the narrative of Shtompka's "Victory Trauma." The events depicted in the articles have all the features of cultural trauma. According to Shtompka "only traumatic, sudden, fundamental and unexpected events can be considered as traumatic" (Shtompka, 2004: 157-158). In the materials of the newspaper "Soviet Adjara" (1989-1991), emotions like joy, sorrow and mourning were mingled. Here we can distinguish the method of turning the trauma into a triumph" (Volkan, 2007). On April 9, 1991, at a special session of the Supreme Council of the first convocation, the President read the results of the "Independence Referendum" held on March 31 and said that Georgia would restore state independence and occupy a worthy place within the world community. The final sentence of this historical statement echoes the prevailing sentiment in the society, which turned the "trauma into a triumph" (Volkan, 2007). The process of replacing the tools of ideological domination of the Georgian media freed from Soviet censorship was connected to the publicist texts having literary content. “The media may not dictate people what to think, but it can dictate the audience" (Cohen, 1995). During epochal changes, the media helps the public, as it becomes a cursor to timely describe events in a language understandable to the masses and deliver the right messages to its customers during the giant transformations. However, the unique ability of the media to create specific environment and give a media event a subjective character is an even more important part of the process that is caused by a unified influence of the media.

When dominant values repeat the views of a common discourse or position in different ways, they are given natural undertones through the media. In such cases, the media has a dominant role - to reach public consensus (Hall, 1980). Umberto Eco's words "Signs of the postmodernist vision are peculiar to all eras in times of spiritual crisis" (Eco, 2012) reflect the message of the national narrative. In the 1990s, there was formation of different attitudes, events were perceived in a different way, there was propaganda of non-Soviet rules. These aimed at accelerating the process of formation of new thought systems in order to overcome the collapse of the Soviet ideology. The influx of information and media introduced a tendency to expel reality from the public life. The policy of publications of this period corresponded exactly to all the main signs of the postmodern era and was formed as: deconstruction, uncertainty, ambiguity, fragmentation, the death of the author, author's mask, creation of a new type of reader, intertextuality… There was a need of rethinking Postmodern sensitivity and understanding the Universe as a universal text. Literary reflections voiced in the media in the early 1990s gave way to existential fear. Media narratives of public condemnation united the Georgian society around the idea of freedom. The literary narrative related to the political discourse focused on a new era, new dates and cultural-literary tendencies: Representation of new names, faces, events and dates led to a subconscious path that demanded the return of the new or well-forgotten old names and facts, revival of symbols, etc. Newspaper portraits, essays published in “Adjara” brought to life the names of the national heroes and historical figures. Together with the names of Iakob Gogebashvili, Akaki Tsereteli, Ilia Chavchavadze, the names of Adjara liberators were frequently mentioned. Articles and literary texts published in “Adjara” described the political and cultural life of the Georgian Democratic Republic. The recollection of past events and personalities formed the basis for the creation of a new narrative. For this purpose, the bridge was built between the present and the Democratic Republic of Georgia. May 26, 1918 - the Independence Day of Georgia was evaluated as the glorious achievement of the Georgian people.

After April 1989, emotions like pain, anger, grief, mourning “reigned” in the society. These were the first reactions of the public that created the collective memory of the Georgian society. Vygotsky (1981, 1987), Bakhtin (1986) and Taylor (1985) focused on how individuals interact with each other in the process of giving meaning to facts and events, how they use the "cultural tools" that equip them with their own social and cultural environment. In the study of history and memory issues, it is language and narratives that attract particular attention. In Georgia, as in other counties of the Soviet Union, in the post-1989 period, the wave of "active oblivion" of the Soviet past (Assman, 2011) started with the disappearance of monuments and memorials. This process was characterized by agitated mood, which became an integral part of the collective memory of the people and took on the character of Nora's "revenge.” These events were memorable with equally relevant and spectacular elements for all parts of the country, especially the regions where civic positioning captured the public attention with loud activities. After the collapse of the Soviet Union, the escalation of nationalist sentiments pushed many citizens and politicians towards destruction of Soviet art. Most often the targets of the demolition were the monuments of Lenin and Stalin. In this regard, one of the best examples is M. Chokharadze's short story "Monument" ("Adjara", №75, 1991) printed on the pages of the newspaper "Adjara." The short story tells the story of demolition of Lenin monument in one of the villages of Georgia. The story clearly shows the protagonist's attitude towards the past, thus showing the result of the interaction of history and memory. According to Pierre Nora's conceptual framework, the main purpose of such a process is to stop time, embody the intangible, and combat the process of forgetting (Nora, 1989). A place of memory can be any place where people search for the meaning of history or try to relate their own family history to some idea of national or global scale. It is noteworthy to recollect the author’s (M. Chokharadze) own words: "Someone cursed him (Lenin) in his childhood not to be buried after death. He is already dead but no one intends to bury him." This sentence reminds us a famous Georgian film "Repentance" (T. Abuladze, 1986) and draws the reader's attention to the fact that the personalities that dominate modern Georgia no longer rule, and it is the mission of young people to convey this information to the public ("Adjara", №75, 1991). This artificially constructed reception was stemmed from a specific socio-political context; the breakdown of broad narratives in the new information age led many nations to reconstruct nature and content of former leaders, prominent figures and symbols (names of cities, streets, institutions).

Materials and Methods

The paper focuses on the synthesis of media and national thought, as the relationship between the public and the media. Description of media texts from 1989-1991 are linked to the ongoing social, economic and political changes in the country. Research methodology is complex and includes: historical, functional, typological and structural methods. Content analysis and case study (April 9, 1989) have also been used. The newspaper “Soviet Adjara” (regional print publication of the 1980-1990) has been used as an empirical material.

The print media of 1980-1990 is varied. Ideological influences of the Soviet era are distinguished in the reports of the ALCC, SCCP congresses and speeches of the officials. Alongside with them we find analytical articles of an ideological nature, which clearly outline the consequences of current and ongoing trauma undertaken by the public. J. Alexander says that when the public or individual environment suddenly changes, it becomes more and more common for actors to talk about the trauma they have endured. The current social activities in Adjara region begin with the transformation of trauma into a social event. In this regard, the first sanctioned public speeches on the pages of the newspaper "Soviet Adjara" became the most effective and resonant platform for the self-expression of the members of the national movement at that time.

Results and Discussion

As we see, the media of the period under study actively used literary texts, poetry and prose rubrics. Repetition of certain fragments and emphasis on certain facts aimed at uniting the society around common challenges and recurring tragedies. The cultural codes accumulated in the Georgian society clearly fitted into cultural meanings. The new trend established in the regional media, combined different types of journalistic materials reflecting current processes and objective reality. This trend, like critical realism, aimed to lustrate the vicious sides of the society for the reader. It should be noted that each style and sub-style of journalistic work had an informative, analytical and artistic-publicist direction, more precisely - genres.

While talking about the printed media, a considerable attention should be paid to the study of the linguistic means and stylistic devices. Attention is drawn to the media expressions and language of the epoch, technological capabilities and the words, the meanings of which depend on where and when, in what context they were used. The media uses words that give power to verbal acts. No matter how understandable the discourse of the newspaper material is, the reader is still an active participant in constructing the meaning of the text. "The reader not only decodes characters and meanings, but searches for the codes needed to understand the discourse "(Hall, 1980). The reader examines the mythical meanings generated by the accents of the text. He/ she is not only the user of the coded meanings but is the creator of the default story in the text.

Along with reviews, sketches, portraits, feuilletons, we often find pieces of poetry saturated with ideological sentiments on the pages of the newspaper. Here we find worries about the consequences of the chaotic situation in the country, the change of people, the fragility of moral qualities.

Conclusion

Analysis of the regional papers of 1980-1990s showed the role of the media in Adjara region, how it tried to transform the reality and form a new reality in Post-Soviet Georgia. We have seen the importance of literary texts and publicist letters in the process of rethinking new data. The regional governmental publication "Soviet Adjara," published in 1980-1990, clearly reflected the content of the regional official print media policy, public sentiments, the disintegration of the common fabric of values and the beginning of inevitable changes. Regardless of the format of the print editions, they still reflect certain cultural aspects, and the combination of the media texts is a cultural characteristic of the given epoch.

References:

1. Alexander Jeffrey C; "Cultural Trauma and Collective Identity". University of California Press, Published to California Scholarship Online: March 2012;
2. Assmann J., "Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination," Cambridge University Press, 2011;
3. Bakhtin M. M., "Forms of Time and Chronotope in the novel," "Literary-Critical articles" (121-122) Moscow, 1986;
4. Cohen S., "State Crimes of Previous Regimes: Knowledge, Accountability, and the Policing of the Past. Law & Social Inquiry 7-50, 1995;
5. Covach B., Rosenstal B. "Elements of Journalism. What should journalists know and what is expected by the society," Printing Press "Impress", Tbilisi, 2006.
6. Halbwachs M., "On Collective Memory," Chicago, USA, 1992;
7. Karumidze Z., "Post-Soviet Georgia and Postmodernism," 2011;
8. Mcluhan M., "Understanding Media," The Extensions of man, 1964;
9. Moll A., "Socio dynamics of Culture," Moscow, 1973.
10. Nora, Pier. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire, University of California press. 1989;

11. Nora P.,"Between Memory and History"/ The Regents of the University of California. 2002;
12. Sztompka, P., "The Trauma of Social Change," University California Press Ltd. London (pp.300-345), 2004;
13. Volkan, Vamik. "Massive Trauma. Review of French Psychoanalysis," 2007;
14. Zerubavel E., "Time Maps, Collective Memory and the Societal Shape of the Past," Chicago and London, 2004;

Other Sources:
1."Adjara", 1991, № 61,65, 75, 76,85,87,89,94,100;
2."Soviet Adjara" 1989, №.83,84, 85,86,87,96,99,100,103,112,120;
3."Soviet Adjara" 1990, №61, 66,67, 68,70, ,82, 86,92,93,112,115;
4."Georgian Communist" 1990; №87,122;
5."Georgian Republic" 1991, №18,98,70;
6. Informative bulletin "Chronic" 1991; №2, 3, 4;
7.Literary Journal "Chorokhi" 1991; №2,3,4.

Information about the authors:

Shamilishvili Inga (Batumi, Georgia) *- Candidate of Philological Sciences; PhD; Associate Professor at the Department of Georgian Philology at Batumi Shota Rustaveli State University, Batumi (Georgia); a participant of several grant projects, including Grant project of the Ministry of Foreign Affairs of Bulgaria "Sharing Bulgarian experience for the Capacity building of Batumi Shota Rustaveli State university"; USAID- Basic Education Program; U.S Embassy Democracy Commission Small Grant Program and Journalism research Center project "Learn Journalism Online; Grant agreement of the University of Ruse for Erasmus+ staff mobility for teaching between Program and Partner Countries; Has completed an internship in Media Education Program funded by the U.S. Department of State, administered by the Public Affairs Section of the U.S. Embassy - in Chicago, USA; has participated in 20 international conferences and published 20 research papers.*
E-mail: inga_shamilishvili@bsu.edu.ge

Gabinashvili Irma (Batumi, Georgia) *– PHD; was a member of Digital Humanities, an International Doctoral Program at Goethe University Frankfurt; works at Information Center on NATO and EU, Ministry of Foreign Affairs of Georgia, a representative of the Adjara Regional Bureau; engaged in pedagogical activity at Batumi State University as an invited senior teacher, where she leads educational program "Communication-Presentation Skills and Abilities" and innovative educational course "Strategic Communication and Policy". She has completed various certificate and educational courses and was involved in various international projects; the author of 7 research papers on Media and Culture Policy Studies.*
E-mail: Irma.gabinashvili@bsu.edu.ge

Acknowledgements: *The authors are grateful for the review and suggestions.*

Contribution of the authors. *The authors contributed equality to the present research.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-126-132
УДК(UDC) 37.026.5

Irina V. McGuinn,
Teacher of Russian language
as a foreign and second native,
at British International School of Houston, USA

Макгуинн Ирина В.,
учитель русского языка
как иностранного и второго родного
в Британской Международной Школе
г. Хьюстон, США

For citation: McGuinn Irina V., (2022).
Application of the new technologies: Augmented Reality and Virtual Reality in Education.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2, (2022), pp. 126-132 (in the USA)

Manuscript received: 10/04/2022
Accepted for publication: 31/05/2022
The authors have read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

APPLICATION OF THE AUGMENTED AND VIRTUAL REALITY IN EDUCATION

ПРИМЕНЕНИЕ ДОПОЛНЕННОЙ И ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ

Abstract:

In the times of rapidly developing information technologies, it is of utmost importance to introduce augmented [AR] and virtual reality [VR] into education that should be at the forefront of all the spheres of our daily life. The article covers definitions of virtual reality and augmented reality, the conditional distinction between academic types of virtual reality, such as virtual excursions, educational apps to download, and VR platforms with examples and listed applications available, the benefits of introducing VR/AR into education and the change of the teacher's role in a new digital environment. One of the new technologies introduced to education is augmented reality. AR adds 3D objects to our reality using a smartphone or iPad. The article provides applications used as instruments for creating 3D objects and content and the apps for learning musical instruments, foreign languages, biology: animals, plants, the human body, etc. Future insight on the benefits of using VR/AR in education sums up the article.

Keywords: new technologies, virtual reality, VR/AR applications/apps, virtual tours, 3D objects, educational VR platforms, augmented reality.

"Я никогда не учу своих учеников, я только пытаюсь
создать условия, в которых они могут учиться."
Альберт Эйнштейн

Введение

Дополненная и виртуальная реальность играют важную роль в сегодняшнем мире. При вынужденных мерах по переходу в онлайн формат во время пандемии эта роль возросла ещё больше. Например, с помощью таких инструментов дополненной и виртуальной реальности, как Google Expeditions, у обучающихся, не выходя из класса, появилась возможность перенестись в любую историческую точку мира или глубже понять сложные предметы и феномены, которые сложно объяснить с помощью текстов, двухмерных изображений или видео. Ведь на протяжении истории образования способы обучения кардинально не менялись. Долгое время обучение передачи учителем фактов и знаний путём чтения лекций являлось традиционным подходом в образовании. Подготовка к тестам и экзаменам, как контролю знаний, слушание лекций и попытка визуализировать историю или географию с помощью учебника – типичная практика в классе. Внедрение виртуальной реальности позволяет учащимся получать более увлекательный и захватывающий опыт обучения. [5]

Виртуальная реальность

Если задуматься, сегодняшние школьники, уже родившиеся в бум интернет-технологий, лучше знакомы с информационными технологиями, ежедневно взаимодействуют с ними, применяют их и открыты к внедрению появляющихся на международном рынке новых IT инноваций. Первая возникающая ассоциация о виртуальной реальности связана с играми и развлечением. Сами IT дизайнеры и конструкторы рассматривают виртуальную реальность как продолжение игровой индустрии, ведь виртуальная реальность исторически была посвящена играм. Однако в настоящее время тенденции меняются. Согласно недавнему опросу, проведенному Greenlight VR, стремление к образованию перевешивает стремление к игровому контенту — 63,9% против 61%. [1]

В современных школах обучение проходит не только с помощью традиционного чтения-письма с помощью ручек-тетрадок и книг. Печатные книги постепенно замещаются электронными ebooks, презентациями Power Point. С помощью IT инструментов, компьютеров, ipads - планшетов, смартфонов детей обучают необходимым в глобальном профессиональном мире навыкам:

- компьютерной грамотности – элементарных знаниях о работе на компьютере,
- исследовательской деятельности – умение находить необходимую информацию с помощью компьютера в сети Интернет,
- проектной деятельности – в результате которой необходимо рассказать, продемонстрировать свой проект в виде презентации Power Point / Google Slides / Apple Key Notes / Canva,
- написанию и оформлению доклада, реферата, отчёта, эссе в электронном виде,
- при самостоятельном обучении умению пользоваться:

- поисковыми службами Google / Yandex / Yahoo / Bing, электронной почтой, электронными библиотеками и электронными хранилищами, такими как iCloud, Google Drive, Dropbox, Yandex disk, Mail Cloud и др.;
- необходимыми образовательными приложениями Grammarly.com, Gramota.ru, text.ru, Grammarly и средствами связи, например, WhatsApp, Messenger, Telegram, а также Zoom, Skype, Viber, Google Hangouts, Microsoft Teams с возможностью чата и видеозвонков;
- образовательными платформами LMS, возможно такими как: Google Classroom, Moodle, Blackboard, CenturyTech, ClassDojo, Edmodo, EkStep, Schoology, Seesaw, Skooler, ZenClass, Yandex class;

- массовыми открытыми ресурсами онлайн-курсами (MOOC): Coursera, EdX, University of the People, Future Learn, Canvas, СПбГУ, НИУ ВШЭ, Arzamas.academy, Stepik, «Открытое образование», Ulearn.me, «Лекторий», «ПостНаука», «Универсариум», «Академия Хана», «Лекториум», «Интуит», «Открытый университет», 4Brain, Vector, «Эрмитажная академия», Lingust, Teach-in, HTML Academy, «Яндекс.Практикум», Udemy, Microsoft Learn, Duolingo, Lang–8, Mondly AR;
- учебными материалами, направленными на самостоятельную работу: Byju's, Discovery Education, Khan Academy, KitKit School, LabXchange, OneCourse, Quizlet, Kahoot!, YouTube, [https://ru.unesco.org/node/320923]

Применительно к образованию новые технологии виртуальной реальности условно можно разделить на обучающие инструменты: виртуальные экскурсии с обзорными панорамами, образовательные платформы для совместной коммуникации и интерактивные образовательные приложения (см. Схема 1).

Схема 1. Образовательные виды виртуальной реальности.

Виртуальные экскурсии

При обучении тем, связанных с географией, историей, языком и литературой увлечь обучающихся можно, предложив им глубокое погружение в ощущение места и времени. Виртуальное посещение любого места на земном шаре предлагает незабываемый и полезный опыт вместо обычного чтения, описательных инструкций и иллюстраций о нём. В виртуальной реальности нет ограничений словесными описаниями или книжными иллюстрациями, можно подробнее изучить тему самостоятельно и посмотреть, как все устроено. [2] В качестве примера, предоставляющего такой опыт, является приложение *Google Expeditions*, своего рода библиотека экскурсий, доступная для обычных пользователей смартфонов. Каждое путешествие состоит из VR-панорам с обзором на 360 градусов, а выбор путешествия варьируется от Великой Китайской стены до Марса. Посетить различные места, в которых практически невозможно побывать лично, можно из любой точки мира виртуально. Компания Google опробовала это приложение в сотнях школ по всему миру. Проект оказался чрезвычайно успешным: в виртуальных экспедициях Google участвовало более 1 миллиона студентов из 11 стран.

На сайте Культура.рф приведены «Виртуальные прогулки» - примеры виртуальных туров и трёхмерных панорам крупнейших музеев, художественных галерей и архитектурных ансамблей России. На виртуальную экскурсию можно отправиться:

- в Государственный Русский музей посмотреть живописные экспозиции и портреты их авторов: http://virtual.rusmuseumvrm.ru,
- по Московскому Кремлю — http://tours.kremlin.ru,
- в Новгородский музей-заповедник, где можно увидеть редкие древнерусские иконы, это комплексный гид и по краеведческому музею в Боровичах, и по усадьбам Достоевского и Суворова, и по Колокольному центру на Валдае, http://nov.vm.culture.ru/,

- в Государственный изобразительный музей им. А. С. Пушкина, где с помощью технологии виртуальной реальности можно увидеть объёмные панорамные виды галерей https://pushkinmuseum.art/media/virtual/,
- в Государственный музей архитектуры им. Щусева, чтобы изучить стили в русской архитектуре и узнать, чем модерн отличается от авангарда, а классицизм от историзма, http://vma.muar.ru/ru,
- Посетить архитектурные ансамбли в Суздале http://vm1.culture.ru/vtour/tours/arkhitekturnyy_ansambl_suzdal/pano.php, во Владимире http://vm1.culture.ru/vtour/tours/arkhitekturnyy_ansambl_vladimir/pano.php, в Ростове http://vm1.culture.ru/vtour/tours/rostovskiy_kreml/pano.php, в Рязани http://vm1.culture.ru/vtour/tours/arkhitekturnyy_ansambl_ryazanskogo_kremlya/pano.php и других местах,
- в исторические дома-усадьбы, где жили русские классики, такие как: М.А.Шолохов http://vm1.culture.ru/vtour/tours/muzey_zapovednik_sholokhova/pano.php, А.С. Пушкин https://www.vml.culture.ru/vtour/mihailovskoe/mikhailovskoe_museum.html, И.С. Тургенев http://vm1.culture.ru/vtour/tours/spasskoye_lutovinovo/pano.php, А.Н. Островский http://vm1.culture.ru/vtour/tours/muzey_zapovednik_ostrovskogo_shchelykovo/pano.php
- в мемориальный музей Ф.И. Шаляпина https://music-museum.ru/virtuals/chaliapine/index.html или П.И. Чайковского https://music-museum.ru/virtuals/chaykovskiy/
- в музеи деревянного зодчества архитектурный и этнографический музей «Кижи» http://kizhi.karelia.ru/journey/exe/, в Вологодской области «Семенково» https://vtour.semenkovo.ru/,
- в военно-исторические музеи «Сталинградская битва» http://vm1.culture.ru/vtour/tours/mamayev_kurgan/pano.php или «Центральный музей Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» https://victorymuseum.ru/online-programs/ [6].

Образовательные приложения VR

Использовать виртуальную реальность в образовании можно также в качестве преимущества для обучающихся, чтобы расширить свои возможности в выборе будущей карьеры, представить себя на месте другого специалиста. Такого вида опыты предоставляют возможность прожить профессиональный день какого-нибудь эксперта, посмотреть, что человек изучает, и понять, что ему нравится или не нравится в его работе. В результате приобретается профессиональный опыт [1]. Например, побыть в роли космонавта, отправиться в тур по кабине космического корабля, ощутить невесомость или выйти в открытый космос позволяет VR приложение Mission: ISS by Oculus.

Essential Public Speaking with VR - гибридный курс в онлайн и виртуальной реальности, позволяющий получить практические навыки говорения, публичного выступления, рассказа, снабжающий видео инструкциями по тому, как научиться устанавливать зрительный контакт с различной по численности аудиторией, перед которой предстоит произнести речь в виртуальном пространстве.

Mondly VR, VR Speech, Alt Space VR, Virtual Speech – программы виртуальной реальности в помощь при изучении иностранных языков.

Российские оригиналы Altair VR – разные по длительности образовательные фильмы по различным темам (более 30). TvoriVfi – приложение по созданию анимации и фильмов, направлено на развитие творческих способностей учащихся. VR-ОБЖ – практические VR ситуации, обучающие технике безопасности, ориентированию на местности, встрече с дикими животными, сигналам бедствия с целью сохранения здоровья.

VR платформы

С помощью таких образовательных VR платформ, как Engage VR, Rumii, Anyland, NeosVR, High Fidelity или Bigscreen можно создавать виртуальные события, встречи, тренинги. Вместе с другими международными виртуальными студентами есть возможность попасть на виртуальную лекцию или занятие, где можно смотреть и слушать лекции ведущих преподавателей со всего мира. Чтобы оживить демонстрацию в аудитории, преподаватели создают собственные трёхмерные объекты, например, такие как кит, динозавр или тело человека. [2, 4]

Компания Adobe также приводит перечень преимуществ внедрения виртуальной реальности в образовании:

- лучшее ощущение места: учащиеся могут узнать о предмете, получив опыт нахождения в нём;
- масштабное обучение: преподаватели могут создавать виртуальные лаборатории, чтобы сократить расходы и повысить доступность;
- обучение на практике: практические задания выполняются не через привычное чтение;
- эмоциональная реакция: для сохранения интереса и повышения мотивации преподаватели создают незабываемый опыт для приобретения учащимися,
- творческое развитие: расширение творческих возможностей учащихся с помощью таких технологий, как Tilt Brush от Google (позволяет рисовать в трёхмерном пространстве с виртуальной реальностью в реальном масштабе),
- визуализация: лучшее понимание образовательного содержания. [1]

При дистанционном обучении виртуальная реальность позволяет объединить преподавателей и учащихся в едином цифровом формате — учителя могут телепортироваться в мир виртуальной среды и направлять учащихся, используя свои знания и опыт. Таким образом меняется и роль преподавателя, который выступает не в роли передатчика готового багажа знаний, а в роли ментора-помощника, организующего обучающее пространство для исследования и благоприятные условия для взаимосвязи.

Дополненная реальность

Итак, виртуальная реальность – это реалистичная цифровая среда взаимодействия с трёхмерными объектами, созданная с помощью компьютерных технологий и посредством которой у пользователя возникают настоящие ощущения от погружения и нахождения в иной реальности, где усиливаются чувства восприятия и понимания, визуализации, реализации и взаимодействия друг с другом при изучении предмета виртуально [10].

В отличие от виртуальной реальности, где необходимы специальные шлем или очки для погружения, AR дополняет реальность с помощью трёхмерных объектов посредством камеры смартфона или планшета. Сгенерированные компьютером объекты появляются на экране смартфона, проецирующим нашу действительность, в реальных масштабах (Рис.1).

Рис. 1 – Трёхмерные объекты-овощи, через камеру смартфона дополнившие реальность гостиной с помощью приложения Asseblr

Дополненная реальность – одна из новых технологий, не так давно применяемых в образовании. Такая технология уже показывает положительные результаты в помощь студентам и эффективность процесса обучения, при этом наблюдается повышенная степень запоминания и долговременного хранения знаний, умений и навыков в памяти, по сравнению с

традиционными двухмерными интерфейсами [9].

Assemblr, Augment, Augmentify It, Aurasma, Halo AR и Layar – инструменты по созданию трёхмерных объектов и контента, дополняющих реальность.

Mondly AR, AR Translator, Babelar, Speakly – приложения дополненной реальности при изучении иностранных языков, доступных к скачиванию в смартфоне.

Piano 3D, XDrum, Piascore – музыкальные приложения для занятий по музыке, игре на пианино, барабанах, чтению нот.

ZooKazam, Bugs 3D – дополняют реальность трёхмерными объектами разных видов животных, рыб, рептилий и насекомых. Для изучения растений – Arloon Plants.

«Лаборатория виртуальной и дополненной реальности» - программа, разработанная российскими экспертами по реализации следующих направлений: клеточная биология, симметрия молекул и кристаллов, стереометрия, сечение многогранников, мозг человека. [13]

Будущие перспективы и выводы

На основании ненаучной теории «Конус опыта» американского преподавателя Эдгара Дейлса о том, что люди посредством приобретённого опыта запоминают намного больше и лучше, чем прочитав, посмотрев или услышав. Глазко, создатель социальной VR площадки Rumii, «без сомнений» утверждает, что онлайн занятия будут замещены виртуальной реальностью. «Никто не запоминает онлайн-уроки», — говорит он. «Это просто данные, которые загружаются в ваш мозг самым скучным способом». По прогнозу вебсайта Built in, описывающего новые технологии, использование виртуальной реальности в обучающихся классах резко возрастёт в течение следующих пяти лет. [3]

Преимущества применения виртуальной и дополненной реальности очевидны. Образовательные VR/AR приложения широко используются во многих школах и университетах Северной Америки, ОАЭ, Сингапура, Южной Кореи и Китая. Препятствием к распространению и доступности часто является бюджет учебных институтов. Наблюдается рост интереса, как и в среде преподавателей, так и, бесспорно, студентов. Растёт и число проведённых исследований в этой области, подтверждающих методическую эффективность и плодотворность применения виртуальной и дополненной реальности в образовательных целях.

References:

1. Adobe - Babich N. “How VR in Education Will Change How We Learn and Teach”, 2019 https://xd.adobe.com/ideas/principles/emerging-technology/virtual-reality-will-change-learn-teach/
2. Barnard D. “How Virtual Reality can improve online learning”, 2021 https://virtualspeech.com/blog/how-virtual-reality-can-improve-online-learning
3. Built in – сайт по описанию новых технологий // https://builtin.com/edtech/virtual-reality-in-education, 2021
4. Engage VR – образовательная VR платформа https://engagevr.io
5. How Virtual Reality is changing education, 2020, https://online.lsu.edu/newsroom/articles/how-virtual-reality-changing-education/
6. Культура.рф: https://www.culture.ru/s/virtualnye-progulki/
7. Mester I. How Virtual Reality can Improve Online Learning Penn State engineers are working on technology to make online learning more interactive, 2015. https://www.engineering.com/story/how-virtual-reality-can-improve-online-learning
8. Russel D. “Implementing Augmented Reality Into Immersive Virtual Learning Environments”, - Walden University, USA, 2021

9. Singh D., Banerjee A., Nath I. "Application of Augmented Reality and Virtual Reality in Education", - JIS College of Engineering, India, 2021 p. 89 – 101
10. Woodford C. "Virtual reality. Explain that stuff", 2021 https://www.explainthatstuff.com/virtualreality.html
11. Список массовых открытых ресурсов онлайн-курсов: https://lifehacker.ru/besplatnyye-onlayn-kursy/?ysclid=l1pa1i4aep
12. Список ссылок на виртуальные экскурсии по музеям России: https://mirmol.ru/blogs/spisok-ssylok-na-virtualnye-jekskursii-po-muzejam-rossii/
13. Хукаленко Ю. «15 VR- и AR-приложений для школ: обзор российского рынка», 2020, https://vc.ru/education/107661-15-vr-i-ar-prilozheniy-dlya-shkol-obzor-rossiyskogo-rynka

Information about the author:
McGuinn Irina (Houston, USA) *– expatriate, who lived in four countries, Russian language teacher, running the after-school program "The Russian Heritage Language" at British International School of Houston, has bilingual children of her own.*

Academic interest: use of new technologies in education, virtual reality, augmented reality in teaching bilingual and heritage children mother tongue or Russian as a foreign language. Postgraduate student at the Institute of Philology – Department of linguodidactics, RFL and bilingualism at Moscow State Pedagogical University, currently working on the dissertation: "Augmented and Virtual Reality as a Form of Environmental Approach to Teaching the Russian Language to Bilingual Children in the USA."

Published articles: "Distant learning support in teaching children Russian as a foreign language.", "Virtual Reality [VR] and Augmented Reality [AR] as means in teaching the Russian language.", "Virtual and Augmented Reality as Ways of Second Language Teaching in Limited Language Environments (Study Review)." E-mail: irina.mcguinn@gmail.com

Acknowledgments*: To my scientific director, professor Elizaveta Aleksandrovna Khamrayeva and the professors at the Institute of Philology – Department of linguodidactics, RFL, and bilingualism at Moscow State Pedagogical University for being my scientific mentors and coaches.*

Contribution of the author. *The author contributed equality to the present research.*

Reviews and Notes

Russian-Slovak Interlingual Homonymy / L. Gajarský. Brno: Tribun EU, 2021. 124 p. ISBN 978-80-2633-1648-0.

Русско-словацкая межъязыковая омонимия / Л. Гаярский. Брно: Трибун ЕУ, 2021. 124 с. ISBN 978-80-2633-1648-0.

Рецензируемая нами монография *Rusko-slovenská medzijazyková homonymia (Русско-словацкая межъязыковая омонимия),* изданная в 2021 году в чешском издательстве Tribun EU, является составной частью исследования научного грантового проекта *VEGA 2/0067/18 Medzijazyková homonymia v slovanských jazykoch*; *(ВЕГА 2/0067/18 Межъязыковая омонимия в славянских языках)*, осуществляемого в Институте славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук в Братиславе в 2018 – 2021 гг., под руководством ответственного исполнителя Марии Кошковой, к. ф. н. Автором монографии является доц. Лукаш Гаярский, к.ф.н., один из исполнителей вышеуказанного проекта и одновременно сотрудник кафедры русистики на Философском факультете Университета Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве (Словацкая Республика). В предлагаемой широкой научной общественности, студентам и аспирантам новой монографии, автор затрагивает основную проблему – межъязыковую омонимию между двумя близко родственными славянскими языками – русским и словацким.

Цель автора – представить проблематику отношения полисемии и омонимии, межъязыковой омонимии, а также определить источники русско-словацкой межъязыковой омонимии. С лингвистической точки зрения, замыслом автора также является описание типологии семантических связей русско-словацких межъязыковых омонимов.

Предметом исследования послужили 622 лексических единиц – русско-словацких омонимических пар, тщательно подобранных автором их Словаря русско-словацких межъязыковых омонимов, составленного в соавторстве с доц. Татьяной Григоряновой, к.ф.н. в 2019 году. Хочется отметить, что автору на высоком профессиональном уровне удалось

рассмотреть единицы, сходные с формальной точки зрения, но разные по содержанию, у которых есть самые распространённые семантические связи, благодаря их разнообразным стилистическим и прагматическим характеристикам.

При составлении монографии автор использовал синхронно-компаративный метод, направленный на установление актуальных семантических связей между единицами с разными стилистическими характеристиками (литературный язык в его разговорной и книжной формах, диалект, сленг) русского и словацкого языков. Автор также использовал синхронно-диахронный метод для исследования развития сравниваемых пар лексем с точки зрения их формальных и семантико-стилистических характеристик. Метод корпусного исследования позволил автору сделать выводы о наличии определённых лексических единиц в живом языке, частотности их использования и развитии их значений. Метод анализа дефиниций в словарях в сочетании с методом анализа контекста позволили автору сформулировать выводы о незначительных семантических отличиях сравниваемых единиц, их эмоционально-экспрессивных, стилистических и прагматических характеристиках.

Основой теоретических исследований автору послужили работы из сферы лексической семантики и парадигматики таких учёных как В. И. Абаев, Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, О. С. Ахманова, Ю. Долник, Д. И. Шмелёв и др. В связи с вопросами этимологии языковых единиц Л. Гаярский пользовался работами А. Е. Аникина, А. Ф. Журавлёва, О. Н. Трубачёва и др. В рамках исследования межъязыковых омонимических лексических единиц автор основывался на работах В. В. Акуленко, В. А. Виноградова, Я. Влчека, Т. Григоряновой, В. К. Журавлёва, И. А Зайцевой, А. Е. Супруна, Н. М. Шанского и др.

Представленная монография Л. Гаярского, отличающаяся чёткостью композиции и продуманной структурой, состоит из пяти разделов, включающих несколько подразделов (все главы, кроме третьей). Составные части монографии – введение (с. 4 – 7), заключение (с. 97 – 100), а также библиография (с. 101 – 114). Достоинством рецензируемой монографии можно считать добавление отдельного списка используемых словарей (с. 115 – 117), а также приложения (с. 118 – 123) в виде корпуса составленных в алфавитном порядке омонимических пар.

В подзаголовке 1.1 первого раздела автор приводит обзор проблематики расслоения омонимии и паронимии. В подзаголовке 1.2 автор также много места отводит межъязыковой омонимии и терминологии. В последнем подзаголовке (1.3) данного раздела даётся строгое разграничение признаков межъязыковых омонимов и межъязыковых паронимов. Во втором разделе автор указывает на два основных источника русско-словацкой омонимии – праславянский корневой лексический фонд (подзаголовок 2.1) и интернациональную лексику (подзаголовок 2.2). В третьей главе речь идёт о формальной классификации русско-словацких межъязыковых омонимов. Положительно оценивается презентация самостоятельного восприятия межъязыковой аналогии в двух сравниваемы языках – русском и словацком. В четвёртой главе освещаются сложные вопросы, связанные с составлением семантической и стилистической классификаций межъязыковых омонимов с попыткой на основе логической схемы привести три группы семантических отношений (семантическое отношение различия, семантическое отношение инклюзии и семантическое отношение пересечения), представить свою классификацию русско-словацких межъязыковых омонимов. В пятой главе, на основе упомянутого выше, автором осуществляемого анализа языкового материала с наблюдением некоторых метафорических и метонимических моделей переноса значения, приводится картина этих отношений с омонимией в синхронно-диахронном аспекте. Разделяем точку зрения автора о том, что до сих пор в научной литературе такой подход не был представлен, и, соответственно, пятый раздел рецензируемой нами монографии можно по праву считать инновативным и оригинальным. В заключении мы согласны с мнением автора о том, что данная монография не исчерпывает глубину рассматриваемой проблематики, но будет

способствовать объяснению её некоторых аспектов, а также стимулирует дискуссию по новым вопросам.

Таким образом, мы пришли к выводу, что монография, представленная Л. Гаярским, отличается чёткостью композиции, продуманным расположением материала, написана соответствующим научным и одновременно доступным языком. Автору в полной мере удалось рассмотреть вышеназванную проблематику, при этом Л. Гаярский показал глубокие знания в освещаемых вопросах и продемонстрировал умение работать с научными работами, корпусом, словарями и другими источниками, поэтому, как нам кажется, его монография имеет большое теоретическое и практическое значение. Кроме того, рецензируемая нами монография Л. Гаярского, безусловно, окажет позитивное влияние на дальнейшие исследования в области межъязыковой омонимии, паронимии, семантики и прагматики. Она будет полезна не только для лингвистов-славистов, но и для аспирантов и студентов.

В целом, книга Л. Гаярского, без сомнения, представляется очень интересной и серьёзной работой, заслуживающей положительной оценки.

Литература:

Grigorjanová, T. – Gajarský, L.: Slovník rusko-slovenských medzijazykových homoným. Brno: Tribun EU, 2019. 127 s. ISBN 978-80-263-1544-5.

Ян Галло, доцент кафедры русистики Философского факультета Университета им. Константина Философа в Нитре (Словацкая Республика)
Jan Gallo, Associate Professor of Russian Department at Faculty of Arts of Constantine the Philosopher University in Nitra (Slovak republic)

Characteristics of the journal: international, peer-reviewed, scientometric databases,
Published three times a year, open access articles.
Type setting DTP: L. Shmiclt
Printing risography.
Format 60x84 1/16. Offset paper N1. A printed sheet 31.
Circulation 100.
Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont, USA
E-mail: infoccs.edu@gmail.ru